

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

193

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

193

ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА, «НАУКА» 1988

ББК 63.4
П15

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора);
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
М. П. ЗИМИНА, В. И. МЕЛЬНИК

П15 **Памятники неолита и бронзы.** — М.: Наука, 1988. — 104 с. илл. —
(Крат. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 193)
ISBN 5—02—009469—2

В сборнике приводятся результаты исследования интересных материалов по истории первобытных племен, населявших нашу страну. Рассматриваются вопросы культуры и быта народов древнего периода, а также хозяйственно-экономической жизнедеятельности.

Для археологов.

П 0504000000—178 57—88—IV
042(02)—88

ББК 63.4

Научное издание

Памятники неолита и бронзы

КСИА, вып. 193

Утверждено к печати

ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян. Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Е. Ф. Альберт. Корректор Р. С. Алимова

ИБ № 37935

Сдано в набор 10.03.88. Подписано к печати 06.06.88. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр. отт. 9,45.
Уч.-изд. л. 10. Тираж 1400 экз. Тип. зак. 1396. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90. 2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубин-
ский пер., 6

ISBN 5—02—009469—2

© Издательство «Наука», 1988

СТАТЬИ

Н. Н. ГУРИНА

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ОБРАБОТКИ
НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ

В результате небывалого размаха археологических исследований накоплено огромное количество материала, в том числе керамического. Однако методика обработки этого материала сильно отстает от темпов накопления. В особенности это касается неолитической керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом, что обусловлено рядом причин.

Территория, занятая культурами с такой керамикой, обширна, а потому последняя разнообразна и вместе с тем имеет много общего. В абсолютном большинстве эта керамика найдена на поселениях. Раздавленные сосуды, позволяющие с достаточной достоверностью восстановить их форму и композицию орнамента, встречаются редко. Основной источник — огромное число разноразмерных фрагментов. Часто черепки от одного сосуда находятся на разных концах поселения.

Для неолитической керамики характерно большое сходство в орнаментации, так что порой трудно определить принадлежность фрагментов одному или нескольким сосудам. Только тщательное наблюдение над деталями позволяет уловить нюансы в элементах или мотиве узора. Рисунок покрывает сосуд от края до днища, форма сосуда полуяйцевидная, поэтому части выделяются не с такой отчетливостью, как у профилированных плоскодонных сосудов. В целом ямочно-гребенчатый орнамент имеет зональный характер, лишь изредка его отдельные зоны разделены участками гладкого фона. В посленеолитическое время керамика в большинстве случаев украшена только фризами.

Первейшим этапом обработки керамики является выделение фрагментов одного сосуда. Это процесс трудоемкий и требующий большого терпения, однако без него невозможно определить количество и форму сосудов на поселении и понять орнаментацию. Пренебрежение указанным этапом изучения керамики приводит к тому, что исследователь, вычисляя процент одинаково орнаментированных сосудов и «индекс родственности», не имеет точных данных.

Чтобы керамика стала действительно полноценным источником для решения исторических проблем, необходимо всестороннее ее изучение и четкое описание. Несомненно, большое количество керамики требует усовершенствования ее обработки, в частности использования ЭВМ. Для этого необходима прежде всего унификация материала самим исследователем, создание точной номенклатуры и типологии. Существующие рекомендации обработки керамики¹, порой достаточно сложные, в ряде случаев носят «замкнутый» характер и применимы лишь к материалу ограниченной территории или определенному отрезку времени. Они учитывают в основном целые сосуды, а не массу фрагментов.

Отсутствует и единая терминология. Нередко одинаковый объект описан исследователями различно,

Долгие годы основой для описания керамики служила работа В. А. Городцова², и каждый термин ассоциировался у специалистов

только с одним понятием. Приток в науку новых исследователей, представителей различных школ, и в известной степени стремление к новаторству породили ряд типологий и массу новых терминов для орудий и керамики. Типологии значительно отличаются друг от друга, что мешает их сопоставлению. Введение новых терминов необходимо, если они обозначают предметы или понятия, не существовавшие ранее. Оправданны они и в том случае, если углубляют эти понятия, уточняют или дифференцируют их. К сожалению, в настоящее время происходит иной процесс. Появляется целый поток новых определений, слов, соответствующих старым понятиям и явлениям, которые не уточняют их смысла. При этом движущим механизмом является лишь стремление к оригинальности. Главное, это «словоизобретение» и чрезмерное преклонение перед иностранной терминологией отнюдь не вызвано необходимостью, учитывая возможности русского языка.

Подобное явление наблюдается и при исследовании керамики. Так, например, на смену термина, предложенного В. А. Городцовым, — «срез» края сосуда — пришел термин «торец». Первый отражает реальный технический прием современных и древних гончаров — выравнивание края сосуда с помощью срезания лишней части глины, второй не передает этого процесса.

Известно, сколь велико значение орнамента керамики при сопоставлении культур. В настоящее время нередко работы сопровождаются схемами орнамента сосудов, но, к сожалению, остается неясным, по какому принципу они построены и какую именно часть узора отражают. Произвольно употребляются термины «узор», «композиция», «элемент», «мотив». Не существует единообразия и в наименовании элементов орнамента. При таком положении трудно производить сравнение.

Учитывая сказанное, неолитическая группа ЛОИА разработала схему изучения и описания ямочно-гребенчатой керамики, которая была обсуждена и одобрена специалистами по неолиту, представителями ряда городов: Москвы, Минска, Вильнюса, Петрозаводска и др.

Основной задачей предлагаемой разработки является унификация анализа и описания керамики по всем параметрам и установление единых понятий с целью выявления общих и особенных ее черт в отдельных памятниках и культурах.

Исследование должно включать характеристику технологии сосудов и их формы: 1 — отощитель глины (органический, неорганический — трава, песок, дресва, шамот, раковина и др.); 2 — техника лепки (подлеп, налеп-стыковка, выколачивание, применение твердой основы); 3 — толщина стенок (тонкие 0,5–0,7, средние — 0,7–0,9, толстые — 1,0–1,5 см); 4 — обработка поверхности, одной или обеих (заглаживание рукой, расчесы штампом, штриховка, ангобирование); 5 — форма сосуда в целом (полуяйцевидная, профилированная); а — срез края (прямой, скошенный, приостренный, утоньшенный, гофрированный, с орнаментом или гладкий); б — форма шейки (сильно вогнутая, слабо вогнутая, сосуд непрофилированный), в — стенки (прямые, слабо отогнутые, сосуд «закрытой» формы), г — днище (острое, приостренное, округлое, уплощенное, плоское, шиповидное, оттянутое).

Наиболее трудоемким является исследование орнамента. Поскольку речь идет об искусстве, следует в пределах возможного приблизить нашу терминологию к искусствоведческой. Необходимо рассматривать орнаментацию сосудов как нечто целое и в то же время выделять ее составные части (рис. 1).

Принято понимать орнамент как узор, построенный на ритмическом чередовании геометрических или иных элементов. Описание следует начинать с элементов — исходных, лежащих в основе орнамента. В нашем понимании элемент — неделимое, т. е. оттиск одного штампа (орнаментира). Орнаментир может быть различным: и сложный зубчатый штамп, изготовленный специально в этих целях, и естественный предмет (белемнит, рыбий позвонок, кедровый орешек, шишка, просто палец

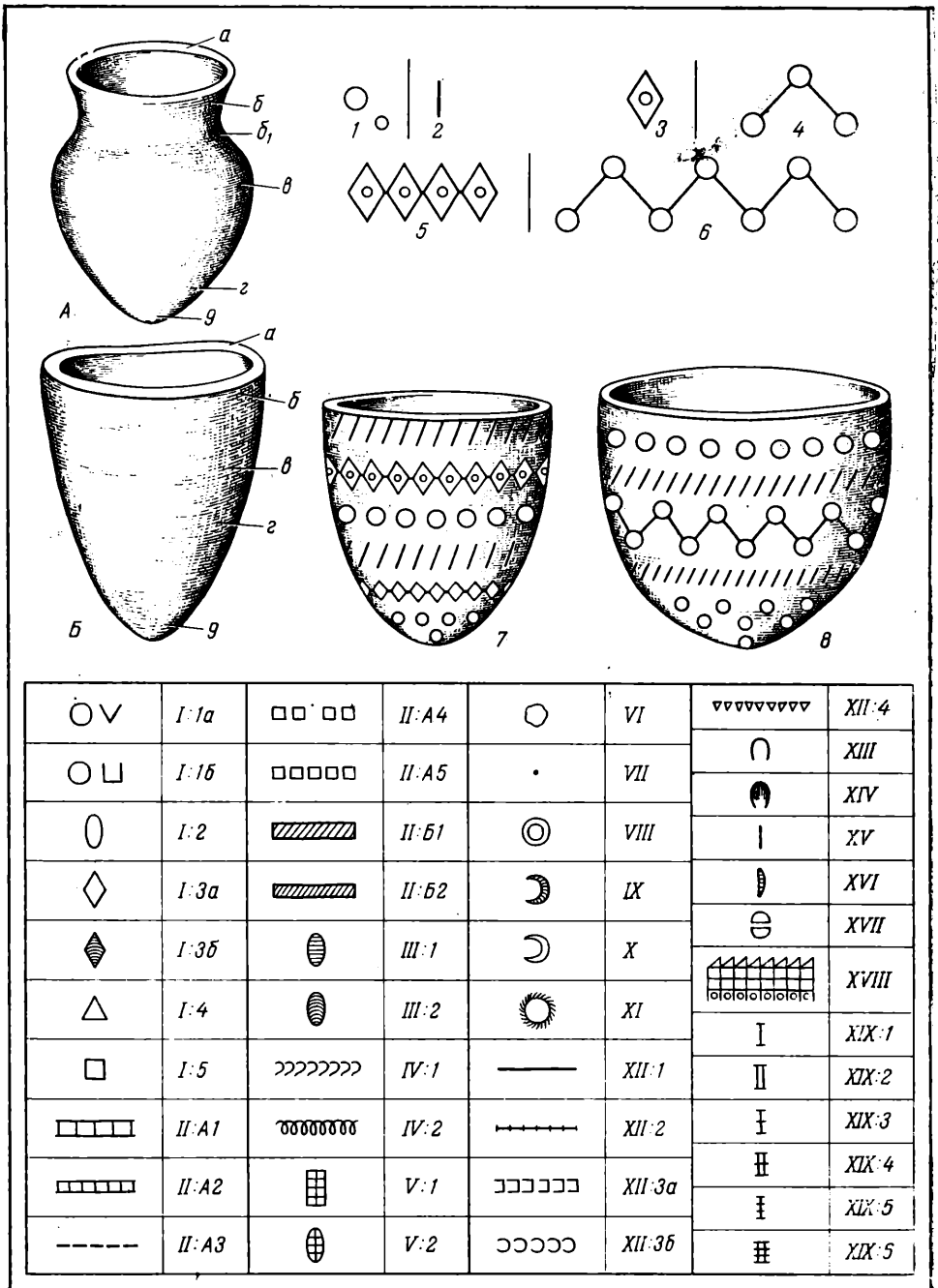

Рис. 1. Схемы орнамента керамики

А, Б — части сосудов; а — срез края; б — край; б₁ — шейка; в — тулово; г — придонная часть сосуда; д — днище. 1, 2 — элементы орнамента; 3, 4 — мотивы; 5, 6 — зоны; 7, 8 — композиции. I—XIX — элементы орнамента, наиболее распространенные в ямочно-гребенчатой керамике, и некоторые элементы культуры сперрингс

и т. д.). Количество элементов не слишком велико. Среди них есть стандартные — ямки и оттиски гребенки, использовавшиеся в течение длительного времени, от неолита до средневековья, на широкой территории. Другие элементы отражают специфику данного региона или культуры. Нередко используются разные предметы, не всегда поддающиеся определению. Элементы орнамента можно сравнить со стежком или крестом,

используемым при вышивке. При соответствующей комбинации они создают определенный рисунок.

Благодаря различным сочетаниям слагаются мотивы — «декоративный элемент, положенный в основу соответствующей композиции или ее части и использованный как главный материал»³. В нашем случае это преимущественно геометрические фигуры, построенные сочетанием отпечатков одного-двух видов орнамента.

Мотивы сложного строения (например, геометрические фигуры), образующие горизонтальные, вертикальные или диагональные ряды, слагают зоны. Зоны могут слагать и мотивы простого строения (ямки, нарезки, отпечатки гребенки и т. д.) в том случае, если они нанесены в два или более параллельных ряда. В противном случае они остаются на уровне мотивов. Зоны редко отделены друг от друга неорнаментированным фоном.

При рассмотрении орнамента конечным является композиция. Это «наименование отдельного художественного произведения, обдуманно построенного и законченно выполненного, — картина»⁴. Для нас это орнаментация целого сосуда. К сожалению, нам приходится иметь дело преимущественно с большими или меньшими частями сосуда, а следовательно, и композиции. Вот почему так важно стремиться к получению крупных фрагментов.

Таким образом, разбор и описание орнамента являются многоступенчатыми и строго последовательными. Особое значение приобретают мотивы, и потому они очень четко и тщательно должны выделяться из всей орнаментации, не подменяться отпечатками сложного орнамента или частью композиции. Необходимо, чтобы исследователь указывал в иллюстрациях, что передает данная схема — мотив, зону или часть композиции.

Количество мотивов в рассматриваемой керамике относительно невелико. Кажущееся многообразие создается за счет комбинации разных элементов. Наиболее широко распространенными являются мотивы: горизонтальные, реже вертикальные и диагональные линии, треугольники, зигзаги, ромбы, крест, косая сетка, горизонтальная или вертикальная «елка» (близко расположенные параллельные зигзаги, выполненные гребенкой или нарезками), очень редко розетки из ямок. Единичны случаи зооморфных или антропоморфных изображений — водоплавающая птица и человек. В этом случае рисунок имеет сюжетный характер. Ниже зоны плывущих уток размещается горизонтальный или зигзагообразный мотив, символизирующий воду. Иногда мотив трудно вычлениется, и все же на материалах крупных памятников, тем более отдельных культур, можно создать типологию наиболее характерных для них мотивов.

Гораздо сложнее обобщить композиции. Количество их обычно велико даже в пределах одного поселения. До некоторой степени число их увеличивается за счет того, что часто мы имеем дело с фрагментами сосудов, украшенных различно в верхней, средней и нижней части.

Индивидуальное творчество древнего керамиста проявляется уже на уровне мотивов, где требуется замысел и способность художника. Вместе с тем они как бы заключены в определенные рамки, диктуемые вековой народной традицией, вследствие чего каждой культуре присуще некоторое количество только для нее характерных мотивов, поэтому использование орнамента керамики в целях сопоставления культур возможно не ниже уровня мотивов. В композиции сильнее проявляется личность мастера. В целом композиция рассматриваемых культур варьирует от очень простой (когда сосуд украшен полностью только ямками) до сложного геометрической.

В целях унификации элементов узора (отпечатков орнамента) предлагается единое их наименование. Как известно, о терминах условливаются. Мы старались сохранить наиболее установившиеся в литературе названия, не заменяя их новыми.

Все элементы орнамента делятся на типы и варианты. Подчеркиваем,

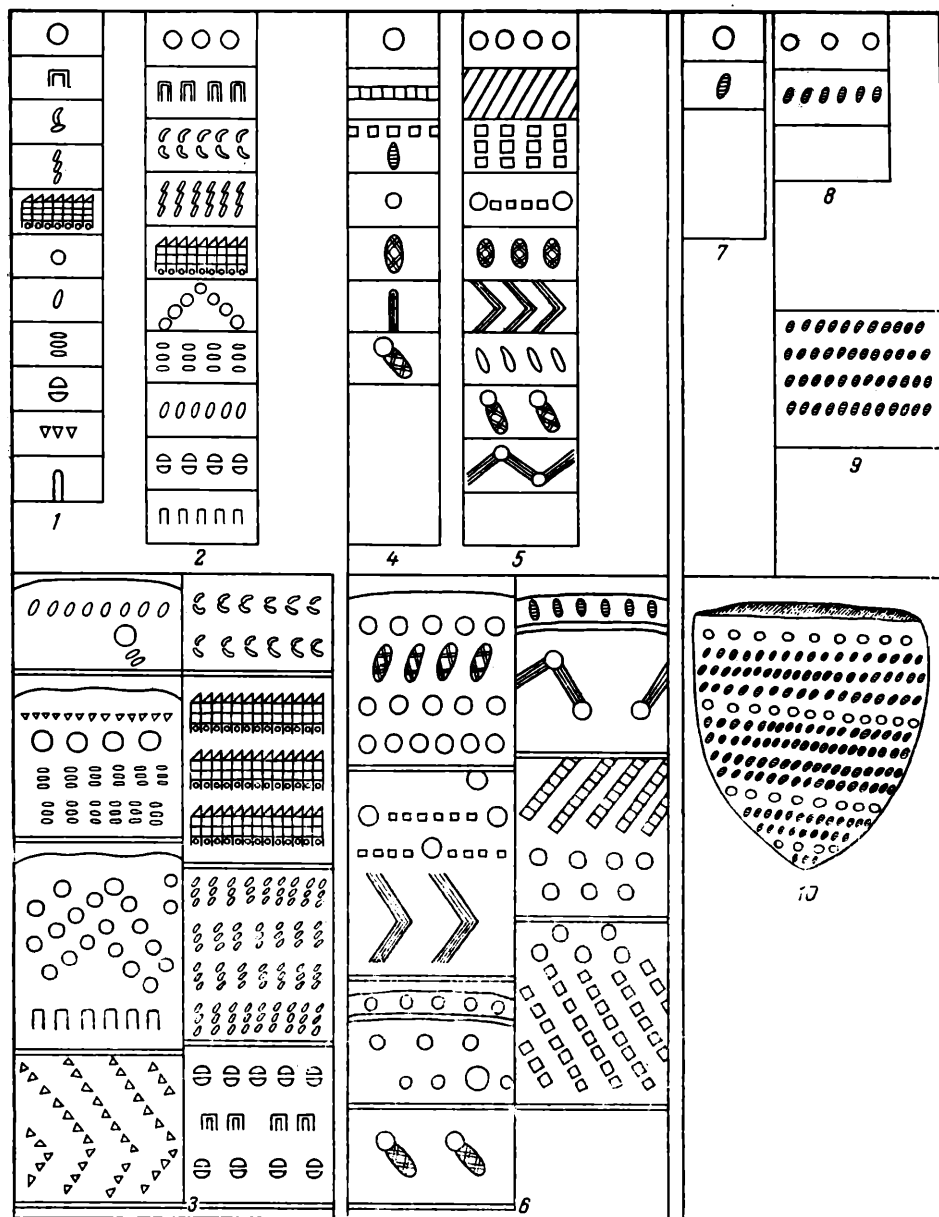

Рис. 2. Орнаментация керамики

1, 4, 7 — элементы орнамента; 2, 5, 8 — мотивы; 3, 6, 10 — части и полная композиция сосудов; 9 — зона. 1—3 — Цага 1; 4—6 — Маяк; 7—10 — Варзина 6

что эта схема не закрыта и может наращиваться исследователями разных территорий, для которых характерны иные типы и варианты.

Тип I — ямочный: 1 — круглоямочный: а — белемнитный (с бугорками от ямок на внутренней стороне сосуда); б — лунчатый (ямки плоскодонные); 2 — овальноямочный; 3 — ромбоямочный: а — плоскодонный, б — с реберчатым дном; 4 — треугольноямочный; 5 — прямоугольноямочный; II — гребенчатый: А — прямозубчатый: 1 — крупный; 2 — средний; 3 — мелкий — пунктирный; 4 — двузубчатый; 5 — редкозубчатый; Б — косозубчатый: 1 — крупный; 2 — средний; III — гусеничный: 1 — нанесенный перегородчатый штампом; 2 — концом стержня, обмотанного шнуром; IV — веревочный: 1 — одновитковый; 2 — многовитковый; V — рамчатый: 1 — прямоугольный; 2 — овальный; VI —

ямчатый (ямки различной величины, неправильных очертаний; VII — точечный; VIII — кружковый; IX — раковинный; X — полулунный; XI — жемчужный; XII — прочерченный; 1 — сплошной; 2 — сплошной пересеченный; 3 — с периодическим нажимом (отступающий: а — прямоугольный, б — округлый); 4 — накольчатый скорописный; XIII — арочный; XIV — тычковый (когда округлые или овальные штампы, поставленные под углом к плоскости сосуда, образуют один нависающий край); XV — нарезной (короткие отрезки прямых линий); XVI — насечки (выполненные концом раковины); тип XVII — копытообразный.

Помимо этих широко распространенных, в ряде областей при орнаментации керамики использовались штампы, которые встречаются на ограниченной территории, но весьма характерны для нее. К таким, например, относится тип XVIII — тесемочный, известный на Кольском п-ове, в Норвегии и Финляндии. Ограниченное распространение в той же северо-западной области (в культуре сперрингс) имеет тип XIX — позвонковый: 1 — одинарный; 2 — двойной; 3 — одинарный пересеченный; 4 — двойной пересеченный; 5 — одинарный дважды пересеченный; 6 — двойной дважды пересеченный.

В некоторых случаях оригинальные штампы употребляются одноразово в пределах одного или нескольких памятников. Необходимо также учитывать, что одним и тем же штампом иногда можно получить разные отпечатки в зависимости от того, под каким углом он поставлен к плоскости сосуда, а также отпечатан полностью или частично.

В данном случае мы ограничились рассмотрением в основном лишь элементов ямочно-гребенчатой керамики. Однако предложенная система, в частности обязательное рассмотрение орнаментации на разных уровнях — элементы, мотивы, зоны и композиция с отражением этого в публикациях, применима и для других неолитических культур, например, нарвской, неманской, днепродонецкой, только требует некоторого дополнения.

Таким образом, если принять предложенное наименование элементов орнамента (с небольшими дополнениями), мы получим коды применение которых позволит в процессе обработки значительно сократить описание. Например, вместо слов «орнамент круглоямочный белемнитный с негативами на внутренней стороне сосуда» можно всего лишь поставить код 1:1а. Применение предложенной системы облегчит сопоставление орнаментации различных памятников, поскольку описание ее будет стандартной, а также приблизит возможность использования ЭВМ.

Практика показывает, что наиболее целесообразным является следующий порядок обработки орнаментации керамики. Вначале по всем параметрам исследуются сосуды одного памятника, выделяются типичные для него элементы, мотивы, зоны и композиции. Как указывалось, композиции очень отличаются друг от друга и все же в каждой культуре, а следовательно, и в отдельных поселениях удается уловить определенную закономерность в их построении. Далее схемы орнаментации керамики отдельных поселений сопоставляются друг с другом и выделяются общие в орнаментации культуры в целом. В качестве образца мы приводим схемы обработки керамики самых маленьких стоянок Кольского п-ова (рис. 2).

Для решения ряда важных исторических задач, в частности проблемы древнего этногенеза, целесообразно проведение подобной работы по всем культурам с ямочно-гребенчатой керамикой, результатом чего должно явиться создание коллективной монографии силами специалистов различных регионов.

¹ Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973, № 1. С. 114—136.

² Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологи-

ческого съезда. М., 1901. Т. 1. С. 577—672.

³ Краткий словарь терминов изобразительного искусства. Изд. 4. М., 1965. С. 98.

⁴ Краткий словарь терминов... С. 74.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ У ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Проблемы, связанные с многообразной хозяйственной деятельностью древних обществ, плодотворно обсуждаются в последние годы в отечественной и зарубежной литературе¹. При попытках их решения используются данные, полученные традиционными археологическими методами и в большей мере при помощи применения естественных наук: палеоклиматологии, геоморфологии, палеозоологии, почвоведения и т. д. Успехи, достигнутые в этой области, несомненны. Учитывая эти разработки, опираясь на аналитическое рассмотрение имеющихся археологических данных² и историко-этнографические свидетельства, попытаемся охарактеризовать хозяйственные уклады древнего населения Кольского п-ва.

Комплексное изучение археологических памятников Кольского п-ва дает ценный материал, характеризующий процесс адаптации человеческих коллективов к существующим природным условиям, происходивший в основном за счет прогрессивных изменений орудий труда и трудовых операций. Природная среда, в которой находилось древнее население Кольского п-ва, имела ряд негативных и позитивных сторон. К первым относятся экстремальные климатические условия с резкими перепадами температур, высокой влажностью, сильными ветрами и длительной полярной ночью. Вторые характеризуются изобилием и многообразием потенциальной охотничьей добычи³.

При интерпретации имеющихся данных в интересующем нас плане перспективной является разработанная М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым⁴ теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ), в которой делается упор на конвергентно возникающее сходство у различных народов, существующих в одинаковых природных условиях при приблизительно равном уровне развития. Принимая положения, С. А. Арутюнов и другие авторы⁵ отметили, что в палеолитическую и мезолитическую эпохи существовал единый для всего человечества ХКТ — комплексные охотники и собиратели; подразделялся ХКТ на бродячих и относительно оседлых, имел локальные варианты и ряд подвидов, среди которых не исключены переходные формы. Появление различных ХКТ характерно для неолитического и последующих периодов.

Древнейшее раннемезолитическое население (VIII—VII тысячелетия до н. э.) Кольского п-ва занимало узкую полосу северного морского побережья. Применение картографирования археологических памятников, изучение площади и концентрации находок, мощности культурных слоев и комплексов орудий стоянок дают основание считать, что их обитатели существовали за счет «даров моря» на высокопродуктивной литоральной зоне, состоявших из съедобных моллюсков, погибших особей морского зверя, нередко выбрасываемых на скалы и отмели. Вероятно, их добычей становились «обсохшие» морские млекопитающие, которых легко можно было убить самым примитивным оружием, и не успевшая уйти во время отлива рыба. Отсутствие специализированных орудий и низкий уровень социальной организации не позволяют предполагать существование в этот период активной охоты на морского зверя. Присутствие наконечников стрел говорит о наличии сезонной охоты на сухопутных животных (олень, лось), появляющихся на побережье только в летние месяцы, и на птиц. Учитывая, что данный район занимает одно из первых мест в мире по разнообразию и богатству морской фауны, вероятно относительная устойчивость выбранного способа существования, подкрепляемая собиранием прибрежной флоры.

Количество населения и число членов коллективов этого периода представляется незначительным. Образ жизни был крайне подвижным с использованием летом волокуш, зимой — обледеленой шкуры⁶. Жилищем могли служить каркасные легкие, переносные (типа чума) сооружения, обтянутые шкурами, известные уже в гамбургской и аренбургской культурах⁷. Подобные округлые или прямоугольные в плане конструкции с очагом в центре зафиксированы на мезолитических памятниках Северной Норвегии и п-ова Рыбачий⁸. Площадь жилищ варьирует от 6 до 12 м², их количество на стоянках от 1 до 3, что позволяет установить численность оставивших их коллективов от 5 до 30, а вероятнее даже не более 10—15 человек⁹.

Каменная индустрия этого периода, помимо отщепов и нуклеусов, представлена орудиями, связанными с обработкой шкур, изготовлением средств производства и охотничьим вооружением. Немногочисленность, небольшие размеры орудий, значительное количество комбинированных изделий, возможно, отражают чрезвычайно подвижный образ жизни их изготовителей. Таким образом, древнейших обитателей Кольского п-ва можно отнести к подвиду бродячих морских собирателей.

В последующие этапы мезолита (VI—V тысячелетия до н. э.) происходит заметное прогрессивное развитие производительных сил общества, расширяется арсенал комплексов орудий, улучшается техника обработки. Намечается территориальное обособление отдельных групп населения, связанное с расселением на освободившихся от ледника пространствах¹⁰, поисками других средств жизнеобеспечения, ведущих в конечном счете к возникновению новых хозяйственных укладов. Наряду с морскими собирателями приморских стоянок появляются коллективы, осваивающие внутриматериковые районы, в хозяйстве которых главную роль играла сухопутная охота, дополняемая собирательством и, возможно, примитивным, нерегулярным рыболовством, основные приемы которого были заимствованы из охотничьей практики. Отставание развития рыболовства от охотничьей деятельности объясняется бедностью и даже полным отсутствием рыбы в приледниковых пресноводных бассейнах¹¹.

По этнографическим данным XVI—XX вв., аборигенное население севера Фенноскандии — саамы широко практиковали загонную охоту, преследование и скрадывание зверя с помощью очень долго бытовавших копий, лука и стрел, устраивали ловчие ямы, применяли различные ловушки, петли, капканы давящего и защемляющего характера, основными конструктивными элементами которых были три деревянные детали¹². Можно предположить, что наиболее простые из этих способов охоты и приспособлений могли существовать и у мезолитического населения.

Изучение археологических материалов среднего и позднего мезолита показывает определенное развитие техники обработки, увеличение количества орудий, особенно связанных с изготовлением костяных и деревянных изделий, совершенствование охотничьего вооружения. Вместе с тем состав орудий, их процентное соотношение и приемы обработки у обитателей приморских и внутриматериковых районов практически не отличаются. Это, по нашему мнению, свидетельствует не в пользу обычно предполагаемого существования единого по хозяйственному укладу населения, совершающего сезонные перекочевки, а объясняется общим низким уровнем развития общества, традициями и незначительными особенностями приемов добычи средств жизнеобеспечения у этнокультурных коллективов, по-разному специализировавшихся в рамках комплексного хозяйства. Вероятность данных предположений подтверждают археологические материалы. Во-первых, в период среднего и особенно позднего мезолита существуют уже довольно крупные сравнительно долговременные поселения на побережье и в континентальных районах. Во-вторых, при общем сходстве орудий зафиксировано отличие в использовании некоторых видов сырья: полное отсутствие на морских стоянках кремневого сланца из месторождений, широко используемых «тундровыми» обитателями. Трудно себе представить, что население, осуществляя сезонные

перекочевки, достигнув побережья, начинало изготовление полного набора новых орудий тех же типов исключительно из местного сырья. И в-третьих, не наблюдается увеличения числа морских стоянок, что должно было происходить при регулярных сезонных перекочевках. Более того, их количество сокращается, видимо, вследствие оттока населения в центральные районы.

Быт и хозяйство обитателей этого времени — кочевой образ жизни с зарождающимися чертами относительной оседлости, типы жилищ, средства транспортировки — не претерпели существенных изменений. Вероятно, несколько возросла численность населения и укрупнились отдельные коллективы, что подтверждается увеличением общего числа стоянок, их площади и мощности культурного слоя. Суммируя все данные, можно предположительно отнести обитателей среднего и позднего мезолита к разным подвидам единого ХКТ — морские собиратели и охотники на сухопутного зверя.

Успехи неолитического населения (IV—III тысячелетия до н. э.) в освоении природных ресурсов края, его обширных территорий и в развитии хозяйственной деятельности очень значительны. Осваивается керамическое производство, появляются новые категории и типы орудий. Начало использования сланцевого сырья, применение пиления, шлифовки, сверления имело огромное значение в технике производства. Переход к неолитическому периоду был, конечно, постепенным, и, четко отграничивая его от мезолитического, мы, несомненно, схематизируем ход исторического процесса. И в начале неолита, и, вероятно, позднее были отдельные коллективы, которые вели в основном прежний образ жизни, но все-таки практически везде появляются черты, отличающие материальную культуру обществ предшествующего и последующих периодов. В целом население раннего неолита можно считать относящимся к подвидам единого ХКТ, характерным для позднемезолитических обитателей.

В последующие этапы неолита существенные изменения, происходившие в жизни древнего населения, позволяют по-иному провести их хозяйственную классификацию. Присутствие на памятниках шлифованных сланцевых рубящих орудий свидетельствует о более интенсивном использовании органических материалов, в первую очередь древесины. Появление стоянок на островах говорит о существовании уже в это время водного транспорта — лодок. Увеличение количества и типового разнообразия скребков, ножей, сверл, проколов связано с возросшей и более тщательной обработкой шкур, кож, дерева, кости, рога и других материалов. Важным представляется появление и постепенное увеличение, особенно на морских стоянках, различных наконечников копий и дротиков.

Анализ всего комплекса данных, включая топографию памятников, наводит на мысль о появлении в это время у населения Кольского п-ва двух разных ХКТ. Обитателей внутренних районов можно отнести к таежным охотникам и рыбакам, дополняющим свой рацион продуктами собирательства. Более значимым видом промысла была охота на крупных животных, рыболовство занимало более скромное место. Судя по грузилам, встречающимся на поселениях, оно было уже сетевым. Основным охотничьим оружием оставался лук со стрелами, которые становятся совершеннее по обработке и разнообразнее по форме.

Население приморских районов можно считать арктическими охотниками на морского зверя, оговаривая, что этот тип хозяйства находился еще в стадии становления, в значительной мере дополнялся лесной охотой, собирательством на суше и литорали, рыболовством на реках и озерах. Присутствие большого количества наконечников копий и дротиков на прибрежных поселениях, вероятно, связано с освоением приемов морской охоты. Способы добычи морских животных в этот период, видимо, были еще примитивны и не особенно результативны: забой отдельных особей на берегу, подстерегание у лунок зимой, истребление молодняка, спорадическая охота в прибрежных водах.

Более быстрое и четкое оформление ХКТ у обитателей внутренних районов объясняется использованием ими в большей мере способов добычи средств существования, характерных для предшествующих периодов. Становление морского промысла требовало выработки специфических навыков, освоения морской практики, применения особого вооружения и оснащения, достижения определенного уровня социальной организации, на что уходило значительно больше времени.

Неолитические коллективы, которые, судя по количеству увеличившихся почти в три раза стоянок и поселений, заметно возросли, неоднократно передвигались в поисках новых угодий, но эти перекочевки, вероятно, не были регулярными, сезонными. Наличие долговременных памятников большой площади во всех районах, присутствие значительных культурных остатков, включая массу фрагментов от крупных сосудов, говорят, скорее, о существовании круглогодичных поселений и на побережье, и в центральной части. Некоторые отмечаемые различия в каменной индустрии и керамических комплексах обитателей двух зон, объясняются наряду с другими факторами определенной территориальной особенностью.

В эпоху раннего металла (II — начало I тысячелетия до н. э.) у одноплеменного населения Кольского п-ва можно выделить два развитых ХКТ: 1) таежные охотники и рыболовы, 2) специализированные арктические охотники на морского зверя. Под специализированными понимаются такие общества, у которых вся хозяйственная деятельность направляется одним, доминирующим способом добычи средств существования¹³. Конечно, сохраняются и другие, дополнительные промыслы, но явная специализация обитателей этого периода очевидна: весь облик материальной культуры, характер мест поселений, их топография ярко отражают хозяйственную направленность выбранного образа жизни¹⁴. Охотники и рыболовы центральной части успешно развивают традиционное направление хозяйства, осваивают участки территории, недоступные ранее из-за особенностей послеледниковой обстановки¹⁵. В результате более рациональной эксплуатации охотничьих угодий, дальнейшего развития компонентов комплексного хозяйства, в первую очередь продуктивного рыболовства, поселения превращаются в обширные и долговременные места обитания. Значительно более существенные изменения в это время происходят у населения, занимающегося морским промыслом. Охотничий инвентарь включает огромное количество наконечников стрел, дротиков, копий, гарпунов самых разнообразных типов. Остеологический материал, насчитывающий сотни тысяч костей морских животных, показывает, что основной добычей были гренландский тюлень, нерпа, морж, кит. Встречаются фаунистические остатки птиц и сухопутных животных (лось, олень, бобр, песец, волк, медведь)¹⁶, есть позвонки трески, лосося. Эти данные подтверждают постоянную, круглогодичную и чрезвычайно результативную охоту, в основном на морского зверя. Комплексная эксплуатация всех ресурсов в зонах наивысшей биологической продуктивности позволяла крупным коллективам долго жить на одном месте в стационарных поселениях. Для них характерны наземные четырехугольные в плане постройки (12—18 м²), полуземлянки, врытые в склон берега¹⁷, и сооружения типа чума — традиционная форма жилища, дожившая до наших дней.

Используя историко-этнографические данные, попытаемся предложить возможные способы морского зверобойного промысла. Вероятно, практиковался забой на лежбищах копытами, дубинами и камнями; в прибрежных водах — с лодок, используя дротики, гарпуны разных типов, в том числе и поворотные; охотились также, подкарауливая зверя у лунок¹⁸. Есть археологические свидетельства применения для ловли морских млекопитающих в бухтах и эстуариях специальных сетей¹⁹.

Морской промысел при удачной охоте давал огромное количество пищи и сырья. Мясо животных потребляли во всех видах: варили, вялили, квасили; кожу использовали для изготовления ремней, сетей на мор-

ского зверя, лодок, покрытия жилищ, обуви и т. д. Находили применение в хозяйстве жир — для отопления и освещения, кишки — для непромокаемой одежды, желудок и мочевого пузыря — емкости для хранения жира, моржовый клык — для выделки предметов домашнего обихода, украшений и орудий²⁰. Туши животных перерабатывались практически полностью, исключая хрупкие и пористые у морских млекопитающих кости скелета. Морская охота не могла все-таки полностью обеспечить всем необходимым древнее население. Нужны были прочная кость, сухожилия, рог лесных животных для изготовления орудий, их шкуры для теплой, легкой одежды, растительная пища для усвоения калорийного, но бедного по химическому составу мяса морских животных²¹. Значительным подспорьем были морское собирательство, что подтверждается находками в культурных слоях раковин моллюсков, промысел птицы, рыболовство. Последний компонент хозяйственного уклада хорошо отражен в материальной культуре этой поры. Практиковалось сетевое рыболовство (наличие грузил), битье рыбы острогой (сохранились костяные пронги шатин) и ужение (разнообразные каменные составные и цельные костяные крючки).

Эпоха раннего металла характеризуется общим расцветом материальной и духовной культуры населения Кольского п-ва. Хорошо развитое домашнее производство представляют многочисленные скребки, ножи, шилья, иглы, проколки, лощила, предметы утвари, другие бытовые изделия, которые использовались при изготовлении одежды, обуви, орудий труда, различных снастей и средств передвижения. Судя по находкам литейных форм, некоторое развитие получает и местное производство металлических орудий. Результатом оседлости, сравнительно высокого жизненного уровня можно считать определенный демографический скачок и возросшие эстетические потребности, выразившиеся в украшении орнаментальными узорами орудий труда и вещей культового назначения, а также увеличение количества предметов художественного творчества, имеющих в основном реалистический характер. Обитатели Кольского п-ва в эпоху раннего металла, обладая исключительно присваивающим хозяйством, в результате длительной адаптации сумели выработать оптимальную в данных условиях технологию промыслов и жизнеобеспечения, достичь такого высокого уровня развития, который трудно превзойти в рамках этого типа экономики. Считается, что обеспеченность продуктами питания населения, занимавшегося активным морским промыслом, превышала обычную для лесных охотников в 10—15 раз и в 2 раза — для земледельцев²². Можно согласиться с мнением, что общества специализированных охотников на морского зверя допустимо в какой-то мере приравнивать к обществам, осваивающим производящую экономику²³.

В целом же жизнь этих коллективов, их стабильность временами была неустойчивой, поскольку целиком зависела от регулярности появления животных и благоприятных природных условий. Бывали, конечно, и периоды голодовок, когда в ход шли все запасы и даже отбросы «сытых» времен. Вероятно, нередки и случаи полного вымирания целых поселений, так как проживание на ограниченной площади значительных коллективов длительное время могло вызывать эпидемические заболевания, стимулирующиеся огромными скоплениями разлагающихся отходов продуктов питания на самом поселении и вокруг него и усугублявшиеся голодовками. Примеры хронического антисанитарного образа жизни морских охотников документируются этнографическими источниками и археологическими материалами. Кроме того, достигнутые, особенно приморским населением, специализация и адаптация к существующим условиям имели отрицательную сторону, поскольку, подчиняясь закону эволюционного потенциала²⁴, этим обществам очень трудно переориентироваться при случающихся природных изменениях. Это, видимо, и происходит в середине I тысячелетия до н. э., когда население Кольского п-ва становится малочисленным, территориально разбросанным и вынуждено перейти к бродячему образу жизни во внутриматериковой тундре²⁵.

- ¹ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. М., 1972; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976; Крупник И. И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Advances in archaeological method and theory. N. J., 1978. V. 1; Mikkelsen E. Seasonality and mesolithic adaptation in Norway: New directions in Scandinavian Archaeology. Copenhagen, 1978; Jensen D. R. Maritime hunter-gatherers: ecology and prehistory // Current Anthropology. Chicago, 1960. V. 21; Welinder S. The Disappearance of a Hunting-gathering economy. Berlin, 1981; Population pressure in coastal environments: an archaeological test // World Archaeology. London, 1984. V. 16. N 1. Долуганов П. М. Природная среда и хозяйственная деятельность в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1982; Renouf M. A. P. Northern coastal hunter-fishers an archaeological model // World Archaeology. London, 1984. V. 16. N 1.
- ² Гурина Н. Н. Древние памятники Кольского полуострова // МИА. 1973. № 172; Она же. Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984; Шумкин В. Я. Ключевые вопросы каменного века Кольского полуострова // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. конф. Красноярск, 1984; Он же. Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- ³ Шумкин В. Я. Роль экологической среды в заселении Крайнего северо-запада Европы // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней: Тез. докл. совещания. М., 1984.
- ⁴ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности // СЭ. 1955. № 4.
- ⁵ Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- ⁶ Долгих Б. О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики // СЭ. 1964. № 4.
- ⁷ Rust A. Die jungpalaolithischen Zelt-hagrn von Abrensburg. Neumunster, 1958. P. 78.
- ⁸ Odner K. Komsakultur; Nesseby og Sor-Varanger. Tromso museum. Skr. XII. Tromso, 1966. P. 298. Гурина Н. Н. Древние памятники... С. 45—53; Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрия... С. 5.
- ⁹ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии... С. 30.
- ¹⁰ Шумкин В. Я. Роль экологической среды... С. 79—80.
- ¹¹ Indrelid S. Problems dating to the early mesolithic settlements of Southern Noway // NAR. Oslo, 1975. P. 118.
- ¹² Henrikkson H. Popular hunting and trapping in Norland. Early Norland 6. Motala. 1978. P. 112.
- ¹³ Шумкин В. Я. Роль экологической среды... С. 79—80.
- ¹⁴ Крупник И. И. Факторы устойчивости... С. 7—11.
- ¹⁵ Шумкин В. Я. Роль экологической среды... С. 79—80.
- ¹⁶ Определения фауны к. б. н. Н. М. Ермоловой при участии к. б. н. А. А. Антанюка и Н. Ф. Покровской.
- ¹⁷ Simonsen P. Varanger-funnene II // Tromso museum. Tromso, 1961. T. VII. Ser. II. P. 298; Анохин Г. И. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971. С. 46—56.
- ¹⁸ Paine P. Coast lapp society. Tromso museum, Tromso, 1957. Skr. IV. V. I. P. 206; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969. С. 120—124; Крупник И. И. К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 22—24; Сергеев Д. А. Моржовый промысел населения Берингоморья // КСИА. 1963. Вып. XXXVIII; Старкова Н. К. Морской зверобойный промысел у ительменов // Зап. Камчатского краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский. 1974. Вып. 5. С. 146—149; Васильевский Р. С. К вопросу взаимоотношения человека и природы в условиях первобытного общества // Проблемы развития современной науки. Новосибирск, 1978. С. 254—263; Становление и развитие приморского хозяйства в северной части Тихого океана: Тез. докл. XI конгресса I NQVA. М., 1982. С. 67, 68; Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. Китовая аллея. М., 1982. С. 158—159.
- ¹⁹ Broadbent N. Coastal resources and settlement stability. Archaeological studies Uppsala University // Institute of North European Archaeology. Uppsala, 1979. N 3. P. 268; The epimesolithic and subneolithic cultures of Northern Sweden and Finland // Mesolithicum in Europe. Berlin, 1981. P. 165—178.
- ²⁰ Сергеев Д. А. Моржовый промысел... С. 77—81.
- ²¹ Чернов Ю. И. Жизнь тундры. М., 1980. С. 219.
- ²² Broadbent N. Coastal resources... P. 268.
- ²³ Renouf M.-A. P. Northern coastal hunter-fishers... P. 18—28.
- ²⁴ Ламберг-Карловский К. Гипотезы в археологии. Будущее науки. М., 1984. С. 278—283.
- ²⁵ Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрия... С. 16—18; Он же. Ключевые вопросы... С. 168.

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТЕ ХАКАСИИ

Своеобразие природных условий Хакасии, расположенной в Минусинской котловине, выражается в распределении растительного покрова в виде концентрических поясов в зависимости от высоты горного окружения. Центральные, наиболее пониженные участки области заняты степями, предгорные — лесостепью. Периферийные горные районы покрыты тайгой, уступающей на вершинах хребтов место альпийским лугам. Разнообразие растительного и животного мира создавало благоприятные возможности для обитания древнего человека на этой территории.

На фоне большого количества палеолитических поселений и памятников бронзы и железа непонятным кажется здесь почти полное отсутствие неолитических и мезолитических стоянок. Немногочисленные находки собраны в дюнных выдувах, где встречается смешанный инвентарь от палеолита до средневековья. В коллекциях трудно выделить типично неолитические формы орудий, так как нет твердой уверенности в том, что эти изделия не могут уже относиться к эпохе металла. К неолиту по традиции относились пункты, где обнаружены наконечники стрел и копий, тесла со шлифовкой, призматические микронуклеусы, иногда обломки керамики, нехарактерные для времени энеолита и бронзы. Из-за отсутствия керамики и типологически ярко выраженных каменных изделий нельзя даже приблизительно определить хронологическую и культурную принадлежность единственного на территории Хакасии неолитического погребения¹.

Следует отметить находки отдельных орудий неолитических форм у г. Абакана, сел Бея, Батени, Сарагаш и на речке Часгол². Есть сведения о единичных изделиях из подъемных сборов у сел Белый Яр, Подсине³, Конура, Усть-Табат⁴, Усть-Кандырла⁵, Большой Монок⁶. Три местонахождения с материалом поздненеолитического облика зафиксированы у г. Саяногорска⁷. При раскопках средневековых курганов в районе Оглахтинских гор на Енисее найдены две разрушенные стоянки. Они располагались в очень необычных условиях: на вершине горного хребта в совершенно безводной местности в нескольких километрах от берега реки. Столь своеобразное расположение древних поселений говорит о попытках охотников выйти в поисках дополнительных источников питания за пределы речных долин в степные просторы⁸.

Вышеперечисленными пунктами исчерпывались все сведения о неолите Хакасии. Малочисленность находок, вероятно, можно объяснить тем, что поиск стоянок традиционно велся по берегам крупных рек. В связи с этим особый интерес представляют находки неолитических орудий в глубинных степных районах области на побережье горько-соленых озер, сделанные во время разведочных работ Среднеенисейской экспедицией Ленинградского отделения ИА АН СССР. Особенностью озерных памятников является ограниченная локализация изделий, отсутствие среди сборов палеолитических орудий и предметов эпохи металла, что позволяет говорить о более «чистых» комплексах по сравнению с дюнными местонахождениями, расположенными в долинах крупных рек. Несмотря на тщательные поиски, здесь не зафиксирована не только неолитическая керамика, но и фрагменты посуды более позднего времени, поэтому предположение о смешанности комплексов может быть определено на хронологически близких уровнях мезолит — неолит. Инвентарь по сравнению с палеолитическим очень невелик по размерам. Все изделия изготовлены из галечника, доставленного с берегов рек Енисея или Абакана в виде полуфабрикатов или уже готовых орудий. Господство микронуклеусов показывает широкое развитие вкладышевой техники и применение сложных составных орудий. Нельзя не отметить, что на озерах встречаются в основном сломанные или испорченные предметы охотничьего вооружения.

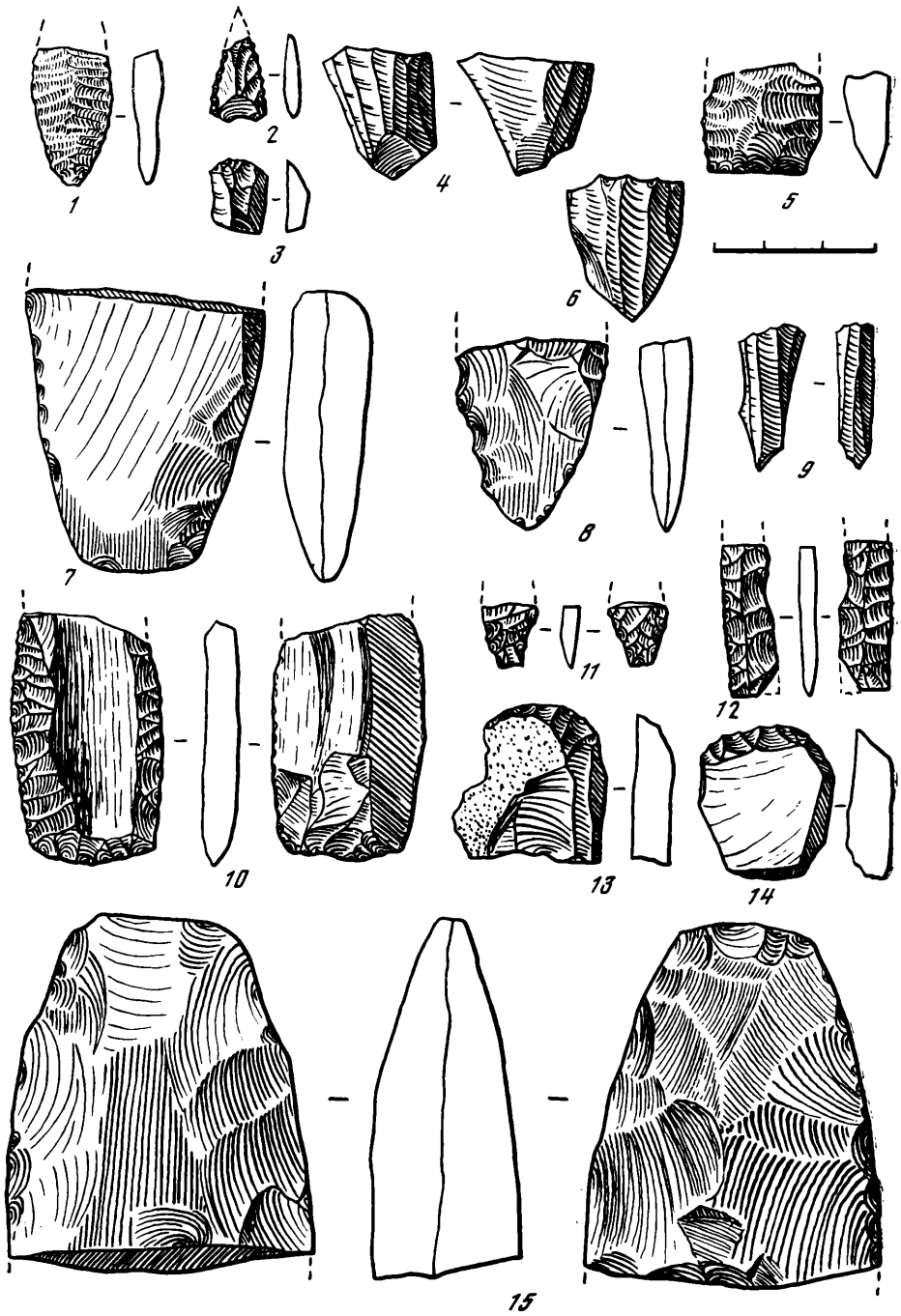

Рис. 1. Инвентарь

1—3, 7 — Толстый Мыс; 4—6, 8, 9 — Интикуль; 10—15 — Черное озеро. 1, 2, 11, 12 — наконечники стрел; 5, 10 — тесла; 7, 15 — топоры; 4, 6, 9 — нуклеусы; 8 — наконечник копья; 3, 13, 14 — скребки

Первые находки были сделаны на северных границах Хакасии в 1977 г. на озерах Интикуль и Толстый Мыс в Ширинской степи⁹. На первой стоянке собрано 89 предметов из камня: 1 наконечник копья, 1 тесла, 4 небольших скребла, 5 микроскребков, 6 отщепов с ретушью, 40 микронуклеусов разных типов (4 обломка), 13 микропластинок, 19 мелких отщепов. Наличие наконечника копья листовидной формы, тесла со струйчатой ретушью, конических и карандашевидных ядрищ

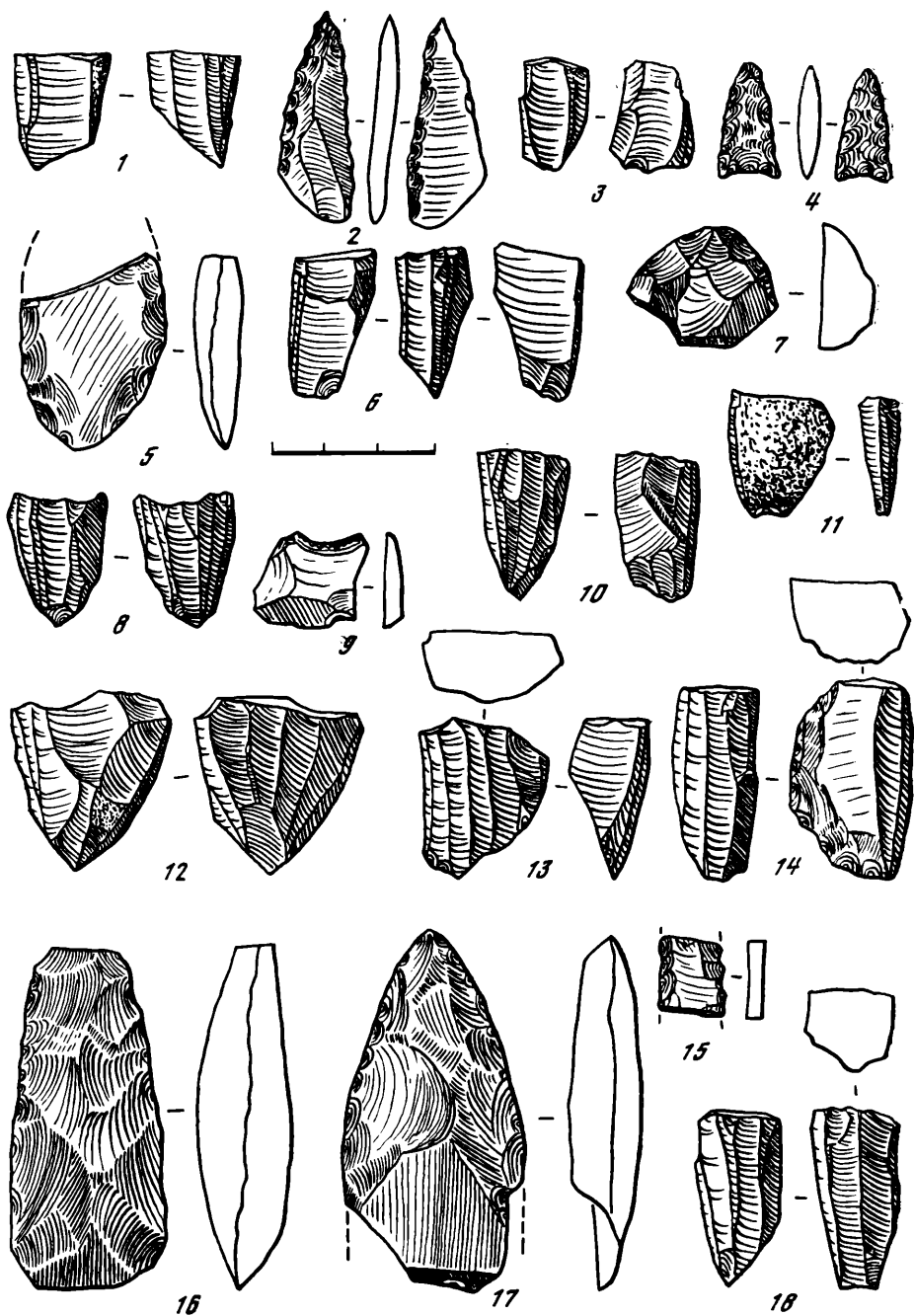

Рис. 2. Инвентарь из Джирим

2, 4, 15 — наконечники стрел; 5 — наконечник дротика; 7 — скребок; 9 — выемчатое орудие; 16—18 — топоры; 1, 3, 6, 8, 10—14, 18 — нуклеусы

(рис. 1, 4—6, 8—9) позволяет достаточно уверенно отнести коллекцию к неолиту. На озере Толстый Мыс найдено 171 изделие: 6 наконечников стрел, 1 шлифованный топорик, 3 микроскребка, 1 скребло, 1 галечное орудие, 12 отщепов с ретушью, 1 пластинка с ретушью, 37 микронуклеусов разных форм (10 обломков), 18 микропластинок, 91 мелкий отщеп (рис. 1, 1—3, 7).

В 1982 г. собран подъемный материал на горько-соленом озере Джирим в самом центре Ширинской степи. Южный берег водоема ограничен

подножием высокой скалистой гряды, с остальных сторон озеро окружено невысокими сопками. Площадь и уровень его не постоянны и зависят от количества атмосферных осадков. Во время весеннего снеготаяния размеры озера увеличиваются, летом в результате испарения значительная часть дна обнажается или превращается в солончак.

Юго-западный участок побережья представляет собой относительно ровное возвышение до 5 м высоты, к западу от которого находится село Урюц, а к востоку за небольшим логом — понижение в древнюю пойму. Сборы подъемного материала производились в 40 м от воды. Условия залегания изделий аналогичны другим озерным стоянкам голоценового возраста. Так как процесс почвообразования в степной зоне Хакасии практически отсутствует, то находки встречаются прямо на поверхности и лишь частично полупогружены в современный слабощелочной дерн. Основная масса предметов из камня собрана в дорожной колее и в небольших выбоинах, оставленных копытами овец.

В коллекции представлено 150 изделий: 3 наконечника стрел, 1 наконечник дротика, 2 топорика, 5 скребков, 5 выемчатых орудий, 5 мелких фрагментов орудий, 39 микронуклеусов (14 осколков), 9 микропластинок, 71 мелкий отщеп, 10 небольших осколков. Среди наконечников стрел выделяется экземпляр в виде треугольника с вогнутым основанием (рис. 2, 4). Кроме того, найдены фрагмент средней части и заготовка со следами предварительной обработки (рис. 2, 2, 15). Наконечник дротика — это обломок основания со следами двусторонней обработки (рис. 2, 5). Интересен топорик из серого кремнистого сланца трапецевидной формы с широким, слегка выпуклым лезвием и узким обушком. Боковые стороны орудия уплощены сколами от краев к центру, лезвие тщательно отшлифовано (рис. 2, 16). Второй топорик с заостренным обломком сломан в процессе использования. Следы шлифовки прослеживаются на боковых плоскостях. Особенно тщательно было заполировано лезвие, от которого сохранился только небольшой участок (рис. 2, 17).

В группе скребков только одно орудие относится к концевым на пластине, остальные изделия сформированы на отщепах. Наиболее крупный экземпляр представлен на рисунке (рис. 2, 7). Необходимо отметить серию отщепов с вогнутыми ретушированными выемками. Эти выемчатые орудия, вероятно, служили для обработки древков стрел или костяных орудий (рис. 2, 9). Заслуживает упоминания обломок кварцевой микропластинки, на одном из краев которой нанесена нерегулярная зубчатая ретушь, на противоположном — вертикальная затупливающая.

Среди микроядрищ можно выделить две конические (рис. 2, 8, 9) и пять призматических форм (рис. 2, 1, 3, 6, 10, 18). Остальные нуклеусы не всегда можно определить в рамках существующих типов из-за аморфности формы. Следует только констатировать полное отсутствие типичных клиновидных палеолитических типов с двусторонней обработкой. Найдены как ядрища на отщепах с негативами единичных сколов (рис. 2, 11), так и торцовые формы вытянутых очертаний, переходные к призматическим (рис. 2, 14). Встречен одноплощадочный односторонний нуклеус с широким выпуклым фронтом расщепления (рис. 2, 13).

Находки наконечников стрел, дротика, топориков и мелких призматических ядрищ позволяют весь комплекс изделий с озера Джирим датировать неолитом.

В Койбальской степи на юге Хакасии собран подъемный материал на озере Черном близ с. Сабинка. Водоем с севера, запада и юга по дуге окружен горной грядой, с восточной стороны берег открыт в степь. В северо-восточном углу озера в непосредственной близости от поймы на поверхности размытого серого суглинка поднято 2 наконечника стрел, 1 топорик, 1 тесло, 2 скребка, 1 скребло, 3 выемчатых орудия, 4 фрагмента орудий, 2 микронуклеуса, 3 микропластинки, 8 отщепов, 5 мелких осколков — всего 32 предмета.

К наконечникам стрел отнесены фрагменты средней части и суженного основания (рис. 1, 11, 12). Топорик представлен обушковой частью.

Боковые края орудия уплощены сколами. На одной из широких плоскостей сохранился участок со следами шлифовки (рис. 1, 15). Обломок долота из темно-коричневого кремня обработан с одной стороны тщательной плоской ретушью, на противоположащей плоскости оформлен только рабочий край (рис. 1, 10). Концевые скребки изготовлены на отщепях (рис. 1, 13, 14).

Наличие наконечников стрел, топорика, тесла, концевых скребков дает возможность отнести комплекс с Черного озера к неолиту.

Кроме находок Среднеенисейской экспедиции, есть сведения о сборах неолитических орудий в Уйбатской степи в 1978 г. на озере Талом (Н. В. Леонтьев) и в 1983 г. на озере Красном (А. Л. Кунгуров).

Отсутствие керамики на озерных стоянках Хакасии затрудняет определение хронологической и культурной принадлежности найденных неолитических комплексов. В том, что они неолитические, а не мезолитические, убеждает сравнение с коллекциями многослойной стоянки Бирюса, расположенной к северу от границ Хакасии¹⁰. Причины, почему на памятниках открытого типа в Минусинской котловине не встречается глиняная посуда, не выяснены. Сомнительно традиционное объяснение о разрушении черепков под воздействием природных факторов, так как, судя по наблюдениям на бескерамических стоянках степной зоны Забайкалья, должны сохраняться остатки керамической крошки. Более оправданна другая точка зрения, по которой вхождение в быт и распространение хрупкой глиняной посуды замедлялось в среде неолитических охотников, вынужденных в условиях степей постоянно перемещаться в поисках добычи¹¹.

Своеобразие природных условий Хакасии позволяло неолитическим племенам в лесном и лесостепном поясе создавать поселения на период сезонной охоты и рыболовства. Как показывают находки на территории к востоку от границ Хакасии, на таких стоянках, расположенных на побережье пресных озер или лесистом правом берегу Енисея, встречено значительное количество хорошо сохранившихся керамических комплексов¹². Удаленность степных озер от долин крупных рек, неблагоприятные климатические условия, малочисленность источников воды, отсутствие древесной растительности позволяют выдвинуть гипотезу о кратковременных охотничьих походах неолитического населения с базовых сезонных лагерей в глубь степей. При этих рассчитанных на несколько дней перемещениях не было необходимости нести с собой на большие расстояния хрупкую керамику.

О том, что экспедиции были действительно кратковременными, говорят отсутствие каких-либо следов культурного слоя, малочисленность находок, типично охотничий характер орудий, в котором нет изделий бытового назначения. О характере охоты на степных озерах можно только догадываться. Вероятно, крайняя малочисленность ключей с питьевой водой, расположенных, как правило, на побережье горько-соленых водоемов, вынуждала большие стада животных концентрироваться вблизи этих источников, где сидели в засаде охотники.

Несмотря на малочисленность, найденные неолитические местонахождения заполняют в известной степени лакуну между хорошо изученными палеолитическими культурами и памятниками эпохи металла в Хакасии. Опыт кратковременной археологической разведки в степной зоне показывает, что неолитические стоянки следует искать на побережье многочисленных озер, которых в Минусинской котловине насчитывается около 200, и расположены они в различных растительных поясах — от таежных лесов до участков полупустыни. Без сомнения, отказ от традиционных поисков памятников в пределах долин крупных рек и перенос центра исследований в глубинные районы даст возможность выделить на территории Хакасии целый пласт памятников «озерного неолита» и поколебать тезис о малочисленности неолитических стоянок в этой области.

- ¹ *Грязнов М. П.* Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее // МИА. 1953. № 39. С. 332.
- ² *Савенков И. Т.* Каменный век в Минусинском крае: Материалы по археологии восточных губерний // Изв. МАО. М., 1896. Т. 2. С. 9, 18; *Рагдылон Э. Р.* Новые следы каменного века в бассейне среднего Енисея // МИА. 1953. № 39. С. 277.
- ³ *Севастьянова Э. А., Майнагашев П. Н.* Охранные работы в Хакасии // АО 1975 г. М., 1976. С. 279.
- ⁴ *Худяков Ю. С.* Работы Хакасского отряда в 1975 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 107, 111.
- ⁵ *Зяблин Л. П.* Абаканский отряд в поисках неолита // АО 1972 г. М., 1973. С. 213.
- ⁶ *Абрамова З. А.* Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 29.
- ⁷ *Астахов С. Н.* Работы палеолитического отряда Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1971 г. М., 1972. С. 239.
- ⁸ *Кызласов Л. Р.* Каменный век Хакасии // Учен. зап. КазНИИЯЛИ. Абакан, 1972. Вып. 17, № 4. С. 192.
- ⁹ *Лисицын Н. Ф.* Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины // КСИА. 1981. № 165. С. 119–122.
- ¹⁰ *Гурина Н. Н.* Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции // КСИА. 1964. Вып. 97. С. 95, 96.
- ¹¹ *Гришин Ю. С.* О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье // СА. 1977. № 4. С. 277.
- ¹² *Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1982. С. 10.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

БИРИТУАЛЬНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Обращаясь к вопросам моделирования социально-идеологических структур в культурах племен бронзового века Евразийского степного пояса, обратим внимание на серию своеобразных погребений, совершенных в совмещенных ритуалах, т. е. биритуально. Особо примечательна такая структурная форма биритуального комплекса, как одномогильное захоронение, сочетающее в пределах одной могильной камеры погребения по ритуалам кремации и ингумации. Подобные погребения, хотя и немногочисленны, но могут быть обнаружены в широком культурно-хронологическом и территориальном диапазоне.

Так, среди наиболее ранних биритуальных одномогильных комплексов назовем погребения Мариупольского могильника (Приазовье) и станицы Кубанской (Предкавказье)¹. В Мариуполе это могила ХХI, относящаяся к поздней, новоданиловской группе среднестоговского культурного ареала.

В основании двухъярусного каменного ящика ингумированы двое мужчин, скорченно на спине, с восточной ориентировкой; поверх плиты, перекрывающей нижний ярус, и под каменной закладкой, венчающей могилу в целом, кремирован на месте взрослый субъект. В инвентаре нижнего захоронения — лишь нож, при верхнем — кремневые орудия и пластинка из клыка кабана. Выразительной обрядово-ритуальной аналогией мариупольскому комплексу выступает погребение 1 кургана 7 у станицы Кубанской, чья культурно-хронологическая позиция определяется сочетанием керамики раннеямыных, бережновских форм с каменной могильной конструкцией, ассоциирующейся с дольменным ареалом. В основании двухъярусного каменного ящика, декорированного резным «елочным» узором, ингумированы двое взрослых, скорченно на спине, с западной ориентировкой; выше, очевидно на перекрытии нижнего яруса, кремирован взрослый субъект. В инвентаре нижнего захоронения — три сосуда и медный предмет, при верхнем — сосуд. Отметим, далее, безынвентарное погребение могильника на р. Саратовке (Среднее Поволжье), основ-

ное в кургане 6². В обширной грунтовой яме — один взрослый субъект, кремированный на месте, двое ингумированы скорченно на спине и на боку, с охристой присыпкой. Судя по стратиграфической позиции относительно впускной раннесрубной могилы и по обрядово-ритуальным данным, комплекс относится, не исключено, к древностям протоабашевского круга. Примечательно, что все названные биритуальные комплексы включали троих субъектов, причем кремация применена лишь к одному из них.

Выразительной аналогией выступают энеолитические нерядовые, в том числе ярусные, погребения троих мужчин (кузнецов-литейщиков, служителей культа?), совершенные по ритуалу ингумации из Съезжего, Верхней Маевки, Богаевки, Ворошиловграда, Кировограда³. На восточном рубеже Евразийского степного пояса, в могильнике афанасьевской культуры Тесь на р. Тубе (бассейн Среднего Енисея) биритуальный одномогильный комплекс можно обнаружить в кургане 13⁴. В обширной грунтовой яме располагалось, согласно автору раскопок, парное разнополое погребение, один взрослый субъект кремирован на месте, второй — ингумирован. В инвентаре — крупная «корчага», типичная керамическая форма при нерядовых афанасьевских погребениях женщин⁵.

В целом энеолитические комплексы составляют раннюю группу биритуальных одномогильных погребений рассматриваемого территориально-хронологического диапазона конца IV—III тысячелетия до н. э. Им присущи совокупность таких архаичных обрядово-ритуальных черт, как групповой состав погребенных, ярусность некоторых могил, что имеет исток в древнейших мезо-неолитических погребальных нормах, базирующихся на половозрастных градациях первобытных коллективов⁶. Показательно, что парный тесинский комплекс, структурно характерный скорее для эпохи бронзы, наиболее поздний в рассматриваемой группе. В то же время, резко отличаясь от обычных энеолитических ингумационных погребений своим ритуалом, биритуальные одномогильные комплексы принадлежат, очевидно, лицам нерядового общественного статуса. Этим объясняется их малочисленность, присутствие сопровождающих, экстраординарный ритуал, причем не исключено, что именно кремация была его престижной формой.

Таким образом, биритуальные одномогильные комплексы эпохи энеолита выступают как своеобразные свидетельства ранних форм социальной стратификации в рамках общинно-родовых коллективов, не лишенных, однако, пережитков архаики.

В памятниках эпохи бронзы Евразийской степи биритуальные одномогильные комплексы могут быть названы для памятников срубного и андроновского культурных ареалов. Так, в могильнике у с. Натальино (Саратовская область)⁷, содержащем преимущественно срубные и срубно-абашевские захоронения детей по ритуалу ингумации, а также несколько кремаций взрослых, был обнаружен биритуальный одномогильный комплекс срубно-абашевского облика. Один взрослый субъект ингумирован, второй — кремирован, и его кальцинированные кости уложены кучкой напротив первого умершего. На Алексеевском могильнике 1 (Саратовская область)⁸ среди преобладающих ингумационных и двух кремационных срубных захоронений обнаружен биритуальный одномогильный комплекс. Один взрослый субъект кремирован, подросток ингумирован, в инвентаре — срубная керамика. Далее, в Маклашеевском могильнике III⁹ погребение 3 кургана 6 содержало кремационные останки мужчины и ингумацию женщины с двумя сосудами. Эта центральная могила опоясана могилами ингумированных детей и подростков. Особо примечательно биритуальное погребение 26 кургана 23 известного могильника Кайбелы, исследованного Н. Я. Мерпертом в Среднем Поволжье¹⁰. В основании двухъярусной могилы ингумирован пожилой мужчина со срубным сосудом; в верхнем ярусе под бревенчатым покрытием — останки кремации взрослого (женщины?) с сосудом абашевского облика.

Как можно заметить, срубные биритуальные одномогильные комплексы Поволжья содержат парные разнополюые погребения, причем разность ритуалов захоронения вызвана, очевидно, как факторами этнического порядка, так и половозрастной позицией погребенных. Ингумированные субъекты положены, согласно срубному ритуалу, скорченно на левом боку, с ориентировкой в северном секторе. Комплекс из Кайбел не только биритуален, но и ярусен, напоминая энеолитические. В Маклашеевке, этом своеобразном семейном кладбище (?), ярко выступает ведущая позиция главы коллектива.

Биритуальные одномогильные комплексы андроновской культурной области связаны своим происхождением со спецификой этнокультурного развития андроновского ареала. Так, в грунтовой могильнике алакульского типа у с. Степной на р. Уй, притоке р. Тобол¹¹, в наиболее крупной могиле с особым входом совершено биритуальное захоронение. Его керамический комплекс близок федоровскому и отличен от алакульских сосудов прочих могил. Кремирован, вероятно, мужчина «федоровской» племенной принадлежности, ингумирована женщина местного, алакульского происхождения, с типичными бронзовыми узорчатыми бляшками в инвентаре. Комплекс в целом имел несомненно престижный характер. В обширном могильнике Алыпкаш в бассейне р. Ишим¹² среди нескольких десятков кремационных и ингумационных погребений, в могиле 3 кургана 20 совершено биритуальное захоронение. Керамический комплекс памятника, включающий как федоровские, так и алакульские образцы, позволяет не исключать этническую подоплеку как побудительную причину разницы ритуалов этого, возможно, разнополого захоронения. В могильнике Бурлук¹³, также расположенном в Северном Казахстане, могила 13 содержала двухъярусный биритуальный комплекс, выделяющийся своими чертами от прочих захоронений этого обширного кладбища. В основании грунтовой ямы — останки кремации взрослого с тремя сосудами и каменной «теркой» в инвентаре. В верхнем ярусе — двое разнополюых субъектов с пастовыми бусами и каменным сосудом — «жертвенником». Вероятен культовый характер комплекса в целом, ассоциирующийся своей ярусностью с также нерядовыми погребениями Ушкаттов и Атакенсая¹⁴. Далее, в могильнике Жиланды на р. Нуре¹⁵, также включавшем как ингумационные, так и кремационные комплексы, совершено два биритуальных одномогильных захоронения. В грунтовой могиле ограда 5 в северо-западном углу — кучка кальцинированных костей кремированного субъекта, в центре — останки ингумированного взрослого. В инвентаре — два сосуда, бронзовые и пастовые бусы и пронизи, принадлежавшие, вероятно, ингумированной женщине (рис. 1, 2). В ограде 2 сложной каменной конструкции (рис. 1, 1) биритуальный комплекс совершен в центральной могиле. Один взрослый субъект ингумирован скорченно на левом боку, с западной ориентировкой, второй — кремирован, и его кальцинированные кости уложены кучкой за спиной первого умершего (рис. 1, 4). В инвентаре — два сосуда и бронзовый браслет. В могильнике Канаттас¹⁶, также расположенном в Центральном Казахстане, ограда 12 включала два каменных ящика: в северном — биритуальное погребение без инвентаря, в южном — останки ингумированного субъекта с сосудом. Наконец, в могильнике Абрамово 4 (Барабинская степь)¹⁷ в обширной грунтовой могиле 6 кургана 22 совершен биритуальный комплекс, единственный среди 16 кремационных и ингумационных захоронений кладбища. Ингумирован мужчина скорченно на левом боку, с юго-западной ориентировкой, за его спиной — кучка кальцинированных костей второго, кремированного субъекта. В инвентаре сосуд, приданный как бы обоим умершим (рис. 1, 3).

Таким образом, если бурлукский комплекс четко ассоциируется по своим обрядово-ритуальным параметрам с энеолитическими, а также андроновскими моноритуальными комплексами в ритуале ингумации, то биритуальные могилы Казахстана и Западной Сибири содержат, надо полагать, столь типичные для андроновского погребального обряда в целом:

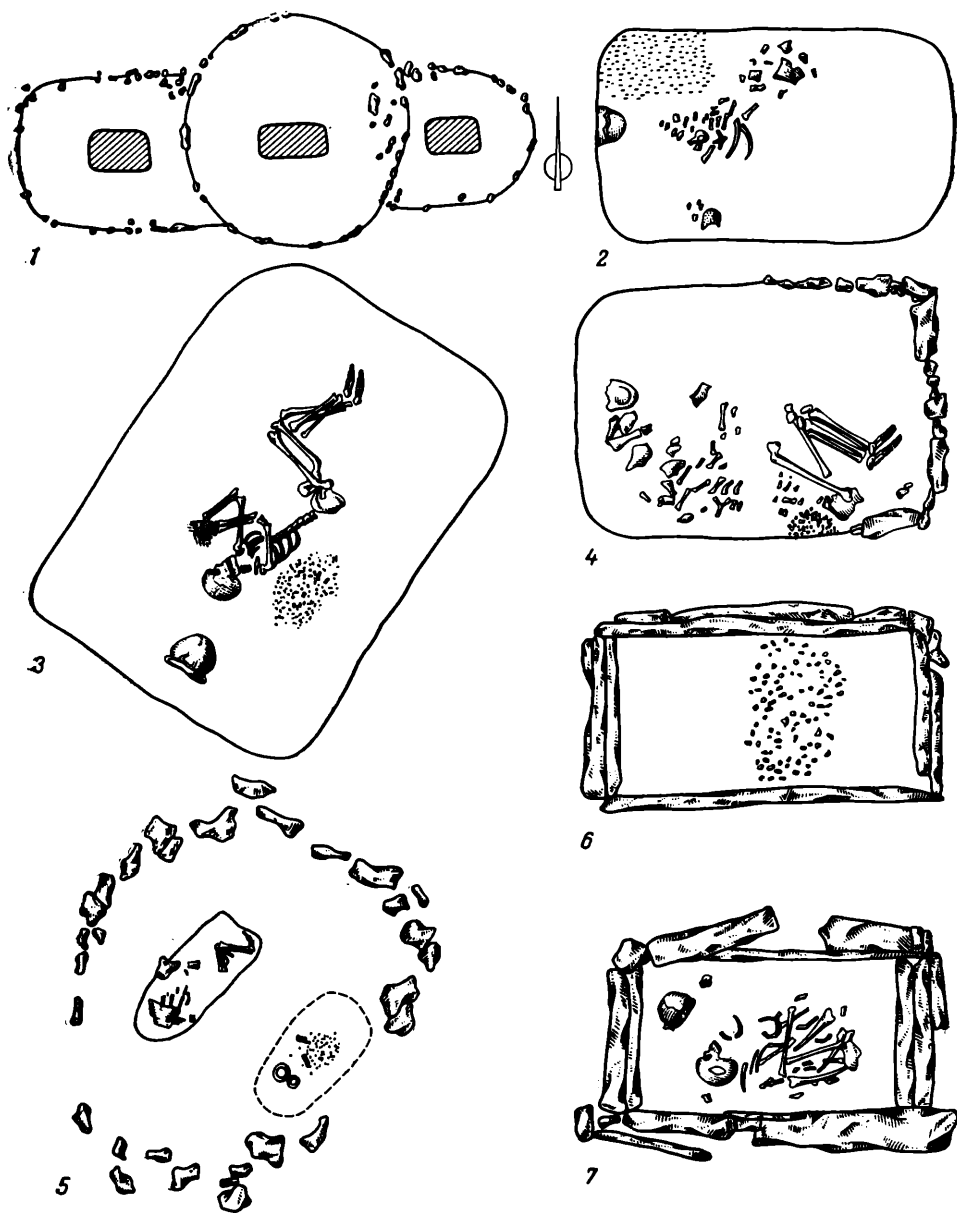

Рис. 1. Биритуальные погребальные комплексы

1, 2, 4 — могильник Жиланды: 1 — ограда 2; 2 — ограда 5; 4 — ограда 2, центральное погребение; 3 — могильник Абрамово 4, курган 22, погребение 6; 5 — могильник Тасты-Бутак I, ограда 3; 6, 7 — могильник Канаттас, погребения ограды 11

парные разнополюе погребения. Это тем более вероятно, что совместные однополюе погребальные комплексы абсолютно не характерны как для могильников бронзового века Евразийской степи вообще, так и для андроновских памятников в частности¹⁸, отражая социальные структуры эпохи мезо-неолита.

В целом можно предположить, что биритуальные одномогильные комплексы бронзового века Евразийской степи содержат преимущественно парные разнополюе захоронения. Они выступают как обрядовые аналоги моноритуальных захоронений по ритуалам кремации или ингумации, содержащих, согласно традиционной классификации, мужчин-доминантов и сопровождающих их женщин¹⁹. В целом все три ритуальные разновидности парных разнополюх погребений характеризу-

ют определенный этап эволюции форм патриархальной доминантности в обществах пастушеских скотоводов и земледельцев. Причину бытования той или иной ритуальной разновидности парных разнополюх комплексов следует искать, очевидно, в особенностях конкретной этнической и социальной истории древних евразийских племен эпохи бронзы, представленных определенной культурой либо культурной областью. Заметим, что в биритуальных одномогильных комплексах именно мужчины подвергались по преимуществу престижному ритуалу кремации, тогда как женщины обычно ингумировали в соответствии с рядовым погребальным ритуалом. Не исключено, что ритуал кремации отразил широко распространенное мифологическое представление о рождении человека Землей и следовавшую отсюда необходимость возвращения погребяемого на покинутую некогда прародину²⁰, что и осуществлялось посредством сожжения тела умершего. Все это находит этнографические соответствия, в частности, в кремационных ритуалах ряда малых народов Индостана с их представлениями о стране предков «амандре»²¹. Отметим, что в отличие от энеолитических кремаций в пределах могильных камер для бронзового века типична кремация вне могилы, на стороне. В связи со сказанным примечательно, что в ряде культур энеолита — бронзового века ритуал кремации возникает лишь на поздних стадиях развития, в процессе перемещения племенного образования на новые земли, отдаленные от исконного территориального ядра формирования пра-этноса²².

Вторая разновидность биритуальных погребений Евразийской степи представлена двухмогильными комплексами, сочетающими захоронения по ритуалам кремации и ингумации в пределах двухмогильных камер, объединяемых оградой или курганом. Так, среди энеолитических, афанасьевских памятников отметим курганы 12 и 15 могильника Тесь на р. Тубе²³. В кургане 12 две материковые симметричные могилы: в северной — останки кремации взрослого и сосуд; в южной — ингумированный субъект без инвентаря. В кургане 15 сходное расположение могил: в южной — кремированная женщина (?) с инвентарем, не характерным для данной культуры; в северной — безынвентарная ингумация. Далее, в причерноморском регионе для культуры многоваликовой керамики отметим курган Красная могила на р. Орели²⁴. Две симметричные могилы — мощные дубовые срубы размещены на древнем горизонте в западном и восточном секторах подкурганного пространства. В западной могиле — останки кремированного взрослого и сосуд; в восточной — останки ингумированного взрослого и костяная бляха.

Выразительны биритуальные двухмогильные комплексы культур шнуровой керамики Воьлини. Так, в кургане у с. Жорнов (стжижовская культура)²⁵ — две могилы. В одной — сильно обожженный костяк мужчины, скорченно на правом боку, с юго-западной ориентировкой и инвентарем; во второй могиле ингумирована женщина, скорченно на левом боку, с восточной ориентировкой. В инвентаре — медные украшения и «свирель Пана», перед лицом — культовый костер с костями животных и скелетом собаки. Курганная насыпь, являющаяся редкостью для данной культуры, биритуализм в сочетании с культовыми атрибутами женщины, располагающейся антитезно относительно мужского захоронения, придают неординарность комплексу в целом. Структурно сложный биритуальный комплекс назовем для комаровской культуры — это курган 2 у с. Иванья (дата по С¹⁴ — 1285±35 лет до н. э.)²⁶. Центральная могила в форме двухкамерного дубового ящика содержала парную кремацию вне могильной камеры: мужчина с исключительно богатым инвентарем и женщина, помещенная в соседнем отсеке, с сосудами и украшениями. В юго-западном секторе подкурганного пространства на специальной площадке кремирована вторая женщина, имевшая богатые украшения и сосуды. Женщину сопровождали двое ингумированных взрослых, положенные на месте ее кремации скорченно на левом боку; на груди одного — медное украшение. Очевидно, перед нами погребение представителя племенной знати и двоих женщин, главная из которых сама сопровождалась.

№№	Памятник	№ погребений	Обрядовый комплекс		Ритуальный комплекс			
			одно-могильный	двух-могильный	способ погребения		инвентарь	
								
1	Мариуполь	погр. XXI	 	—		 		
2	Кайбелы	кург. 26/23	 	—			 	—
3	Маклашеевка	кург. 6/3	 	—				—
4	Тесь на Тубе	кург. 13	 	—				—
5	Бурлук I	огр. 13	 	—		 	 	
6	Жиланды	огр. 2	 	—			 	
7	Жиланды	огр. 5	 	—			 	
8	Жорнов	кург. 1	—	 + 			 	
9	Красная могила	кург. 1	—	 + 	 ¹	 ²	 ¹	 ²
10	Тесь на Тубе	кург. 15	—	 + 				—
11	Боровое	огр. III	—	 + 			 	
12	Тасты-Бутак I	огр. 3	—	 ¹ + ²	 ¹	 ²	 ¹ ²	 ¹
13	Канаттас	огр II	—	 ¹ ² + ³	 ¹ ²	 ³	 ³	—
14	Канаттас	огр. 12	—	 ¹ ² + ³	 ¹	 ² ³	 ³	—
15	Преображенка	кург. 12	—	 + 			 	

Рис. 2. Структура биритуальных погребальных комплексов

1 — кремация; 2 — ингумация; 3 — ярусность погребения; 4 — керамика; 5 — инвентарь, украшения; 6 — мужчина, 7 — женщина, 8 — взрослый, 9 — девушка-подросток; 10 — ребенок

людьми низкого социального ранга (патриархальными рабами?). Заметим, что если основные субъекты этого престижного биритуального комплекса кремированы, то их сопровождающие ингумированы в соответствии с рядовым ритуалом данной культуры.

Наконец, биритуальные двухмогильные комплексы могут быть выявлены на территории андроновского культурного массива, особенно в Казахстане. Так, в могильнике Тасты-Бутак I в ограде 3²⁷ в центральной могиле ингумирован мальчик с сосудом, в южной останки кремированной девочки сопровождались бронзовым детским браслетом, бронзовыми колечками и двумя сосудами (рис. 1, 5). Перед нами биритуальный вариант погребения «детей-супругов», широко представленного в виде ингумационных одномогильных комплексов в могильниках Тасты-Бутак I,

Байту I, Ново-Аккермановка, Кунакбай-сай, Хабарное²⁸. Далее в ограде III могильника Боровое²⁹ в центральной могиле останки кремации взрослого и сосуд; в могиле пристройки — ингумированная женщина с серьгой и сосудами. Комплекс аналогичен ингумационному комплексу ограды 9 могильника Былкылдак I³⁰. В двухчастной ограде 2 могильника Бугулы, ограде 11 могильника Канатгас, ограде 91 могильника Зевакино (Казахстан), в кургане 12 могильника Преображенка 3 (Барабинская степь)³¹ также можно обнаружить биритуальные двухмогильные комплексы (рис. 1, 6, 7).

В целом биритуальные двухмогильные комплексы включают, очевидно, разнополых субъектов, сам факт раздельного положения которых свидетельствует об определенной автономности их социально-семейного статуса. В этом плане весьма показательны захоронения женщин из Теси, Жорнова, Иваньи.

Таким образом, можно заключить, что изучение структуры биритуальных погребальных комплексов (рис. 2) связано с выявлением социальных и этнических факторов формирования культур бронзового века Евразийской степной полосы.

- ¹ *Макаренко М.* Мариупольский могильник. Київ, 1933. С. 68—70. Рис. 27; *Веселовский Н. И.* Отчет о раскопках в станции Кубанской в 1902 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Д. 93. Л. 100, 101.
- ² *Прахин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С. 152.
- ³ *Васильев И. Б., Матвеева Г. И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. 1979. № 4; *Ковалева И. Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала волго-днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности степного Поднепровья III—I тысячелетия до н.э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3; *Писларий И. А., Кротова А. А., Клочко Т. Н.* Погребение эпохи энеолита в г. Ворошиловграде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974. С. 48, 63.
- ⁴ *Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край. Минусинск, 1929. С. 38, 39.
- ⁵ *Хлобыстина М. Д.* Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита // СА. 1972. № 2. С. 33, 37.
- ⁶ *Бугинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // ПИДО. М., 1968. Кн. 1.
- ⁷ *Малов Н. М.* Раскопки в Саратовском Поволжье // АО 1980 г. М., 1981. С. 138.
- ⁸ *Агапов С. А., Вагазина А. П., Пестрикова В. И.* Работы на севере Саратовской области // АО 1977 г. М., 1978. С. 150.
- ⁹ *Збруева А. В.* Маклашеевские могильники // КСИИМК. 1948. XXIII. С. 22, 23; *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 476.
- ¹⁰ *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61. С. 93, 95. Рис. 6, 8.
- ¹¹ *Стоколос В. С.* Исследования Мезенско-Уральского отряда // АО 1981 г. М., 1983. С. 175.
- ¹² *Бекишева Е. А., Бойко Т. А., Зданович Г. Б., Хабдулина М. К.* Археологические памятники Среднего Приишимья // АО 1978 г. М., 1979. С. 530.
- ¹³ *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970: С. 157, 160.
- ¹⁴ *Хлобыстина М. Д.* Ярусные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 18, 19.
- ¹⁵ *Кадырбаев М. К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 28, 31, 32.
- ¹⁶ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- ¹⁷ *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 109. Рис. 56, 6.
- ¹⁸ *Хлобыстина М. Д.* Вопросы изучения структуры андроновских обшин «алакульского типа» // СА. 1975. № 4.
- ¹⁹ *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья. М., 1977. Гл. VII.
- ²⁰ *Мифы народов мира: Энциклопедия.* М., 1980. Т. I («земля»).
- ²¹ *Шапошникова Л. В.* Тайна племени голубых гор. М., 1969. С. 155.
- ²² Такова, в частности, эволюция ритуалатрипольских и среднеднепровских племен, срубного массива в его миграции на Украину.
- ²³ *Киселев С. В.* Материалы... С. 37, 38, 40, 41.
- ²⁴ *Эварницкий Д. И.* Курганы у реки Орели Екатеринославской губернии // Тр. VIII АС. М., 1897. Т. III. С. 329.
- ²⁵ *Свешников И. К.* Новые погребения культур шпуровой керамики на Волыни // АО 1970 г. М., 1971. С. 241, 242.
- ²⁶ *Свешников И. К.* Богатые погребения комаровской культуры у с. Иванья Ровенской области // СА. 1963. № 2. С. 161—167. Рис. 2—4.
- ²⁷ *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. С. 10, 12. Табл. 1.
- ²⁸ *Хлобыстина М. Д.* Вопросы изучения структуры... С. 32.

- ²⁹ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 229. Табл. II, 14, 15.
- ³⁰ Маргулан А. Х. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 180, 181. Рис. 13.
- ³¹ Маргулан А. Х. и др. Древняя культура... С. 73, 75; С. 85. Рис. 22; Арсланова Ф. Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4. С. 161, 162. Рис. 2, 4; Копытова Л. И. Раскопки у с. Старая Преображенка // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 101. Рис. 2, б, в, з; Молодин В. И., Соболев В. И. Андроновские погребения памятника Преображенка 3 // Изв. СОАН. Новосибирск, 1975. Вып. 1.

нова Ф. Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4. С. 161, 162. Рис. 2, 4; Копытова Л. И. Раскопки у с. Старая Преображенка // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 101. Рис. 2, б, в, з; Молодин В. И., Соболев В. И. Андроновские погребения памятника Преображенка 3 // Изв. СОАН. Новосибирск, 1975. Вып. 1.

В. Д. ДЕРЖАВИН

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБЕНИЯХ В ЯМАХ С УСТУПАМИ В СТЕПНОМ СТАВРОПОЛЬЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

До сравнительно недавнего времени памятники бронзового века в степной части Ставропольского края были мало известны¹. Только с середины 70-х годов начались значительные планомерные раскопки курганов в зонах оросительных систем. Первые подобные исследования курганов на Ставрополье в предгорьях (Усть-Джегутинская) или рядом с ними (Суворовская) были проведены А. Л. Нечитайло еще в 60-е годы при строительстве Кубань-Калаусской ОС. Материалы из курганов Верхнего Прикубанья², их значение в решении многих проблем эпохи бронзы Северного Кавказа трудно переоценить. В свою очередь, степные курганы у хут. Веселая Роцца, исследованные Ставропольской экспедицией к северо-востоку от Верхнего Прикубанья во время строительства Большого Ставропольского канала (БСК), мало в чем уступают памятникам предгорий по яркости материала и своему значению в изучении первобытных культур Предкавказья.

Некоторые наиболее интересные комплексы из курганного могильника Веселая Роцца уже неоднократно публиковались. Настоящая же статья посвящена вопросу о погребениях в ямах с уступами (или заплечиками), в большом числе открытых Ставропольской экспедицией при раскопках курганов. В могильнике они зафиксированы в 24 случаях, являясь как основными, так и впускными³. Кроме того, косвенные факты (камни и остатки деревянных перекрытий по краям могил) свидетельствуют об их присутствии еще по крайней мере в десяти погребениях впускного характера и с которыми не связаны досыпки в насыпях. Уступы (заплечики) имеются, как правило, в ямных конструкциях тех погребений, в которых костяки лежат вытянуто на спине, т. е. II обрядовой группы, по В. А. Сафронову⁴. Лишь в основном погребении 13 кургана 21 группы Веселая Роцца III костяк лежал в скорченном положении на левом боку (V группа) с характерным инвентарем развитой предкавказской, или маньчской, культуры. В ближайшем к нашему хорошо исследованном районе калмыцких степей погребений этой группы (раскопки И. В. Синецины) около десятка на 1135 катакомбных захоронений, по данным У. Э. Эрдниева⁵. Учитывая приведенные выше цифры и общее число вытянутых на спине костяков в погребениях курганов Веселой Роццы, относящихся к бронзовому веку (60 случаев), отметим, что ямы с уступами здесь могут быть связаны только с погребениями II группы. К тому же уступы в силу ряда причин не всегда удается проследить, поэтому удельный вес их в группе может быть выше.

Возможно, основное назначение уступов — это опора для перекрытия (каменного, деревянного, камышового и проч.) над нижним ярусом могилы. Есть группа основных погребений в курганах, в которых уступы сделаны в материковом грунте, т. е. ниже уровня погребенной почвы. Имеются основные погребения, в которых перекрытия лежат на древнем

горизонте, как правило, занимая площадь значительно большую, чем перекрытая ими яма. В последнем случае функцию уступов выполняет дневная поверхность, поэтому не исключено, что идея уступа (запличика) могла возникнуть первоначально при сооружении основных подкурган-ных захоронений. Следует также обратить внимание на то, что столб-вые конструкции в погребениях II группы курганов степного Ставро-полья не получили такого распространения, как в других районах в эпо-ху ранней и средней бронзы. Еще одну интересную специфическую де-таль в конструкции рассматриваемых погребений составляет облицовка краев могильных ям сравнительно небольшими плоскими плитами, напо-минающими бордюр⁶. Таких погребений не менее десяти; в них уступы не всегда сплошь выложены камнями. Исследователи обычно считают, что камни укрепляли перекрытия органического происхождения (дерево, камыш, ткань). Такие погребения из курганов Веселая Роща наводят на мысль об их сходстве с северокавказскими погребениями предгорий Центрального Предкавказья. В курганах Верхнего Прикубанья погребения в ямах с уступами с вытянутыми на спине костяками были встре-чены в 35 захоронениях⁷. Они имели деревянные, камышовые и в неко-торых случаях каменные перекрытия, поверх которых соорудался каменный навал, отмеченный также и в курганах степного Ставрополья. Если в ранней первой группе ямы с уступами встречаются достаточно часто, то во второй группе они постепенно исчезают. В Суворовском мо-гильнике в основном найдены ранние северокавказские погребения с ус-тупами, во второй группе их только два. В Усть-Джегутинском также две ранних ямы с уступами и семь каменных ящиков, относимых А. Л. Нечитайло ко второй группе северокавказских погребений. Обклад-ка края могильной ямы камнями (бордюр) хорошо видна на публикуемых иллюстрациях⁸. В этих случаях необходимо отличать обкладку камня-ми краев ямы от верхнего слоя плит многорядовой кладки ящиков-скле-пов. Таким образом, вытянутые на спине захоронения в ямах, часто с уступами (запличиками) и иногда облицовкой по краю могилы степного Ставрополья можно сопоставить с ранними северокавказскими погребениями Верхнего Прикубанья, где встречаются те же детали погребаль-ных сооружений (уступы, бордюры).

Другая очень интересная и своеобразная группа северокавказских погребений представлена в курганах Кавказских Минеральных Вод. Раскопки памятников бронзового века начал здесь Д. Я. Самоквасов еще в конце прошлого столетия⁹, после Отечественной войны они возобно-вились, носили случайный, эпизодический характер (раскопки Н. С. Гу-милевского, Э. В. Ртвеладзе, В. И. Марковина и др.). И даже этот отно-сительно небольшой, но выразительный материал дает достаточное пред-ставление о материальной культуре древнего населения Пятигорья. Н. А. Николаева, приводя признаки кубано-терской (северокавказской) культуры, отмечает отсутствие ям с уступами (запличиками) в погребениях Пятигорья¹⁰. С начала 80-х годов под Кисловодском начались ре-гулярные раскопки курганов Ставропольской экспедиции ИА АН СССР, в ходе которых исследовано шесть насыпей, содержавших более 110 по-гребений бронзового века¹¹. Основным типом погребального сооружения в этом районе является каменный ящик, достаточно редки погребения в простых ямах и всего лишь в двух погребениях есть ямы с уступами, т. е. последний тип конструкции здесь довольно редок в отличие, напри-мер, от соседнего Верхнего Прикубанья.

В раскопках курганов на Кавминводах археологи сталкиваются не только со сложными погребальными, но и подкурганными каменными со-оружениями — кольцевидными и спиралевидными кромлехами, каменны-ми набросками, оградками, перемычками и т. п. Далеко не все курганы в этом микрорайоне исследованы должным образом. При изучении отчетов обращает на себя внимание тот факт, что почти в подавляющем числе погребений с каменными ящиками не были прослежены контуры могиль-ных ям. Безусловно, это представляло для исследователей определенные

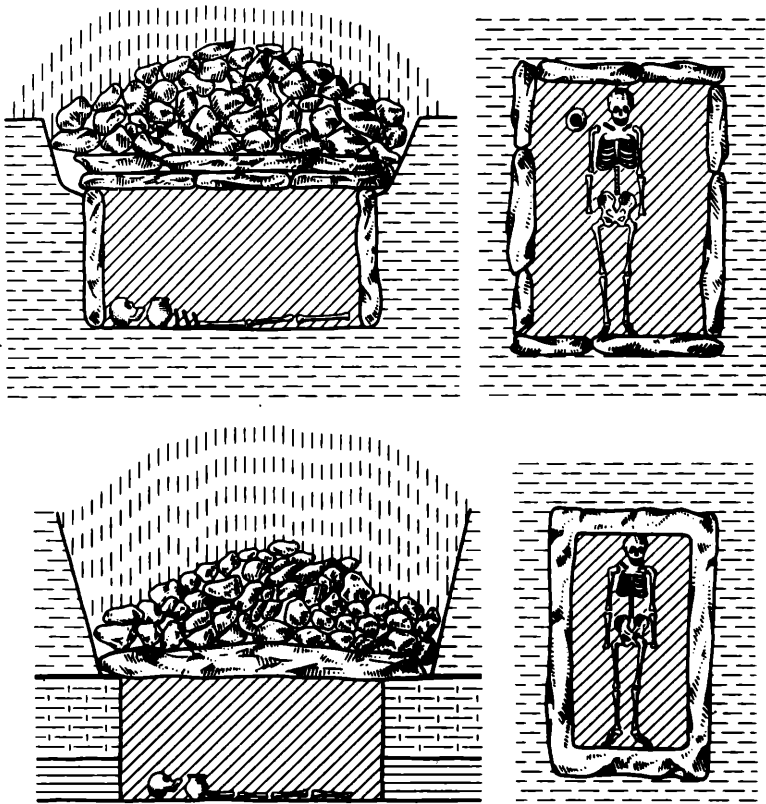

Рис. 1. Разрезы и планы погребений из курганов урочища «Три камня» под Кисловодском по Д. Я. Самоквасову

трудности, так как во многих случаях над погребениями воздвигались заклады или навалы, кстати схожие с аналогичными сооружениями в курганах у хут. Веселая Роща. Даже в тех погребениях, когда ящики ставились в материк, контуры ям почему-то не обозначались. Практически ни в одном отчете не приведены разрезы каменных ящиков или склепов. В этом отношении те же погребения Верхнего Прикубанья не составляют исключения.

Из отчетов можно извлечь скудную информацию о том, что ящики помещались в материк, по краям обрамлялись плитами¹², а площадь перекрывавшего их навала, как правило, значительно превосходила площадь ямы (обычно не прослеженную), в которую помещался сам ящик. Разумеется, проследить контуры ямы в насыпи не всегда возможно, но ведь многие захоронения совершались с уровня погребенной почвы и ниже. Как ни парадоксально, но чуть ли не единственные полные графические данные разрезов погребений (правда, схематичные) приведены Д. Я. Самоквасовым при издании материалов из курганов урочища Три камня под Кисловодском¹³. Продольные разрезы могил определенно свидетельствуют о существовании двух типов погребальных конструкций: каменного ящика и ямы с перекрытием (рис. 1). Но самое примечательное наблюдение Д. Я. Самоквасова — то, что обе конструкции имели уступы, четко зафиксированные на приводимых рисунках. Например, «гробница» 8 в кургане IV была вырублена в материке уступом, на котором лежала плита, покрывавшая могильную яму¹⁴. Причем, судя по иллюстрациям, во всех случаях не приходится сомневаться в наличии уступов¹⁵. Они также есть в погребениях и под Пятигорском в кургане у колонии Каррас¹⁶, отличавшихся от кисловодских тем, что в них не каменное перекрытие, а деревянное. Исходя из материалов Д. Я. Само-

квасова и курганов, исследованных на Константиновском плато у Пятигорска, в которых фиксируются ящики «врытые в материк», обкладка их по краям камнями, большая площадь навала над погребениями, можно несомненно прийти к выводу о том, что ямы с уступами в районе Кавминвод не являлись там большой редкостью, а, наоборот, получили широкое распространение, не меньшее, чем в Верхнем Прикубанье. Наряду с этим вполне допустимо помещение каменных ящиков и в более просторные ямы, но без уступов. Однако ямы с уступами, вне сомнения, преобладают над остальными. Свообразие курганов Кавминвод состоит именно в том, что целая и, видимо, многочисленная группа каменных ящиков, помещенных в ямы с уступами, составляет с последними органически цельную погребальную конструкцию.

По справедливому мнению Н. Я. Мерперта, каменное перекрытие над ямой является упрощенным вариантом ящика¹⁷, а для Ставрополя, на наш взгляд, таковым будет и деревянное, поэтому сопоставление ящиков с ямами с уступами (запличиками) на примере рассмотренных выше материалов выглядит вполне убедительно¹⁸. Но проводить такие параллели в других районах представляется не всегда правомерным. Так, в курганах у с. Грушевское Ставропольского края были открыты погребения в каменных ящиках (V группа), заменяющие катакомбы. Одной из причин их несколько неожиданного появления в этом районе Предкавказья являлись местные геоморфологические условия¹⁹. Можно считать, что для Ставрополя во многих случаях ящик предполагает наличие уступов в могильной яме. То же относится и к перекрытиям большинства впускных погребений, но в том случае, если над ними не возводилось дополнительных насыпей.

Все вышеприведенные данные убеждают нас в культурной близости памятников, оставленных населением Центрального Предкавказья предгорий и степи в эпоху средней бронзы. Кроме сходства погребальных сооружений и их некоторых конструктивных особенностей (каменные ящики предгорий и их заменители в степи, перекрытые ямы с уступами, облицовка края могилы камнями), в обеих ландшафтных зонах отмечается единство погребального обряда (вытянутое положение на спине) и категорий сопровождающего инвентаря (булавки, бляхи, зубы ископаемой рыбы, медальоны и т. п.), хотя полного знака равенства между культурой населения степи и предгорий ставить нельзя.

В более северных, прилегающих к Ставрополю районах погребения в ямах с уступами есть в Среднем и Нижнем Прикубанье, а также в Калмыкии и на Восточном Маныче. На Кубани они выделены в VII группу погребений с вытянутыми костяками, ориентированными на запад²⁰, что, безусловно, объединяет их с аналогичными погребениями Суворовского могильника, хронологически синхронными. В Калмыкии и на Маныче В. П. Шиловым выделена небольшая группа погребений со скорченными на спине костяками (I группа) в больших ямах с уступами и каменными обкладками²¹. Они занимают хронологическую позицию перед погребениями II, III, IV групп, т. е. относятся к позднеямному времени. Кроме того, учтено еще девять могил без запличиков (восемь из них в курганах были основными) с деревянным настилом и обрамлением по краям каменными кладками. Но, учитывая то, что эти могилы были основными, можно считать, что, как и в курганах у Веселой Рожи, естественный уровень погребенной почвы мог заменить уступы. В эту группу необходимо также включить еще десять погребений из курганов на Восточном Маныче²² с уступами, но не всегда скорченными по всему периметру и без каменной кладки, в которых костяки лежали на спине в скорченном положении. Среди исследованных И. В. Синециным ямных погребений в Калмыкии²³ число ям с уступами невелико. Еще меньше их в погребениях II группы на Восточном Маныче — всего два²⁴, причем в последнем случае могила по краям обложена камнями. В свою очередь, в курганах степного Ставрополя абсолютно отсутствуют погребения I группы с уступами, если не считать погребения 3 кургана 22

группы Веселая Роща III ²⁵, в котором костяк лежал в слабоскорченном положении и был ориентирован на запад. Это погребение скорее может быть отнесено к ранним северокавказским, чем к позднейшим. Таким образом, в курганах Веселой Рощи ям с уступами с обрядом погребения I группы практически неизвестны. В этой связи встает вопрос об их происхождении на Ставрополье, где они появляются только с обрядом вытянутого положения на спине.

Очевидно, самым ранним погребением в яме с уступом на Северном Кавказе, но со скорченным на боку костяком, является погребение 9 в кургане 6 у ст. Мекенской в Чечено-Ингушетии ²⁶. Оно было основным, а впускное погребение 10, также с уступом и перекрытое деревянным настилом, содержало детский костяк в вытянутом на спине положении со слегка согнутыми ногами. Во впускном погребении 11 этого кургана был встречен круглодонный сосуд ямного типа. Авторы раскопок основное погребение отнесли к майкопскому времени, т. е. периоду, предшествующему появлению северокавказских памятников. Они считают, что слабоскорченное погребение 10, возможно, ненамного моложе основного. Обряд погребений с вытянутыми на спине захоронениями на Кавказе имеет довольно ранние традиции, восходящие к энеолиту. Можно указать на хорошо известные погребения с вытянутыми костяками на спине, происходящие с Лугового поселения, и подкурганные захоронения у хут. Новый Аршти ²⁷ в той же Чечено-Ингушетии. На Северном Кавказе это, по-видимому, самые ранние вытянутые погребения. Как известно, в энеолитическом могильнике под Нальчиком их нет ²⁸. В степном Предкавказье вытянутых погребений ранее рубежа III—II тысячелетий до н. э. мы пока не знаем — им всегда предшествуют скорченные погребения на спине. Надо отметить, что в отдельных регионах ямной культурно-исторической общности вытянутые костяки (там, где они встречены) представляют позднее явление и не во всех случаях их можно связывать с ямными племенами. Например, в северо-западном варианте они связываются исследователями со среднеднепровской культурой ²⁹, и наоборот, в курганах на Северском Донце вытянутые костяки самые древние и занимают более раннее стратиграфическое положение, чем скорченные захоронения на спине. Но здесь вытянутое положение погребенных восходит к местным неолитическим традициям ³⁰, характерным и для других степных районов Северного Причерноморья. На Нижнем Дону появление вытянутых погребений относится к третьей четверти III тысячелетия до н. э. (II группа для Подонья), а вот уступы (заплечики) фиксируются здесь в VI группе, содержащей скорченные на боку костяки, и датируются серединой четвертой четверти III тысячелетия до н. э. Последняя группа (VI), как считает В. Я. Кияшко, возникает под сильным кавказским воздействием ³¹, а по времени совпадает с массовым распространением в Центральном Предкавказье ям с уступами.

В эпоху конца ранней и начала средней бронзы обряд вытянутого положения на спине встречается от Волги до Дуная, но он никогда не преобладал в понто-каспийских степях (за исключением некоторых районов Предкавказья) над остальными позициями погребенных, нося в ряде случаев эпизодический характер (Поволжье). Погребения в ямах с уступами также получили широкое распространение на обширной территории (Предкавказье, Подонье, Северский Донец, Приазовье, Крым, Нижний Днепр, Днестро-Дунайское междуречье) и тоже в позднейшее время. Однако сочетание вытянутого положения на спине в ямах с уступами мы находим только в Предкавказье, как в степи, так и в предгорьях. Здесь этот обряд, по всей видимости, сформировался и составил отличительную черту погребальных обычаев местного населения в период конца ранней и начала средней бронзы. Погребения с уступами в степной полосе Северного Причерноморья, появившиеся в позднейшее время, несомненно имеют происхождение и независимы от аналогичных погребений Северного Кавказа.

- ¹ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 93. С. 70. Рис. 30.
- ² *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- ³ *Геннадиев А. Н., Державин В. Л., Иванов В. К., Смирнов Ю. А.* О редкой форме погребального обряда в предкавказской культуре // СА. 1987. № 2.
- ⁴ *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М., 1974.
- ⁵ *Эрдниева У. Э.* Основные итоги археологического изучения южной Калмыкии // Тез. докл. IX Крупновских чтений. Элиста, 1979. С. 4.
- ⁶ *Романовская М. А.* Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и Веселая Роща III в 1979 г. // Архив ИА. Р-1. № 8489. Курганы 5, 6, 9, 10.
- ⁷ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... С. 48.
- ⁸ Там же. Рис. 29, 5, 27, 6.
- ⁹ *Самокасов Д. Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
- ¹⁰ *Николаева Н. А.* Выделение Кубано-Терской культуры ранне- и средне-бронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 101. Табл. 1.
- ¹¹ *Кореневский С. Н.* Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах // Тез. докл. XIII Крупновских чтений. Майкоп. 1984. С. 41–43; *Он же.* Работы Ставропольской экспедиции на Кавминводах (1983–1984 гг.) // Тез. докл. конференции «Археологические исследования в зонах мелиорации, итоги и перспективы их интенсификации». Л., 1985. С. 44, 45.
- ¹² *Гумилевский И. С.* Отчет о раскопках в 1952 г. // Архив ИА. Р-1. № 1495. Фото 30, 53; *Марковин В. И.* Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска // КСИА. 1971. Вып. 127. Курган 1, погребение 1.
- ¹³ *Самокасов Д. Я.* Могилы... С. 23–31.
- ¹⁴ Там же. С. 29. Рис. 11, 12.
- ¹⁵ Там же. С. 27–29. Рис. 7–12.
- ¹⁶ Там же. С. 32. Рис. 15, 16.
- ¹⁷ *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Рукопись дис. ... д-ра ист. наук. // Архив ИА. Р-2. 2011. С. 806.
- ¹⁸ *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Рукопись дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА Р-2. 2143. С. 147.
- ¹⁹ *Державин В. Л.* Погребения в каменных ящиках средней бронзы в степном Предкавказье // КСИА. 1984. Вып. 177.
- ²⁰ *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резенкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 86.
- ²¹ *Шилов В. П.* Курган 6 урочища Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2.
- ²² *Сафронов В. А.* Классификация... С. 50–52.
- ²³ *Эрдниева У. Э.* Основные итоги... С. 3, 4.
- ²⁴ *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978; *Коренько В. А.* Работы Арзгирского отряда в 1977 г. // Архив ИА. Р-1. № 7223.
- ²⁵ *Державин В. Л.* Отчет о работе Александровского отряда в 1980 г. // Архив ИА. Р-1. № 8713.
- ²⁶ *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- ²⁷ *Мунчаев Р. М.* Древнейшая история Северо-Восточного Кавказа // МИА. 1961. № 100. С. 136, 143.
- ²⁸ *Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий В. В.* Могильник в г. Нальчике // МИА. 1941. № 3.
- ²⁹ *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история... С. 874.
- ³⁰ *Телегин Д. Я.* Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976; *Ковалева Н. Ф.* «Вытянутые» погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурной общности // Тез. докл. конференции «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
- ³¹ *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье...

Э. В. САЙКО

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Появление общества ранних земледельцев, представляющего его исторически новое образование, было обусловлено, как известно, становлением принципиально новой формы хозяйственной деятельности в сфере производства предметов потребления, формированием собственно производственного характера ее. В результате происходят глубокие перестройки во всей производственной деятельности, глубокие структурные изменения в организации производства¹, предполагающие появление и дей-

ствие новых закономерностей в развитии последнего. Эти новые закономерности являлись важным интегрирующим моментом в характеристике обществ ранних земледельцев как особого единого исторического явления.

Важным условием развития обществ раннеземледельческих культур являлось расширение экономической базы и усложнение производственной деятельности земледельческих племен. Решающим фактором развития выступали преобразования материально-технической базы организации производства. Движущей силой и одновременно критерием динамики был **технический прогресс**.

В этом плане актуальным становится понимание технического прогресса не как совокупности и последовательности технических достижений, а как многоуровнево протекающего процесса (имеющего свои фазы, формы, уровни) и как постоянно действующего фактора развития производственной деятельности людей, обеспечивающего непрерывность перспективного изменения общества на магистральной линии его исторического движения. Исследование прогресса технико-технологической базы развития материального производства предполагает, в частности, поиск специальных показателей ее изменения. На основе таких показателей могут быть установлены устойчивые исторические технико-технологические уровни организации производственной деятельности. Такие уровни определяются прежде всего степенью преобразующего действия конкретных технических достижений. В качестве критериев такого преобразующего действия в технико-производственной организации материального производства может быть выделен ряд конкретных показателей. Среди них: 1) изменение принципов изготовления изделий, обеспечивающих новые технические качества их (появление техники составных орудий труда, литье); 2) изменение технических приемов изготовления изделий, обеспечивающих новые свойства их (шлифование, литье); 3) появление новых средств производства, обеспечивающих изменение условий труда, новый характер организации технологического процесса и самой конкретной производственной деятельности (например, появление гончарного круга, гончарных печей); 4) введение средств труда, значительно увеличивающих производительность труда (гончарный круг), силу, степень воздействия (лук); 5) изменение условий действий орудий труда, связанных с новыми видами труда (например, серпа, каменных орудий, освоенных в условиях присваивающих форм хозяйства, но используемых затем при земледельческих работах); 6) появление новых видов орудий труда, связанных с новыми видами труда (мотыги); 7) появление новых технологических систем, вводящих новый материал, используемый для производства средств производства и предметов потребления (сплавы — искусственные силикаты, металлические); 8) применение новых видов энергии (механической, тепловой); 9) появление средств производства, изменяющих связь мастера с производством (лук, печи, гончарный круг); 10) изменение схемы организации производства продуктов питания; 11) новые формы и уровни дифференциации технико-технологических систем, в том числе собственно технических средств, как проявление тенденции специализации разных видов труда (появление разных целевых установок в использовании теплообрабатывающих устройств в керамическом и металлообрабатывающем производстве обеспечивает, например, разную направленность совершенствования печей); 12) новый уровень разделения труда по характеру одного типа деятельности (дифференциация и специализация); 13) крупное общественное разделение труда.

Становление экономической основы обществ раннеземледельческих культур реально происходило в условиях активного функционирования присваивающих форм хозяйства. Определяющую роль в преобразовании материально-технической базы здесь сыграл технический прогресс, получивший общепринятое название технического прогресса верхнего палеолита. Революционизирующим моментом технического прогресса, обеспечивающим условия установления максимально высоких норм производственной деятельности, является изобретение лука² и составных орудий

труда, основанных на вкладышевой технике. Новые принципы изготовления средств производства и новые принципы и возможности действия ими изменяют эффективность всей технической сферы, увеличивают производительную силу труда. Изменяются потенциальные возможности действия человека, его психологическая готовность к многоступенчато планируемым действиям. Активное перспективное развитие производственной деятельности человека не только повышало общий экономический потенциал, но и порождало внутренние противоречия в ее содержании. Так, в определенных условиях функционирования конкретных обществ обеспечивалась ситуация, при которой возникали несбалансированные условия разного труда (прежде всего в сфере производства средств производства и предметов потребления — продуктов питания), когда в соответствующей конкретно-исторической обстановке возникала необходимость в революционизирующих способах решения производственных задач. Последние решались переходом к принципиально новым видам деятельности на базе разработки и освоения новых технико-технологических условий производства. Главным моментом здесь выступали освоение земли, «почвы, которая как средство труда создана человеком с помощью орудий труда»³, и разработка особой новой технологии производства предметов потребления — продуктов питания (включающей систему новых, развивающихся в перспективе технологических схем — обработки земли, ее орошения, выращивания урожая и т. д.). Переход к производящим формам хозяйства, обусловленный всем ходом прогрессивного развития первобытного общества, в плане характеристики технико-производственных оснований его функционирования может быть определен как революционная фаза технического прогресса в его технологической форме проявления, и в этой связи он может быть рассмотрен как первый технико-технологический переворот в организации производства (конкретных обществ). Хронологически эта фаза увязывается с периодом уже активного процесса перехода к земледельческо-скотоводческой экономике — VIII—VII тысячелетий до н. э.⁴

В результате революционного преобразующего действия технического прогресса, связанного с развитием новых технологических схем, произошел переход к новой технико-производственной ситуации материальной производственной деятельности. Были обеспечены новые условия и возможности производственной деятельности. Но степень реализации их определялась особенностями развития конкретных обществ. С середины VII до конца VI тысячелетия до н. э. активно реализуются и развиваются возможности и задачи новых экономических сфер деятельности. Это период эволюционной фазы технического прогресса. Технологические задачи сельскохозяйственной деятельности определили тенденции развития технических средств как фактора технического прогресса. Совершенствование технических качеств орудий труда происходило прежде всего на основе новых технологических схем их обработки — шлифование, а также получение орудий новых действий — мотыги (известны, например, в Хассуне). Происходило формирование искусственно создаваемой сферы в разных видах ее организации (продуктов земледельческого и продуктов специализированного в соответствующей степени труда, строительного дела). Важнейшей формой реализации новых возможностей (сырьевых, в частности) является становление новых технологий в сфере производства предметов потребления, расширяющихся в перспективе — развитие керамического, ткацкого, затем металлообрабатывающего (сначала в старых технических схемах обработки) производств. Именно с развивающимся уже в этот период керамическим производством связан новый революционизирующий шаг процесса технического прогресса.

В конце VI тысячелетия до н. э. происходит освоение «теплотехники». Линия очаг — массивные печи для выпечки хлеба, хорошо прослеживаемая в областях Северной Месопотамии и уже обеспечивающая практику печного дела, реализуется в конце VI тысячелетия до н. э. в разработке специализированных производственных печей. Созданные на новом тех-

нико-производственном уровне, они выступали самым мощным по объему и характеру техническим средством, специализированным оборудованием, отличным от обычного «инструментария» и даже составных орудий труда. Древнейшие варианты таких специализированных, довольно крупных печей отмечены для Ярым-тепе⁵. Появление специализированных печей обусловило собственно производственное освоение тепловой энергии. Производственное освоение огня означало: а) освоение новых знаний о свойствах природы, б) превращение веществ, в) введение искусственно создаваемого материала, г) получение регламентированных температур. Необходимость регламентированного огня ставила задачу поиска специальных технологических схем обжига, предполагающих конструктивную разработку технических условий теплообработки. Как специализированное оборудование, печи предполагали новые технические условия труда, новую связь работника со средствами производства. Но главное — их освоение обеспечивало новую позицию производственной деятельности по изготовлению изделий. Поэтому с разработкой специальных теплообрабатывающих устройств можно связывать начало новой, революционной фазы проявления технического прогресса, осуществляемого в собственно технической форме.

На протяжении последующего периода происходила дальнейшая активная разработка новых технологических систем и схем, основанных на превращении веществ и связанных с получением искусственного материала (керамика, металл). Разработка таких технологических систем и схем выступала главным моментом в процессе осуществляющегося на исторически новом уровне технического прогресса, определяя его технологическую форму проявления на протяжении V тысячелетия до н. э. Период V тысячелетия до н. э. связан с одним из величайших технологических достижений — изобретением плавения, которое выступает как особый процесс тепловой обработки и превращения веществ. Это новый принцип технологии изготовления изделий — литье, в том числе орудий труда.

Одним из важнейших моментов в развитии производственной деятельности является дифференциация и специализация технических приемов. Известно, что керамическое производство своим возникновением обязано огню, в то время как первые образцы изделий из металла изготовлялись по принципу механической обработки твердого материала — камня. Основные требования к работе огня в керамическом и металлообрабатывающем производстве были разными. В то же время владение огнем, его температурой, скоростью и ровностью горения при всех различных специальных требованиях выступает как общая задача и для керамического, и для металлообрабатывающего производства.

В середине IV тысячелетия до н. э. в областях Ближнего Востока возникла особая ситуация усложнения производственной деятельности, расширения ее спектра, углубления специализации. Устанавливаются новые технико-технологический уровень развития, новые производственные нормы, определяются новые задачи.

Особое место отводится такому решающему факту технического прогресса, как гончарный круг. Его освоение выступало новым революционизирующим техническим скачком, обеспечивающим принципиально новый принцип действия средств производства, новые производственные мощности, новые технологические схемы изготовления изделий, новые условия производственной деятельности, новую связь мастера с техническими средствами, с производством. Это было особое, глубоко специализированное средство труда, отличное не только по условиям действия, но и по целям, условиям его изготовления. Он резко (в 5—10 раз) увеличивал производительность труда и ставил новые технические и производственные нормы. Именно поэтому гончарный круг выступал определяющим моментом новой революционной фазы проявления технического прогресса в собственно технической сфере его. Гончарный круг, простейший ткацкий станок, разработка новых технологических схем металлообработки —

плавления, особенно изготовления сплавов и т. д. обеспечивали активное формирование на протяжении IV—III тысячелетий до н. э. нового технико-технологического уровня материально-технической базы производства перспективно развивающихся обществ Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии.

Итак, при целенаправленном рассмотрении технико-технологических факторов общепроизводственных оснований становления, функционирования обществ раннеземледельческих культур устанавливаются определенные закономерности проявления действий технического прогресса как условия формирования материально-технической базы на определенном этапе магистрального пути общественного развития. Закономерная смена революционной и эволюционной фаз и технических и технологических форм проявления его выступает условием накопления роста технико-производственного потенциала общества.

Глубокие преобразования технической сферы, имеющие революционизирующее значение в изменении технических условий развития производственной деятельности, выступают своего рода рубежами так называемых исторических технико-производственных стадий. Последние определяют соответствующие технико-технологические основания развития производственной деятельности. В рамках таких стадий происходят изменения в технической и технологической сферах, но сохраняются общие принципы технической организации общественного труда, общий уровень производительности его, определенная связь работника со средствами труда, определенные формы и условия кооперации и разделения (прежде всего, технологического) труда, особенности технических средств, обладающих определенными возможностями действия и воздействия и т. д. В этом плане период XII—VIII тысячелетий до н. э. выступает как особая стадия технического прогресса и стадия развития технико-технологической организации производства. В рамках этой стадии сформировался особый технологический способ производства, которому соответствовали определенный характер средств производства, способ соединения человека с техническими средствами, определенное технологическое разделение труда и кооперация, отличная от форм кооперации труда в предшествующий период. Следующая стадия VIII—IV тысячелетий до н. э. начинается реальным освоением производящих форм хозяйства и определяется свершением глубокой технологической революции, определившей установление новых видов организации общественного труда и новых структурных связей компонентов производства. В данном случае технологическая революция, связанная с разработкой новых технологических схем обработки земли и освоением ее как нового средства производства, определяет революцию производственную, связанную с глубокими изменениями содержания и организации всего общественного труда.

В VIII—IV тысячелетиях до н. э. формируется новый технологический способ производства, связанный с новыми возможностями действия орудий труда, новыми видами труда, соответствующими формами связи со средствами производства, — земледелия, скотоводства, изготовления изделий широкого потребления. Внутри этой стадии вычленяется особый период конца VI—V тысячелетий до н. э. как время активного развития технологических систем специализированного труда, реализации технических достижений общества ранних земледельцев. В то же время, несмотря на установление нового технико-технологического уровня, связываемого с таким крупным достижением, как специализированные печи и технологические схемы плавания и сплавы, орудия труда (в основной своей массе) как наиболее активная часть производительных сил сохраняют в принципе свой прежний уровень.

Следующая стадия, начиная с IV тысячелетия до н. э., определяется новым революционным проявлением технического прогресса в технической форме его осуществления. Принципиально меняется состояние технических средств. Появляются новые формы их организации (круг, колесо, простой ткацкий станок), варианты дифференцированных, специа-

Таблица
Технико-технологические показатели процесса технического прогресса в развитии раннеземледельческих обществ
и в период перехода от доклассового к классовому

Показатель преобразующего действия технического процесса ¹	Активное проявление показателей технического прогресса											
	тысячелетия до н.э.											
	XIII	XII	XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	IV	III	
№ 1	▲					▲				▲	▲	▲
№ 2										▲	▲	▲
№ 3	▲											
№ 4												▲
№ 5												
№ 6												
№ 7												
№ 8												
№ 9												
№ 10												
№ 11												
№ 12												
№ 13												
Фазы	револ.	эволюц.	эволюц.	эволюц.	революц.	эволюц.	эволюц.	революц.	эволюц.	эволюц.	революц.	эволюц.
Формы	технич.							техн.	технол.	техн.	технол.	технол.
Исторические технико-производственные стадии												

¹ Характеристику показателей см. в тексте

лизированных устройств, новые приспособления. Наряду с появлением новых и совершенствованием старых технических средств и технологических систем во всех сферах специальной деятельности (включая развитие транспорта и строительного дела) происходит, что очень важно, установление более сложных связей технических достижений и норм (например, достижений в области теплотехники для керамического и металлообрабатывающих производств) разных видов специализированных производств. Революционные преобразования технических средств, характеризующих новую революционную фазу технического прогресса в IV тысячелетии до н. э., выступали важным фактором изменений в сфере специализированного труда по производству изделий и формирования нового уровня промышленного производства — первой отделенной от сельского хозяйства его формы — ремесла. При сравнении этого революционного технико-технологического переворота с вышерассмотренным предыдущим можно выделить общие и специфические моменты их проявления. Революционное значение переворота в VIII—VII вв. до н. э. обеспечивалось новой позицией человека в мире природы, новым уровнем его знаний, расширением сферы его преобразовательной деятельности, ростом «производительной силы» самого человека. Во втором перевороте исходным пунктом являлись средства труда. Первый выступал в технологической, второй — в технической форме. В первом случае производственные преобразования происходили в сфере производства продуктов потребления, во втором — в сфере средств производства.

В то же время их объединяло главное общее — связь с революционизирующими преобразованиями в сфере производственной деятельности, обеспечивающими перестройку в структурной организации производства. В первом случае — это формирование новой отрасли сельского хозяйства. Во втором — революционный переворот в технико-технологических основаниях развития общества связывался с выделением специализированного, ремесленного производства. Оба они важнейшие вехи в перспективном развитии материально-технической базы, обеспечивающей условия прогрессивного развития общества (табл.).

¹ Колчин Б. А., Сайко Э. В. Особенности развития и организации производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. М., 1981. С. 24, 25.

² Семенов С. А. Труд и интеллект на ранних этапах развития // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук: Тез. докл. М., 1964.

³ Бахта В. И. К вопросу о структуре первобытного производства // ВИ. 1969. 00. С. 69.

⁴ Мерперт Н. Я. Неолитическая революция и ее памятники // Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 9, 10.

⁵ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 74—76.

А. П. ЖУРАВЛЕВ

СЫРЬЕВАЯ БАЗА СЛАНЦЕВЫХ ОРУДИЙ СРЕДНЕЙ КАРЕЛИИ

Основной ассортимент сланцевых орудий неолитических и энеолитических поселений европейского Севера составляют «плотницкие» инструменты (топоры, стамески, тесла, долота). В меньшей мере представлены скребущие и режущие инструменты из этого минерала. Особенно показательны памятники Заонежья, где наряду с готовыми изделиями из сланца содержатся заготовки и обломки орудий, запасы сырья и отходы производства, свидетельствующие о местной обработке сланца на этой территории. Не вызывает сомнений тот факт, что материал для орудий добывался где-то поблизости и поступал на поселения в виде сырья и готовых изделий.

Исследователи неоднократно указывали на широкое использование в неолите олонекского сланца (грюнштейна) для изготовления орудий труда¹. Этот же материал служил предметом экспорта. Что касается изучения конкретных месторождений сланца в Карелии, их разработок в древности, то в литературе на этот счет отсутствуют какие-либо сведения.

Вместе с тем за последние годы в Заонежье автором исследованы крупные месторождения сланца у Вегоруксы и Мягрозера и расположенные поблизости с ними поселения с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой IV—III тысячелетий до н. э. (Пегрема I, II, III, V, VII, XXII и др.) (рис. 1). На стоянках найдено и изучено значительное число сланцевых орудий и их обломков, отходов производства, запасов сырья, полуфабрикатов, кладов заготовок. Исследованы мастерские по доработке орудий в Пегреме (рис. 2).

Петрографическими анализами, проведенными в Институте геологии Карельского филиала АН СССР, убедительно доказано широкое использование Вегорукского и Мягрозерского сланца для изготовления орудий в Заонежье в неолите и энеолите².

По своему функциональному назначению сланцевые орудия поселений подразделяются на рубяще-долбящие, скребущие, колющие и специализированные орудия охоты и рыбной ловли и др. Все изделия найдены в чистых комплексах ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамики и могут служить надежными эталонами при характеристике индустрий Европейского Севера. Рассмотрим орудия подробнее (таблица 1).

Рубяще-долбящие орудия представлены сланцевыми топорами, теслами, долотами, стамесками. Топоры в основном полностью зашлифованы. По форме и технике обработки среди них можно выделить несколько разновидностей: а) подпрямоугольной формы с островальными симметрично заточенными лезвиями, линзовидные в сечении, отполированные по всей поверхности, некоторые с вторичной заточкой (рис. 3, 1—3); б) топоры овальные в сечении, зашлифованные по всей поверхности, со слегка расширенными лезвиями, заточенными симметрично (рис. 3, 4—5). Среди них отметим топор из Пегремы III подпрямоугольной формы с искусственно притупленным лезвием, его корпус зашлифован полностью (рис. 3, 6).

Тесла — орудия с односторонней заточкой лезвия, подчетыреугольные в сечении и плане, зашлифованные по всей поверхности, имеют размеры от 12×5×2,3 до 16×4×5,5 см (рис. 3, 8—9). Интересно орудие габаритами 11,5×2,1×4,2 см, подпрямоугольной формы, овального сечения, с асимметричной заточкой лезвия, зашлифованное по всей поверхности. Одна округлая сторона его обита и, видимо, использовалась как скребло (рис. 3, 10).

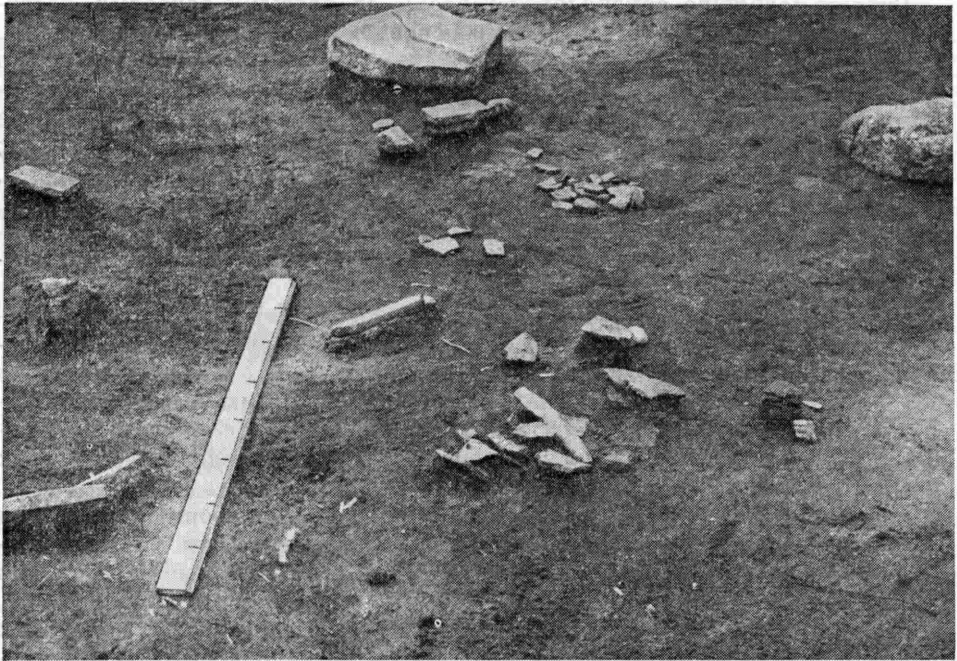
Сланцевые киркообразные орудия сегментовидной формы длиной от 5,2 до 23 см, полуовальные в сечении, с полностью или частично зашлифованной поверхностью (рис. 4, 1—2). Среди них имеются орудия прямоугольной и трапециевидной формы, прекрасно отполированные, с лезвиями, оживленными дополнительной пришлифовкой, у некоторых орудий оба края являлись рабочими. Можно предполагать, что они использовались в качестве пешен. Иные, может быть, выполняли функцию клиньев, о чем косвенно свидетельствуют сбитости обушковых частей, образовавшиеся от ударов по ним сверху. Вполне вероятно, что такие орудия могли использоваться и как кирки при землекопных работах.

Стамески — мелкие плоские орудия с односторонней заточкой лезвия, прямоугольной или трапециевидной формы, полуовальные в сечении, зашлифованные по всей поверхности (рис. 3, 11—14). Интерес представляют когтевидные стамески (круммейсели) из Пегремы VII прямоугольной формы и сечения. Одна из них, размерами 5×2×1 см, слегка расширяется книзу, поверхность прекрасно отполирована, обушок сбит, лезвие неоднократно заточено (рис. 3, 13). Вторая, размерами 5,2×3×0,5 см, обработана лишь по лезвию (рис. 3, 14).

Рис. 1. Раскопки стоянки Пегрема VII

Рис. 2. Остатки мастерской по обработке сланцевых орудий на стоянке Пегрема II

Отметим оригинальное орудие из Пегремы I толщиной 1 см, длиной 17 см, шириной 9 см. Оно имеет форму правильного ромба с длиной сторон 9,5 см, грани отполированы, края сильно залощены, два противоположных конца имеют сбитость — очевидно, следы работы. Посередине сделано отверстие, сужающееся к центру, внешний диаметр отверстия 3 см, внутренний — 1,9 см. Оригинальный клевец из Пегремы VII (рис. 3, 7). Орудие с двумя рабочими краями и боковыми выемами для крепления в средней части. У одного рабочего края две грани заточены под углом 30° , у другого — 45° . Вся поверхность орудия зашлифована. Долота отличаются от стамесок тем, что их толщина превышает ши-

Таблица

Поселения	Топоры и обломки топоров	Теса, обломки тесел	Стамески	Заготовки рубящих орудий	Обломки рубящих орудий	Обломки шлифованных орудий	Кирки, обломки кирок	Крумейсели	Клецы	Долога	Песты
Пегрема I	5	2	1	19	30	16	—	—	1	—	—
Пегрема II	10	2	4	44	57	19	20	—	—	1	—
Пегрема III	8	—	3	22	8	8	2	—	1	—	2
Пегрема VII	4	3	2	8	14	25	—	2	—	2	—
Пегрема X	3	1	1	—	4	3	—	—	—	—	—
Колгостров I	1	—	2	—	8	4	—	—	—	—	—
Итого:	31	8	13	93	121	75	22	2	2	3	2

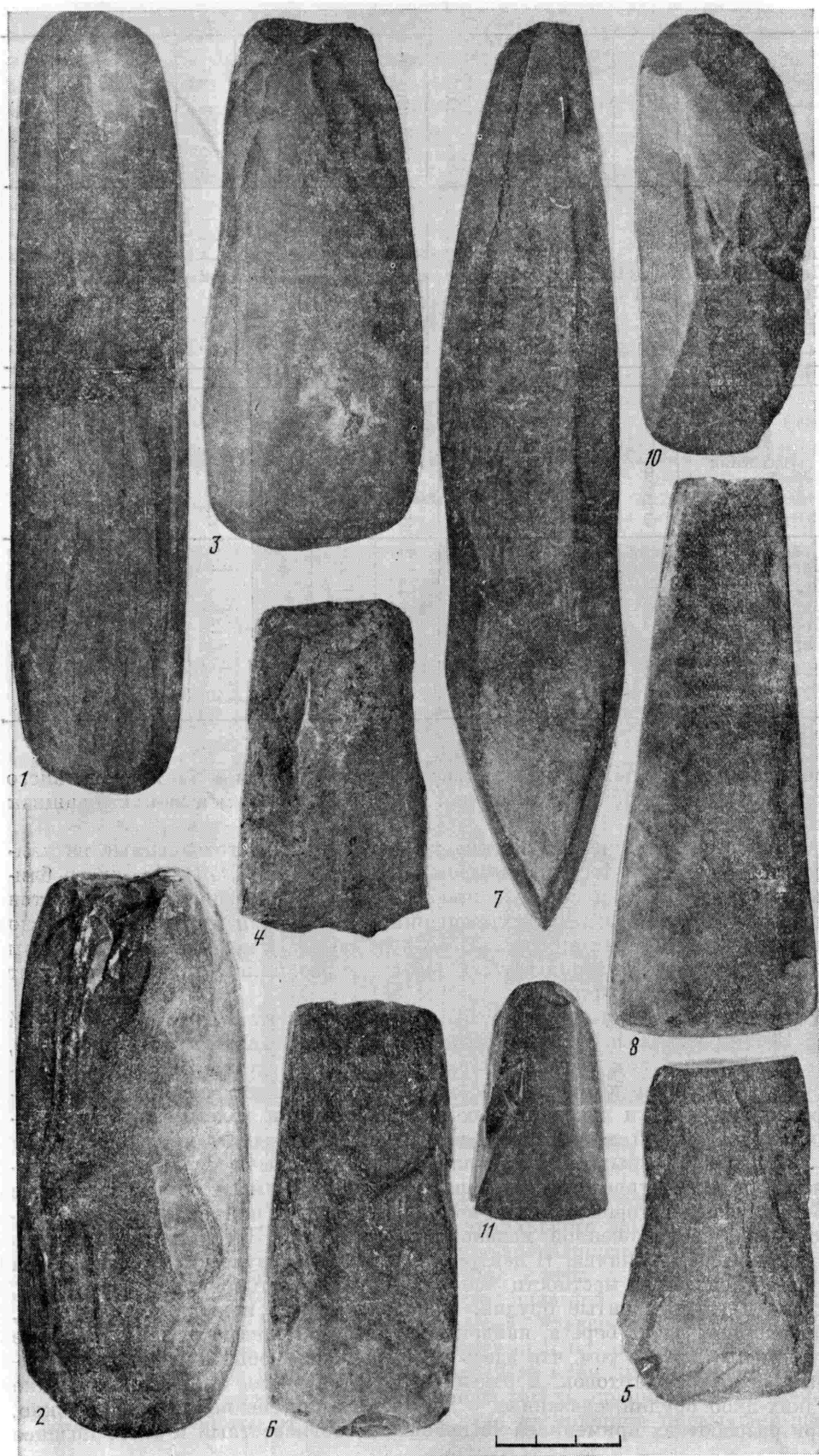
Поселения	Скребла	Скребки	Лощина	Проколки, острия	Пластинки	Шлифовальные плиты	Кольца	Осколки с ретушью	Рыболовные грузы	Диски	Всего
Пегрема I	—	—	6	—	—	3	—	—	1	—	84
Пегрема II	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	160
Пегрема III	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	56
Пегрема VII	1	6	11	1	1	9	1	2	—	—	92
Пегрема X	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	14
Колгостров I	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Итого:	1	7	18	1	3	13	1	2	1	2	421

рину или равна ей. Отметим экземпляр из Пегремы II полуовального сечения с симметрично заточенным суженным лезвием и зашлифованным корпусом (рис. 3, 15).

Интересны сланцевые «диски» из Пегремы II, изготовленные из плиток толщиной 0,6—1 см, диаметром 6—12 см (рис. 3, 16). У одного ближе к центру сделана попытка пробить отверстие. Назначение предметов неясно, возможно заготовки украшений; в коллекции имеются сланцевые подвески с отверстиями (рис. 3, 17, 18), обломок кольца с заостренным краем (рис. 3, 19), серия грубых заготовок различных орудий длиной от 9 до 28 см и полуфабрикаты.

Обращают внимание сланцевые удлиненные гальки размерами от 4 до 18 см. Отдельные экземпляры имеют зашлифованные края и, вероятно, использовались как лоцила. Обращает внимание серия первичных заготовок, назначение которых не вполне ясно. Среди них небольшие зашлифованные кусочки из сланцевых плиток, обломки колец, фрагменты обломанных орудий и заготовок, многочисленны отходы производства.

В связи с попыткой установления места добычи сланца неолитическими и энеолитическими жителями Заонежья имеет большой интерес Вегорукское месторождение на восточном берегу Уницкой губы Онежского озера, расположенной недалеко от Пегремы. Здесь на поверхность выходят пласты сланца. В центре поселка Ламбасручей и у берега озера при обследовании местности были обнаружены отброшенные заготовки, куски и грубо оббитые орудия. На скале и у ее подножья, в шурфах, заложенных вдоль берега, найдены крупные сланцевые отщепы, которые свидетельствуют о том, что здесь производилась добыча сырья и первичная обработка заготовок. В отдельных местах видны разработки, однако каких-либо орудий, связанных с добычей камня, не найдено. Возможно, при разработках применялся «огневой» способ, известный в более позднее

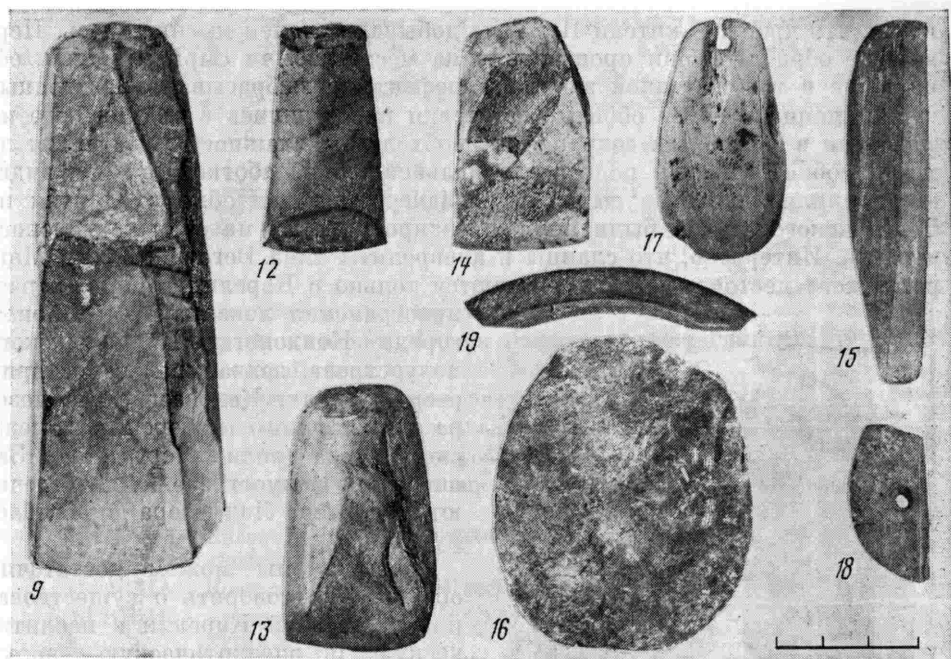

Рис. 3. Изделия из сланца

Топоры: 1, 6 — Пегрема III; 2, 4, 5 — Пегрема I; 3 — Пегрема II; клевец: 7 — Пегрема VII; тесла: 8 — Пегрема II; 9 — Пегрема III; 10 — Пегрема VII; стамески: 11 — Пегрема I; 12—14 — Пегрема VII; долото: 15 — Пегрема II; «диск»: 16 — Пегрема II; подвески: 17, 18 — Пегрема VII; обломок кольца: 19 — Пегрема VII

время в Заонежье при добыче руды. При этом способе около шахты на-
кладывали дрова, поджигали их, под действием огня в забое образовыва-
лись трещины и порода или обламывалась сама, или же сильно разрых-
лялась. Затем она расчленялась ломami или кирками³.

О технике и последовательности операций при изготовлении орудий
в энеолите можно судить по кладу сланцевых заготовок, найденному на
стоянке Пегрема I⁴. Он находился в ямке диаметром 40 см в 6 м от
жилища 2, яма врезана в материк на глубину 15 см. Клад состоял из
заготовок кирок (6), заготовок топоров (4), заготовок тесел (2) и шести
менее определенных крупных орудий. Все предметы из плотного сланца,
по всей вероятности, для них был использован один блок породы. На-
ходки лежали тесно друг к другу, и создается впечатление, что, видимо,
они были обвязаны или завернуты. В состав клада входило 6 необычай-
но аморфных заготовок рубящих орудий — четырехугольные продолгова-
тые куски сланца с грубой обработкой некоторых граней. Рабочие края
их не оформлены. У двух заготовок слегка обозначены лезвия. Судя по
заготовкам топоров в клада, первой стадией их изготовления являлась
двусторонняя грубая обработка поверхности, затем тщательная отделка
рабочего края (заострение, подтеска лезвия) и уже позже производилась
дополнительная отделка формы орудия за счет утоньшения боковых гра-
ней. Все заготовки не имеют следов употребления, видимо, они были при-
несены в поселок после первичной обработки, произведенной на месте
добычи сырья. Судя по наличию большого количества мелких отщепов и
чешуек, окончательная доделка орудий производилась уже в «домашней»
мастерской на стоянке Пегрема I. Здесь же они шлифовались, на что
указывают шлифовальные плиты, их обломки, а также частично отшли-
фованный сланцевый топор. В клада нет ни одной заготовки, на которой
можно обнаружить следы употребления, что заставляет видеть в них по-
луфабрикаты.

Петрографический анализ сланцевых орудий из клада, а также со-
стоянок Пегрема I—III, VII и сырья из вегорукского месторождения по-

казал, что древние жители Пегремы добывали сланец именно здесь. Первичную обработку они производили на месте добычи сырья, причем, обнаружив в той или иной заготовке дефект, ее выбрасывали. Пригодные куски сланца и грубо оббитые заготовки перевозились в поселок, где их зарывали в землю для сохранения необходимой влажности, доставали по мере необходимости и подвергали дальнейшей обработке. Так же, видимо, хранили сланцевое сырье, предназначенное для обмена. Орудия из Вегорукского сланца были широко распространены на стоянках лесного неолита. Интересно, что сланцы и алевролиты типа Вегорукского и Мягрозерского месторождений встречаются только в Карелии, район их распространения локализуется районом города Кондопоги, Кондопожского полуострова, захватывая территории озера Сандал, Кедрозера, Викпезера и восточного побережья Онежского озера (залив Черга). На Заонежском полуострове они встречаются от озера Ладмозера до Ламбасручья.

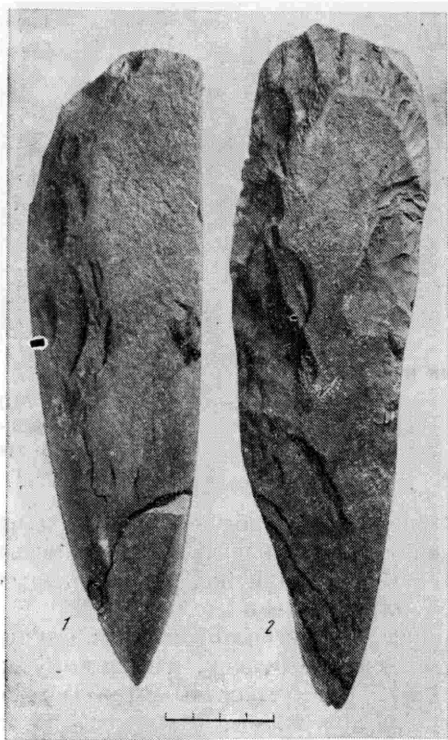

Рис. 4. Сланцевые киркообразные орудия из Пегремы II (1–2)

Значит, мы можем достаточно обоснованно говорить о существовании в Средней Карелии в неолитическую и энеолитическую эпоху центра по добыче и обработке сланца⁵. Для этого центра было характерно: 1) своеобразие геолого-географической ситуации с богатой биомассой и наличием легкодоступного качественного сланца, выходящего на поверхность, разработка сырья производилась открытым способом; 2) наличие близ выходов сырья поселений, мужское население которых занималось разработкой камня; 3) следовательно, в неолите в Заонежье развивалось горное дело, отмечается высокоразвитая сланцевая индустрия; 4) сланец использовался не только для собственных нужд местного населения, но и для обмена с другими племенами.

Тот факт, что в «домашних» мастерских Пегремы производилась доработка орудий, а также наличие кладов заготовок и сырья, орудий различной стадии обработки и большого числа отходов производства, может свидетельствовать о развитии специализации отдельных членов рода и, по-видимому, целых родовых коллективов неолитического Заонежья по добыче каменного сырья и изготовлению из него орудий. В этих условиях создавались благоприятные предпосылки для начала разделения труда у энеолитических племен Севера при их особой специфике рыболовецко-охотничьего хозяйства. Открытие сырьевой базы сланцевых орудий на Европейском Севере представляет большой интерес в плане изучения взаимоотношений неолитических культур лесной полосы с племенами Восточно-Прибалтийского региона и Финляндии.

Тот факт, что в «домашних» мастерских Пегремы производилась доработка орудий, а также наличие кладов заготовок и сырья, орудий различной стадии обработки и большого числа отходов производства, может свидетельствовать о развитии специализации отдельных членов рода и, по-видимому, целых родовых коллективов неолитического Заонежья по добыче каменного сырья и изготовлению из него орудий. В этих условиях создавались благоприятные предпосылки для начала разделения труда у энеолитических племен Севера при их особой специфике рыболовецко-охотничьего хозяйства. Открытие сырьевой базы сланцевых орудий на Европейском Севере представляет большой интерес в плане изучения взаимоотношений неолитических культур лесной полосы с племенами Восточно-Прибалтийского региона и Финляндии.

¹ Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. 1974. Вып. 138.

² Журавлев А. П., Горлов В. И. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // СА. 1979. № 1.

³ Коваленко Г. М. Первые металлурги-

ческие заводы в Карелии. Л., 1975.

⁴ Журавлев А. П. Клад заготовок сланцевых орудий на стоянке Пегрема I // СА. 1973. № 1.

⁵ Журавлев А. П. Центр обработки сланца эпохи неолита и энеолита на Европейском Севере // Тез. докл. IX конференции скандинавистов. Тарту, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет
ГИМ — Государственный Исторический музей
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ АН — Институт истории, археологии, этнографии АН Казахской ССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАО — Московское археологическое общество
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников
СОАН — Сибирское отделение Академии наук СССР
СЭ — Советская этнография
Тр. VIII АС — Труды VIII археологического съезда
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
JRAI — The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. ПИТУЛЬКО

НОВЫЕ СТОЯНКИ С КАМЕННЫМ ИНВЕНТАРЕМ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Археологическое изучение региона началось еще в последней четверти XIX в.¹, но до конца 30-х годов нашего столетия эти работы носили эпизодический характер и являлись результатом деятельности отдельных энтузиастов².

Первые планомерные работы в Большеземельской тундре были начаты Г. А. Черновым в 1939 г., в последующие годы он же обследовал и некоторые сопредельные территории. Собранные данные позволили говорить о достаточно раннем освоении человеком этого региона, но подавляющее большинство памятников, открытых к началу 80-х годов на рассматриваемой территории, расположено в долинах крупных рек и их притоков, преимущественно в бассейнах Печоры и Коротаихи³.

Собственно побережье, как и острова, в археологическом отношении оставались практически неисследованными. Между тем этот район занимает промежуточное положение между Кольским полуостровом и полуостровом Ямал, где известны памятники культуры, носители которых могли успешно эксплуатировать морские ресурсы⁴.

Прибрежные районы Большеземельской тундры и острова имеют благоприятные условия для морской охоты, и в настоящее время в этих районах интенсивный морской промысел ведут русские и ненцы⁵. Данные о древнем освоении прибрежной полосы региона отсутствовали: на морском побережье до недавнего времени было известно всего три пункта с археологическим материалом — мыс Синькин Нос, Тамбьонковская и Сеяхарейская стоянки, все — в Хайпудырской губе⁶.

Археологические разведки Заполярного отряда Архангельской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Л. П. Хлобыстина 1984—1985 гг. были направлены в основном на обследование береговой линии Югорского полуострова и побережья Вайгач. В результате этих работ открыта целая группа памятников эпохи бронзы — раннего железа как на материковом побережье — мыс Пырков I и II, мыс Входной I, так и на острове Вайгач — поселение на мысе Карпово Зимовье и стоянки на северо-востоке острова, а также интересные культовые памятники на мысах Дьяконов и Сиртя-Сале.

Стоянки, открытые на северо-востоке острова Вайгач, — Малый Болванский Нос I и II — расположены на оконечности мыса Малый Болванский Нос, рядом с полярной станцией имени академика Федорова. Мыс Болванский Нос представляет собой два небольших скальных массива, разделенных узкой неглубокой бухтой, в которую открывается обширная лагуна, отделенная от океана мощной намывной галечной косой шириной от 200 до 250 м.

Мыс Болванский Нос сложен толсто- и тонкослоистыми известняками. Скальное основание мыса перекрыто слоем суглинка, мощность которого редко превышает 0,5 м; толща суглинков насыщена значительным коли-

чеством мелкого обломочного материала, представленного продуктами разрушения пород, слагающих мыс. Сплошной дерновый покров есть только в центре мыса и на участке, примыкающем к озеру. Мощность дернового слоя не превышает здесь 3—4 см. Полоса берега шириной приблизительно 100 м представляет собой лишенные всякой растительности щебнистые площадки, изредка покрытые низкими кустиками «золотого корня».

Стоянка Малый Болванский Нос I расположена примерно в 300 м к востоку от построек полярной станции. Все находки (81 предмет) собраны на поверхности мыса, на площади 100×150 м и были равномерно рассеяны на этой площади. Скорее всего, культурного слоя в привычном смысле этого слова на этом памятнике никогда не было, так как для этой территории характерно чрезвычайно медленное почвообразование в сочетании с интенсивными эрозийными процессами. В заложенном нами шурфе (2×2 м) никаких признаков культурного слоя обнаружено не было. На поверхности залегал однородный, довольно рыхлый суглинок бежевого и светло-коричневого цвета, насыщенный щебнем, с глубины 20 см — плотный конгломерат, состоящий из суглинка и мелкого щебня.

Сырье, из которого изготовлены предметы со стоянки Малый Болванский Нос I, достаточно однородно. В основном это светло-серый и желтоватый кремнь низкого качества, но есть и изделия из хорошего мелового (2 экз.) и яшмовидного кремня (9 экз.), другие породы единичны — это кварцит (1 экз.) и окремненный известняк (1 экз.). Желвачная корка сохранилась всего на восьми предметах.

Среди находок можно выделить следующие группы предметов: 44 отщепов, осколка и обломка кремня; 30 отщепов с ретушью, преобладает ретушь скребкового типа, но некоторые отщепы с приотстриженной ретушью, возможно, использовались в качестве ножей (рис. 1, 6, 10, 11, 12); орудия и обломки орудий: обломок широкого листовидного наконечника (рис. 1, 3), обломки двустороннеобработанных наконечников или ножей (рис. 1, 4, 5), массивный листовидный наконечник стрелы или дротика, сломанный, вероятно, при обработке, мог использоваться и после поломки (рис. 1, 1), наконечник стрелы «рыбковидной» формы, с небольшими выемками по бокам и в основании, длиной 3,2 см (рис. 1, 2); два краевых пластинчатых скола, один имеет по краю крутую скребковую ретушь, второй — двустороннюю подретушировку, использовался в качестве ножа (рис. 1, 7, 8); массивный уплощенный отщеп, ретушированный по трем сторонам, комбинированное орудие — выемчатый и обычный скребок и нож (рис. 1, 9); пять пластинчатых отщепов-ножей, использовалась длинная сторона.

Местонахождение Малый Болванский Нос II находится на оконечности мыса, в 150 м от маяка. Археологический материал собран на площади 70×100 м. Микрорельеф этого участка сформирован многочисленными скальными обнажениями, между которыми располагаются отдельные щебнистые площадки. На одной из них и были обнаружены различные кремневые орудия, коллекция насчитывает 137 предметов. По характеру использованного сырья этот пункт резко отличается от расположенной по соседству стоянки Малый Болванский Нос I, хотя здесь по-прежнему преобладает кремнь (86 экз.), параллельно с ним широко использовался кварцит (41 экз.) и другие материалы, в основном окремненный известняк (10 экз.). Кремнь, как и на первом пункте, низкого качества, преимущественно различных оттенков серого и желтого цветов. На многих отщепках сохранилась желвачная корка (35 экз.), что позволяет предполагать, что изготовление орудий производилось на месте и, вполне возможно, из местного сырья. Желваки, линзы и прослои кремня характерны для многих горизонтов девонских и каменноугольных известняков, их присутствие отмечено в разрезах на островах Большой и Малый Зеленец, на мысе Синькин Нос, на реках Толота и Коротайха. Не исключено, что и известняки, слагающие север острова Вайгач, также несут в себе кремнь.

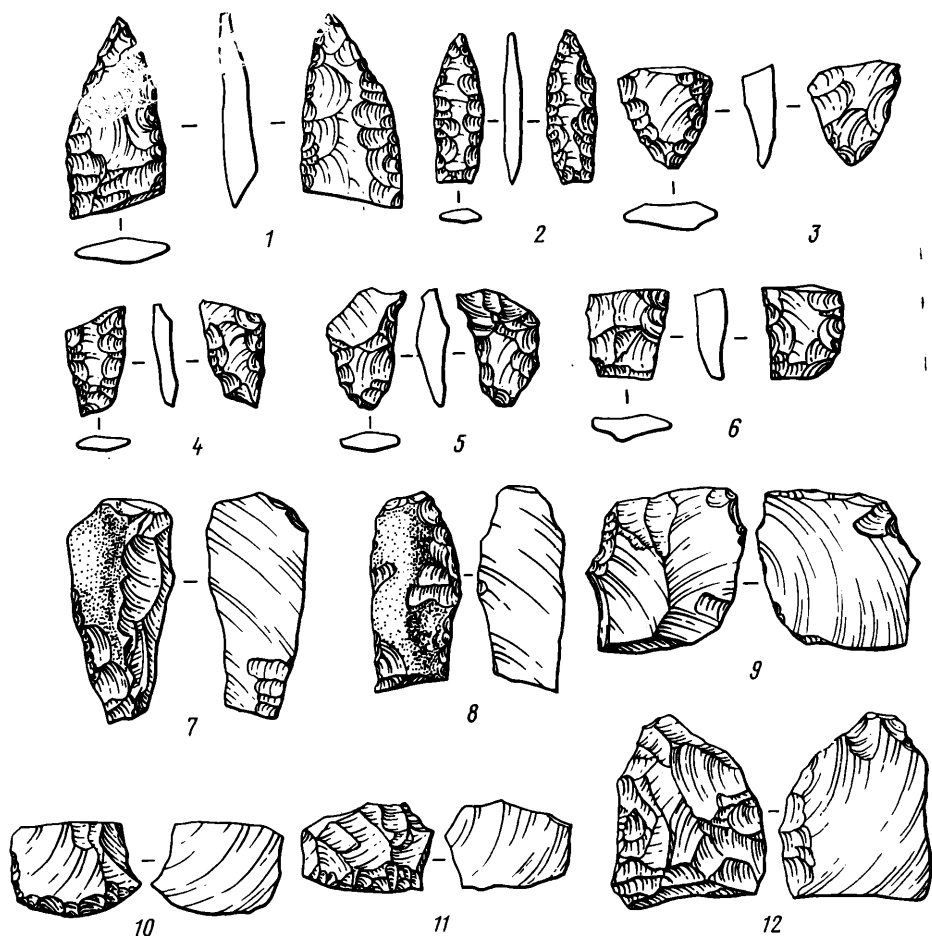

Рис. 1. Кремневые орудия со стоянки Малый Болванский Нос I (1—12)

Среди материалов стоянки Малый Болванский Нос II можно выделить следующие группы находок: отщепы, осколки и обломки кварцита (34 экз.), кремня (63 экз.) и других видов сырья (9 экз.); 15 отщепов со следами использования, 14 — из кремня, один — из кварцита (рис. 2, 9); шесть отщепов с подретушировкой, четыре — из кремня, два — из кварцита (рис. 2, 12); четыре нуклеидных изделия из кремня (рис. 2, 10, 11); орудия и обломки орудий: два обломка листовидных ножей из кварцита (рис. 2, 7, 8), обломок крупной ножевидной пластины из кварцита, использовалась в качестве ножа без дополнительной обработки (рис. 2, 2); выпукло-вогнутый скребок на изогнутой пластине из светло-серого кремня, рабочие края тщательно оформлены крутой ретушью; (рис. 2, 5) скребок на массивном сколе из кварцита, рабочий край оформлен фасетками крутой ретуши, сильно сработан (рис. 2, 6); скребок овальных очертаний из светло-серого с желтыми включениями кремня, поверхность обработана тонкими длинными сколами, рабочий край оформлен по всему периметру (рис. 2, 4); небольшое шлифованное сломанное тесло подпрямоугольной формы из зеленого окремненного известняка, вероятно, закреплялось в какой-то рукояти или обойме (рис. 2, 3); черешковый наконечник стрелы длиной 3,4 см, изготовлен из низкосортного кремня желтоватого цвета, с обеих сторон обработан уплощающей ретушью, черешок слегка обломан (рис. 2, 1).

В коллекциях обеих стоянок достаточно высок процент орудий на Малом Болванском Носу I, они составляют почти 50% от общего числа находок (41 из 85), на Малом Болванском Носу II — 25% (32 и 137).

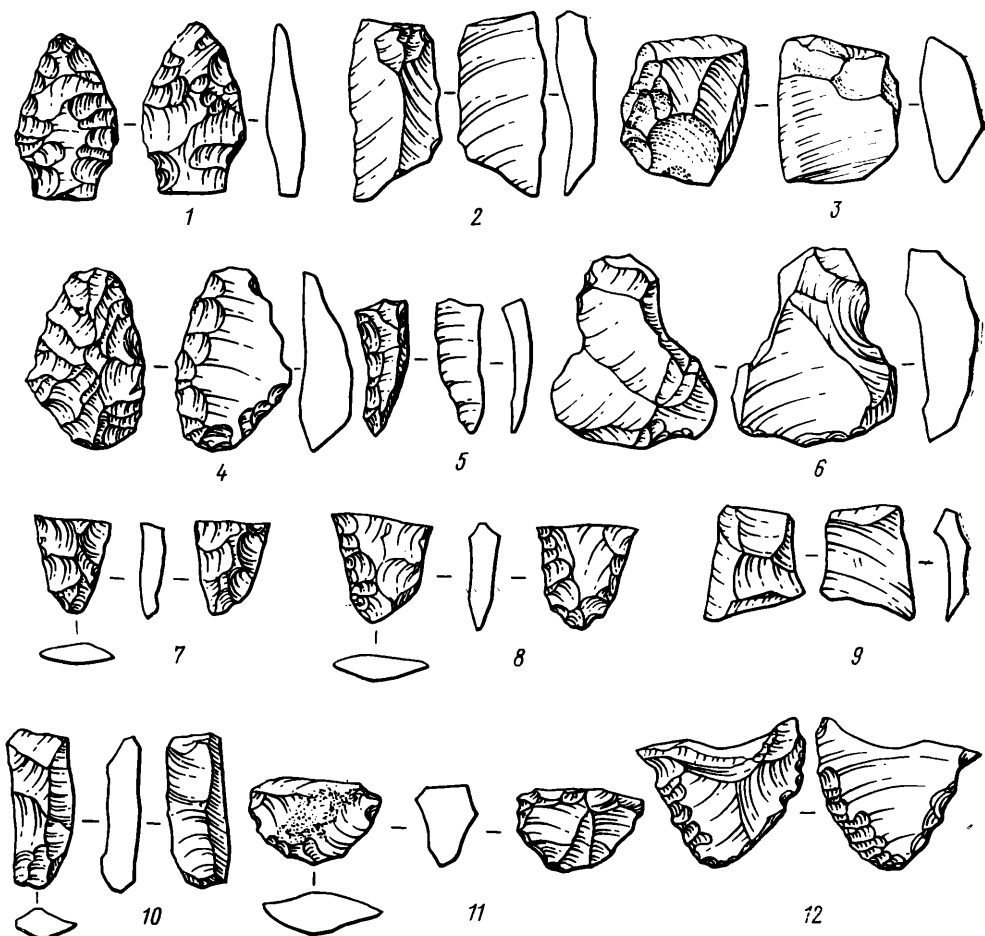

Рис. 2. Орудия со стоянки Малый Болванский Нос II

1, 4, 9, 10, 11, 12 — кремьнь; 2, 5, 6, 7, 8 — кварцит; 3 — окремьненный известняк

Характерно, что на обоих памятниках при значительном числе орудий очень немного орудий хорошо выраженных форм и большая часть их представлена фрагментами. Большинство предметов, отнесенных нами к разряду орудий, — аморфные отщепы, иногда пластинчатые, часто без намеренной подретушировки, но имеющие хорошо выраженную ретушь утилизации. Вполне возможно, что некоторая «небрежность» в обработке орудий и малое количество пластин объясняется низким качеством сырья, но в то же время возможно и другое объяснение этого факта — стоянки оставлены населением, хорошо знакомым с орудиями из металла и достаточно широко использовавшим их параллельно с каменными и костяными орудиями, которые не сохранились. В пользу последнего предположения говорит и полное отсутствие резцов среди достаточно многочисленной коллекции, собранной на стоянках мыса Болванский Нос. Резцы были необходимы для изготовления различных костяных орудий, в первую очередь — орудий охоты: наконечников стрел, копий, гарпунов и других предметов, и не исключено, что к моменту возникновения стоянок на мысе Малый Болванский Нос бронзовые резцы и другие инструменты уже начали вытеснять каменные аналоги.

Отсутствие значительного количества орудий выраженной, устойчивой формы (исключая наконечники стрел рыбковидный и черешковый обломки листовидных ножей, тесло, округлый скребок) затрудняет датировку и определение культурной принадлежности памятников. Из аналогий можно отметить только наконечники рыбковидной формы, встреченные

на некоторых стоянках Большеземельской тундры, например, Колва-вис II и Колва-вис XII⁷. Судя по остальным орудиям, инвентарь стоянок мыса Малый Болванский Нос не выходит за пределы обычных наборов орудий поздненеолитических стоянок Большеземельской тундры. Исключения составляют своеобразный черешковый наконечник и шлифованное тесло (рис. 2, 3). Шлифованных орудий на большеземельских стоянках встречено немного⁸; черешковые наконечники стрел представлены, напротив, достаточно широко, но их формы, близкие к турбинским, заметно отличаются от наконечника из стоянки Болванский Нос II⁹. На основании единственной достоверной аналогии (рыбковидные наконечники) и некоторых других черт, присущих комплексу находок с мыса Болванский Нос (небольшое количество пластин, аморфные отщепы, отсутствие резцов), можно предварительно датировать находки примерно серединой — концом II тысячелетия до н. э., т. е. поздним неолитом — началом эпохи бронзы. Что касается культуры, к которой могут быть отнесены эти памятники, то решение этого вопроса в настоящий момент преждевременно, так как на территории Большеземельских тундр пока не выделена какая-нибудь единая археологическая культура (или их группа). В памятниках этого времени (вторая половина II тысячелетия до н. э.) встречены находки, свидетельствующие о появлении в Большеземельских тундрах иммигрантов из Центрального Зауралья, Прикамья и Верхней Печоры (орудия, обычные для турбинских и лебяжских памятников), или о развитых связях с этими областями¹⁰. Для рассматриваемого региона характерно одновременное и чересполосное существование разнокультурных памятников.

В заключение хотелось бы высказать некоторые предположения относительно специфики хозяйственной деятельности древнего населения, оставившего стоянки на мысе Болванский Нос, которая, возможно, и составляет главное отличие материала этих стоянок от памятников Большеземельской тундры. Хозяйство внутриматерикового населения не выходило за рамки хозяйственно-культурного типа «арктические охотники» с ориентацией хозяйственной деятельности на добычу северного оленя, птицы (в основном гусь в период линьки и массового скопления птиц на отдельных озерах и реках в период жировки и накануне осеннего перелета; рыболовство, возможно, закольное). Об этом говорит в первую очередь топографическая привязка материковых памятников — они сосредоточены в долинах основных водостоков, на берегах рыбных озер, на миграционных путях оленя¹¹.

В противоположность этим памятникам стоянки мыса Болванский Нос расположены на оконечности одного из самых северных мысов острова Вайгач, между 70 и 71° с. ш. Еще в начале нашего века этот мыс являлся, по сути, островом, проникнуть на который без водного транспорта можно было только во время отлива. Кроме того, до сих пор держится значительное количество нерпы в этом районе — как в летнее, так и в зимнее время, что особенно важно, так как в летнее время острова можно было достичь только на лодке, следовательно, был возможен промысел нерпы на плаву. Если же стоянки возникли в результате зимних посещений острова, то привлечь в этот район охотников могла только перспектива промысла нерпы на припайном льду, в разводьях и полыньях, у продушин, возникающих в результате достаточно частых подвижек льда в проливе Карские Ворота, так как именно наличие участков открытой воды во льдах и привлекает сюда нерпу. Следовательно, несмотря на ограниченное пока количество археологических материалов, полученных на севере острова Вайгач, можно предположить существование морского зверобойного промысла у древнего населения, оставившего стоянки на мысе Болванский Нос. К сожалению, среди находок отсутствуют остеологические материалы, однако при раскопках на мысах Крапово Зимовье и Входной они найдены, и более половины их принадлежат морским животным — нерпе, моржу¹². В качестве косвенного доказательства нашего предположения может рассматриваться и характер

недавних остатков хозяйственной деятельности возле заброшенных не-нецких домов на мысе Малый Болванский Нос — здесь преобладают кости нерпы и значительно меньше костей северного оленя и других животных.

Сделанное предположение представляется вполне правомерным, если обратиться к результатам, полученным при изучении близкого по природным условиям и промысловым ресурсам района Беломорья и Кольского полуострова. Так, морская охота является «излюбленной темой» беломорских петроглифов, она запечатлена в десятках изображений, причем изображается именно ведение охоты на плаву с помощью лодок с различным (до 12 человек) количеством экипажа¹³. Дата, предлагаемая для петроглифов Беломорья большинством авторов — конец III — начало II тысячелетия до н. э., — несколько древнее даты, предложенной нами для стоянок мыса Малый Болванский Нос.

Далее, для соседней территории побережья Кольского полуострова на большом фактическом материале установлено появление в позднем неолите и расцвет в эпоху раннего металла у прибрежного населения хозяйственно-культурного типа «арктические охотники на морского зверя»¹⁴. Подобные аналогии можно легко обнаружить и на близких восточных территориях, например, в материалах стоянок Тиутей-Сале и Хаэн-Сале, открытых В. Н. Чернецовым¹⁵, и в памятниках усть-полуйской культуры в низовьях Оби¹⁶.

¹ Штукенберг А. А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV АС в Казани. Казань, 1875.

² Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита // МИА. 1973. № 172. С. 54—66.

³ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985. Карта 1.

⁴ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4—5. С. 106—112.

⁵ Эмиров Б. Д. К истории китобойного промысла на Русском Севере // Летопись Севера. М., 1962. Вып. III. С. 188—200.

⁶ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников...

⁷ Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток... Табл. 1.

⁸ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников... Табл. 9.

⁹ Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток... Табл. 1.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Чернов Г. А. Атлас археологических памятников... Карта 1.

¹² Хлобыстин Л. П. Отчет о работе Архангельского отряда в 1985 г. // Архив ЛОИА АН СССР. № 3310.

¹³ Савватеев Ю. А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

¹⁴ Шумкин В. Я. Каменная и костяная индустрия мезолита — раннего металла Кольского полуострова: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; *Он же*. Становление и развитие хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова // КСИА. 1987. Вып. 193.

¹⁵ Чернецов В. Н. Древняя приморская культура...

¹⁶ Моинская В. И. Археологические памятники Севера Западной Сибири // САИ. 1965. Вып. ДЗ—8.

И. В. ГАВРИЛОВА, О. В. ОВСЯННИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛУОСТРОВЕ КАНИН

Работами Архангельской экспедиции ликвидировано еще одно белое пятно на археологической карте Европейского Заполярья: обнаружены первые памятники на полуострове Канин, который в отличие от Кольского полуострова и близлежащей Большеземельской тундры археологическим исследованиям до недавнего времени не подвергался. В результате обследования западного побережья полуострова Канин несколько местонахождений зафиксированы в его южной части на реках Дикуша, Несь и на озере Нижнем, а на северо-западном побережье близ устья р. Большая Бугряница и на полуострове Канин Нос.

За исключением пунктов Большой Бугряницы, все они размещаются на невысоких песчаных холмах, поднятых над окружающей тундрой на 1,5–2 м, недалеко от морского побережья, близ ручьев и речек, впадающих в Белое море. Местонахождения Большой Бугряницы приурочены к третьей надпойменной террасе реки. Кроме пунктов на Дикуче и на единственном пляже озера Нижнего, остальные представлены сборами с поверхности на песчаных выдувах. На двух первых произведены разведочные раскопки, выявившие обильный материал эпохи раннего железа. Находки всех прочих местонахождений немногочисленны, их набор иногда недостаточен, но выразительный облик позволяет с уверенностью отнести их к мезолиту — раннему неолиту и составить некоторое представление об инвентаре памятников этого периода в целом. В южной части полуострова к ним относятся местонахождения около поселка Несь на берегу старицы одноименной реки и на юго-восточном берегу озера Нижнего, на песчаном холме, удаленном на 150–200 м от озера; в северной части полуострова — Бугряница I и II около устья Большой Бугряницы; Канинская I и II, Грумант, расположенные на западном берегу мыса Канин Нос, Святой камень — на северном берегу того же Канина Носа.

Во всех случаях сырьем служит валунный кремль различной окраски, преимущественно серой, заготовками — правильно оgranенные пластины, в то же время встречаются в небольшом количестве пластины не столь правильного оgranения, сколы с нуклеусов, реже — отщепы (рис. 1, 1–20).

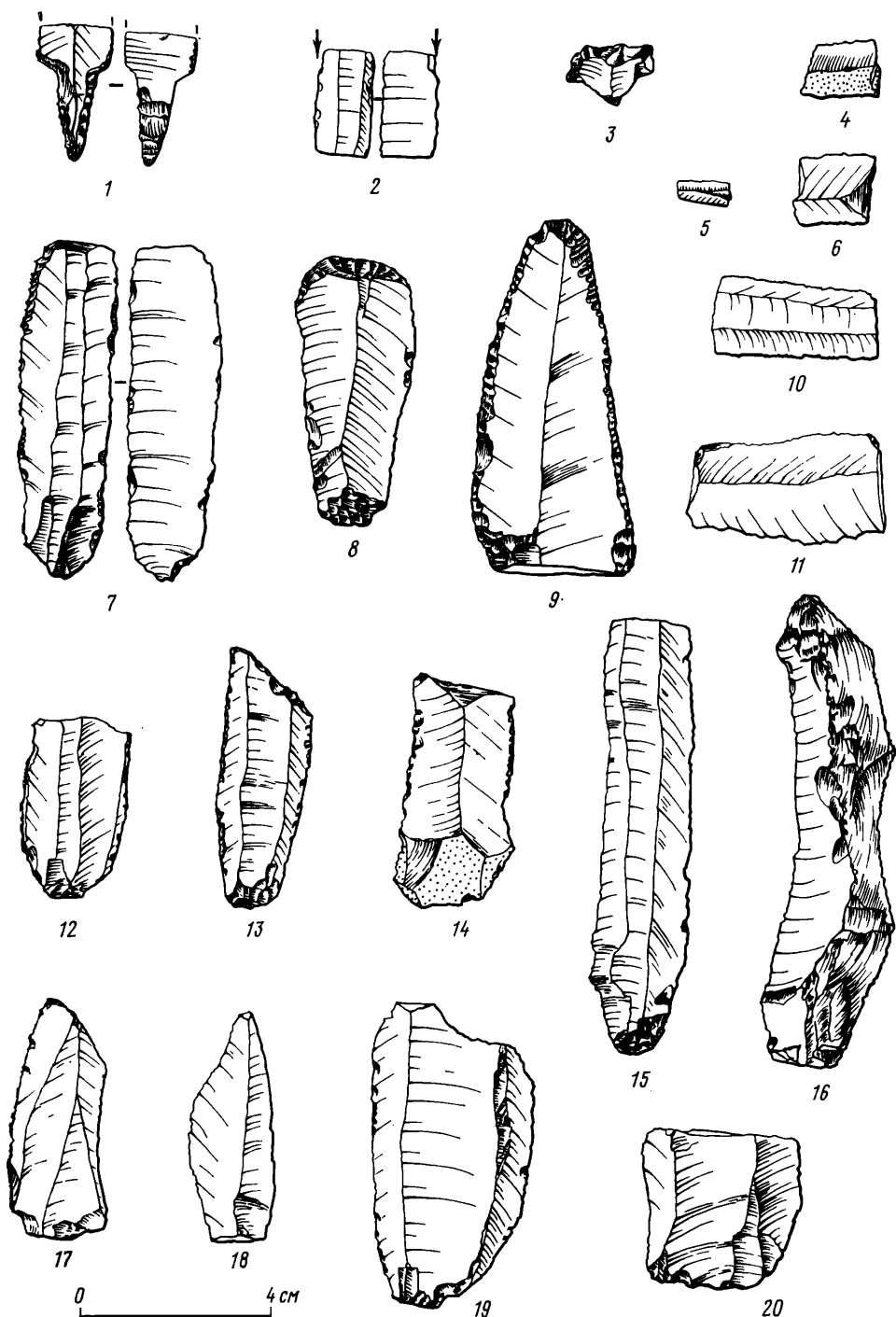
Находки из Неси и у озера Нижнего представлены исключительно обломками пластин и сечений микролитического облика: их ширина не превышает 1,4 см, длина 1,1–3,1 см, вторичная подправка наблюдается на одном обломке, принадлежавшем, вероятно, наконечнику стрелы с черешком и сколом на одном из боковых сторон.

Для инвентаря северных местонахождений, напротив, характерны пластины шириной 1,3–3,5 см. Единственное сечение микропластины — $1,3 \times 0,5 - 0,6$ см — происходит из Бугряницы I.

Наиболее выразительны находки из Канинской I, среди которых выделяется обломок насада наконечника стрелы с черешком (рис. 1, 1); угловой резец из сечения пластины (рис. 1, 2), обломок пластины со скошенным краем, несколько пластин и сечений (рис. 1, 4, 11–13, 15, 19), реберчатый скол (рис. 1, 16). Из двух скребков (рис. 1, 8, 9) один — со слегка скругленным рабочим краем, у второго одна из боковых сторон пристроена ретушью, как у режущего орудия.

Из остальных находок упомянем пластину из местонахождения на мысе Грумант. Она имеет трапециевидное сечение, у слома на спинке по одной из боковых сторон и на брюшке около ударной площадки наблюдается ретушь, что делает пластину похожей на заготовку наконечника стрелы (рис. 1, 7). Отметим также обломок концевого скребка, изготовленного из пластины (рис. 1, 3), и несколько сечений и обломков правильно оgranенных пластин (рис. 1, 5, 6, 14, 18) из Бугряницы I. Два обломка пластин, один из них широкий (рис. 1, 20) из Бугряницы II, а также сечение пластины из урочища Святой камень (рис. 1, 10). На каждом пункте, помимо перечисленных изделий, в большом количестве встречаются куски кремня без четких признаков преднамеренного расщепления.

Как можно видеть, на всех местонахождениях северо-западного побережья и двух упомянутых на юго-западе полуострова изделия представлены правильно оgranенными пластинами, их обломками и изготовленными из них орудиями, что по аналогии с памятниками близлежащих территорий позволяет отнести их к мезолиту или раннему неолиту¹. Некоторые аналогии с мезолитическими памятниками делают, как нам кажется, наиболее вероятной мезолитическую дату. Так, наконечники стрел с четко выраженным черешком на северо-востоке Европейской части СССР наиболее характерны для мезолитических памятников², тогда как в раннеолитических преобладают бесчерешковые³. Кроме того,

Рис. 1. Кремневые изделия местонахождений эпохи мезолита — раннего неолита на полуострове Канин

1, 2, 4, 8, 9, 11—13, 15, 16, 19 — Канинская I; 3, 5, 6, 14, 18 — Бугряница I; 7 — Грумант; 10 — Святой камень; 17 — Канинская II; 20 — Бугряница II

в ранненеолитических коллекциях за редким исключением резцы отсутствуют, а скребки из правильно огранных пластин и отщепов сравнительно малочисленны⁴. Напротив, и те и другие имеются в каждом мезолитическом поселении⁵.

Датировку канинских находок должны подтвердить дальнейшие исследования, которые помогут также ответить на вопрос, означают ли

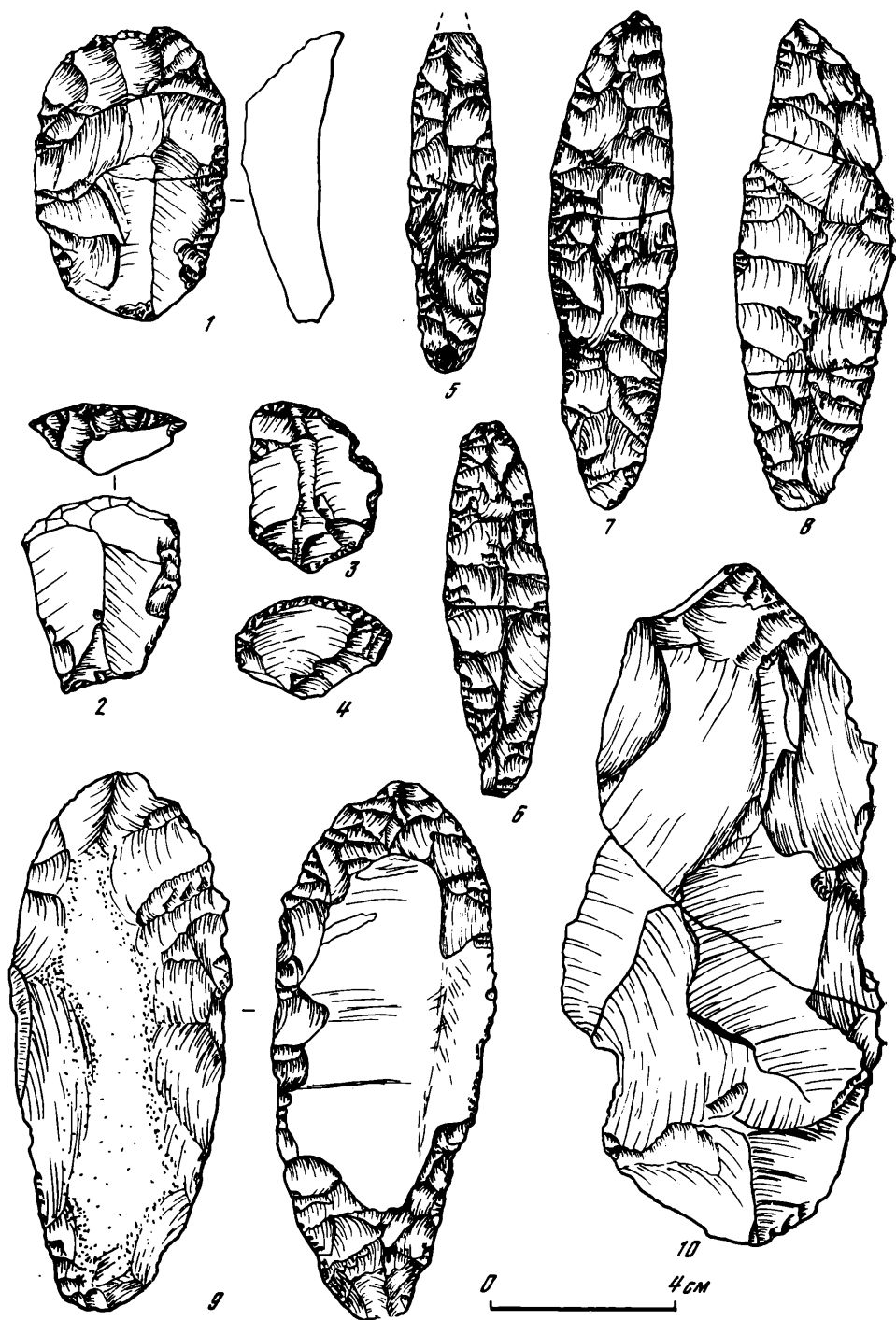

Рис. 2. Кремневые изделия эпохи раннего металла, местонахождение на р. Дикуже (1—10)

наметившиеся различия между материалами пунктов на севере и юге побережья хронологический разрыв или разнокультурную принадлежность. В настоящее время можно лишь констатировать, что в эпоху мезолита — раннего неолита полуостров Канин был уже освоен человеком. Рассмотренные выше местонахождения являются, по-видимому, остатками кратковременных остановок охотников, проникающих вслед за стадами оленей, откочевывающих сюда на летние пастбища. Недостаток данных не-

позволяет сказать, откуда пришли первые обитатели на полуостров. Вероятнее предполагать заселение с ближайшей территории — низовьев реки Мезени, где известны памятники этого периода, инвентарь которых, несмотря на некоторую микролитичность, содержит как черешковые наконечники, так и резцы на углах сечения⁶.

Связь с районами Нижней Мезени подтверждают материалы обоих упомянутых выше памятников эпохи раннего железа. Как и мезенские, они не жестко привязаны к водоемам: местонахождение на Дикуже удалено от ее правого берега на 500—700 м и располагается на самой верхней точке песчаной гряды, а второе — у пляжа озера Нижнего близ устья ручья, на небольшом пониженном участке гряды. Культурный слой, как и на поселениях Нижней Мезени, обозначен лишь находками, большинство которых приурочено к верхней границе белесого песка, покрытого тонким почвенно-растительным слоем, при этом они четко локализируются на площади стоянки. Из элементов культурного слоя фиксируются те же скопления кремневых отходов, скопление заготовок из кремня. Насыщенность скопления сырьевыми отходами иногда велика — одно из скоплений на Дикуже содержало 5585 отщепов и кусков кремня, второе — 3755; скопление заготовок — 35 целых экземпляров и девять обломков. Заготовки однообразны, овально-удлиненных очертаний, длиной от 8 до 15 см, шириной 3,6—6,9 см, выяснить назначение большинства из них невозможно. Учитывая форму, лишь некоторые можно рассматривать как заготовки наконечников стрел. Судя по вторичной подправке и сработанности, часть заготовок выполняла функции режущих и скребущих орудий. Законченные изделия представлены обломками наконечников стрел с удлиненным пером, многочисленными скребками из уплощенных и тонких пластинчатых отщепов удлиненных и укороченных пропорций, мало выразительными скобелями и ножами (рис. 2, 1—10).

Обилие отходов производства, заготовок, набор и формы кремневых орудий, их четкая локализация на площади памятника создают почти тождественное сходство обоих местонахождений с нижнемезенскими⁷. В этой связи интересна такая деталь, как находка залегающих компактно мелких камешков (остатки погремущки?) на озере Нижнем, какие нередко находятся на поселениях нижней Мезени. Заметим, что стоянки на Дикуже и озере Нижнем отличаются значительно меньшей площадью.

Тождественное сходство позволяет включить канинские местонахождения в круг памятников раннего железа Европейского северо-востока, выделенных В. И. Канивцом в культуру Ласты. Как и нижнемезенские, от прочих они отличаются богатым каменным инвентарем, что объясняется, вероятно, наличием обильного сырья в обоих районах. Очевидно, в эпоху раннего железа, как и в предшествующие периоды, основным источником существования здесь оставались олени стада, за сезонной миграцией которых следовали племена, обитавшие в нижнем течении Мезени. Нельзя утверждать, что последние были исключительно охотниками, поскольку стоянки приурочены скорее к пастбищам, чем к местам, удобным для охоты. Однако последнее предположение требует подтверждения и дальнейших исследований.

¹ Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967. С. 59—68; Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972. С. 22—39; Он же. Неолитические стоянки в долине р. Индиги // МАЕСВ. Сыктывкар, 1977. Вып. 6. С. 23—27; Верецагина И. В. Ранний неолит на Северной Двине // МАЕСВ. Сыктывкар, 1977. Вып. 6. С. 11—22; Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионья. М., 1983.

² Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны... С. 50. Табл. 5, 93. Рис. 17; Она же. Мезолит бассейна р. Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 14. Рис. 4.

³ Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы... С. 31. Рис. 4; Верецагина И. В. Ранний неолит... С. 14. Рис. 3; Логнова Э. С. Поселение Эльты 1 // МАЕСВ. Сыктывкар, 1978. Вып. 7.

- С. 3—22; *Она же*. Ранний неолит на Средней Вычегде // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 48—52.
- ⁴ *Верещагина И. В.* Ранний неолит... С. 15. Табл. I. С. 18. Рис. 4; *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы... С. 32. Рис. 5; С. 33. Рис. 6; *Он же*. Неолитические стоянки в долине р. Индиги... С. 24. Рис. 1; *Логина Э. С.* Поселение Эньты I... С. 21. Табл. 2; С. 22. Табл. 4.
- ⁵ *Лузгин В. Е.* Древние культуры Ижмы... С. 25. Рис. 2; *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна р. Вятки... С. 12. Рис. 3; С. 14. Рис. 4; *Она же*. Мезолит бассейна Сухоны... С. 47. Табл. 2; С. 51. Табл. 6; С. 52. Табл. 7; С. 258. Табл. 70, 6.
- ⁶ *Гаврилова И. В.* Археологические исследования на Нижней Мезени // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1982. С. 87—89.
- ⁷ *Гаврилова И. В.* Археологические исследования... С. 88.

Д. А. КРАЙНОВ, Е. Л. КОСТЫЛЕВА

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ШАДРИНО IV В БАССЕЙНЕ Р. ЛУХ

В Верхнеландеховском районе Ивановской области в среднем течении правого берега р. Лух находится небольшое пойменное озеро Шадрино. Окрестности озера обследовались Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР в 1969 и 1984 гг. Здесь было обнаружено девять стоянок, указывающих на пребывание древнего человека на озере, начиная с мезолитического времени.

Наиболее ранняя неолитическая стоянка Шадрино IV исследовалась в 1969 г. Д. А. Крайновым¹ и в 1984 г. Е. Л. Костылевой. Площадь памятника около 2000 кв. м. Раскопками вскрыто 100 кв. м.

Стоянка расположена на мысовой части невысокого всхолмления, вдающегося в заболоченную низину древней протоки примерно в 700 м к востоку от ее впадения в озеро и в 1100 м к западу от д. Гоголи (рис. 1).

Стратиграфия памятника следующая: 1) дерн и поддерновый слой мощностью около 10 см; 2) серая перепаханная супесь мощностью 20—25 см; 3) светло-желтый песок мощностью 10—20 см; 4) ярко-желтый песок мощностью 20—25 см; 5) светло-желтый материковый песок с ортзандами.

В поддерновом слое и серой перепаханной супеши основную массу находок составляла керамика XVII—XVIII вв. Здесь же, на глубине 0—10 см был встречен обломок ямочно-гребенчатой керамики, попавший, по-видимому, во время вспашки поля с соседней стоянки Шадрино V.

Основной слой залегания ранненеолитических находок связан со светло- и ярко-желтым песком, наибольшая концентрация их на глубине 40—50 см. Вследствие нарушения слоя пашней некоторое количество ранненеолитического материала имеется в поддерновом слое и серой перепаханной супеши.

Общее число ранненеолитических находок, полученных за два года раскопок, сравнительно невелико: 740 каменных предметов и 6 обломков керамики. Керамика орнаментирована поверхностными тычковыми вдавлениями овальной формы, в глине прослеживается небольшая примесь песка (рис. 2, 39). Она близка раннеолитической тычково-накольчатой керамике стоянок Кухмарь I, III, Торговище I, Золоторучье I, Сухтыш I, II, VIII, Ивановское III, V, VII, Котчище II, Давыдковская, Альба I, III и ряда других стоянок Верхнего Поволжья. Указанная керамика встречается как в «чистых» (или относительно «чистых») раннеолитических комплексах в сопровождении кремневого инвентаря позднемезолитического облика (Кухмарь III, Давыдковская, Засыпь I, Алексеевское I и др.)², так и в смешанных комплексах: мезолит — ранний неолит (Жабки III, Альба I, III)³. На многослойных памятниках тычково-накольчатая керамика стратиграфически залегает в самом низу куль-

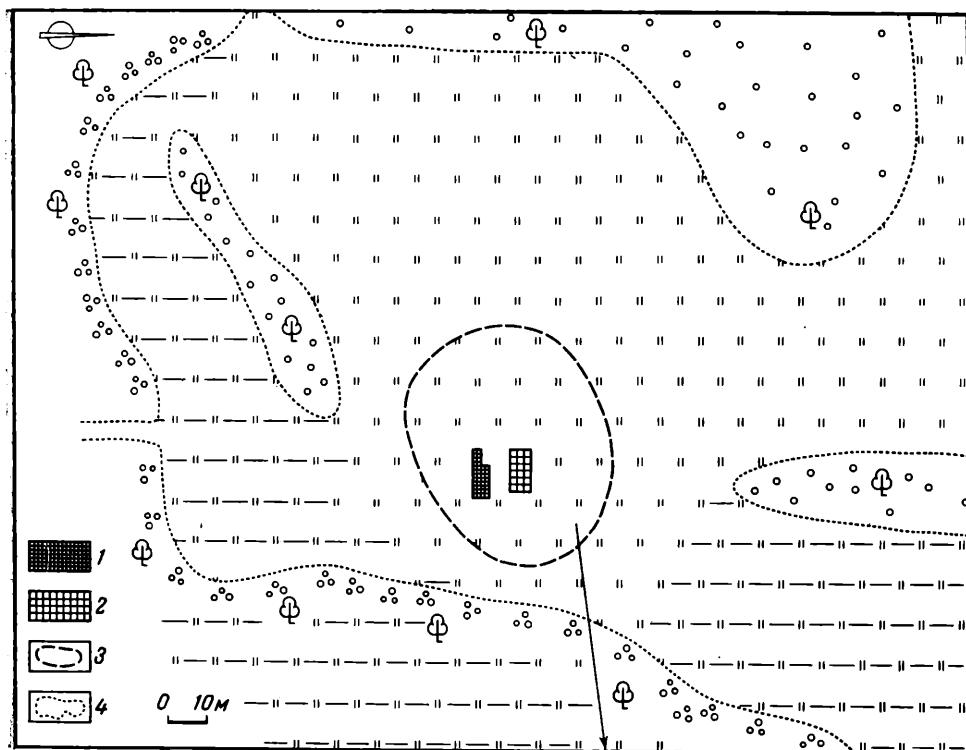

Рис. 1. План стоянки Шадрино IV

1 — раскоп 1969; 2 — раскоп 1984; 3 — приблизительно граница стоянки; 4 — граница растительности

турного слоя, ниже верхневолжской керамики с зубчатым, ложношнуровым и прочерченным орнаментом (Сахтыш II, Торговище I и др.).

Каменный инвентарь стоянки Шадрино IV изготовлен из местного валунного и галечного кремня желтого, розового, светло-серого и коричневого цвета. Основная часть коллекции представлена отходами производства и потенциальными заготовками орудий без вторичной обработки — 643 экз. Из них 520 экз. составляют осколки, куски чешуйки с преобладанием последних (около 300 экз.). Кроме того, найдено 2 резцовых скола, 1 ребристая пластинка, 2 нуклеуса подконической формы от отщепов, 50 отщепов, 11 пластинок, 37 обломков пластин и 20 сечений.

Найдено 104 изделия со вторичной обработкой. Среди них 96 орудий, 2 обгоревших осколка и 6 осколков от шлифованных орудий. Орудий из отщепов — 61, большинство их составляют отщепы и осколки с частичной обработкой ретушью (28) и скребки (20), последние — небольших и средних размеров (рис. 2, 26, 29—36). Основная масса скребков — концевые с дугообразным лезвием, среди них есть и двойные (рис. 2, 33). Один из скребков сделан из небольшой гальки и сохраняет ее естественную форму и поверхность (рис. 2, 35). Имеются скребки боковые, полукруглые и округлые. Лезвия их обработаны крутой и полукруглой ретушью. Почти все скребки имеют желвачную корку на спинке. Из отщепов сделаны также 2 ножа, 1 скобель и 1 резец.

Орудий из пластин 33, большинство их представлено пластинками и их обломками с обработкой регулярной (10) и нерегулярной (11) ретушью. Размеры пластинок от 3 до 24 мм в ширину, с преобладанием 7—8 мм. Края их имеют обработку как крутой притупляющей, так и пологой приостряющей ретушью. У одной из пластин основание и боковые стороны затуплены крутой ретушью (рис. 2, 7). Другая пластинка, по-видимому, имела скошенный конец (рис. 2, 11). Прочие изделия из

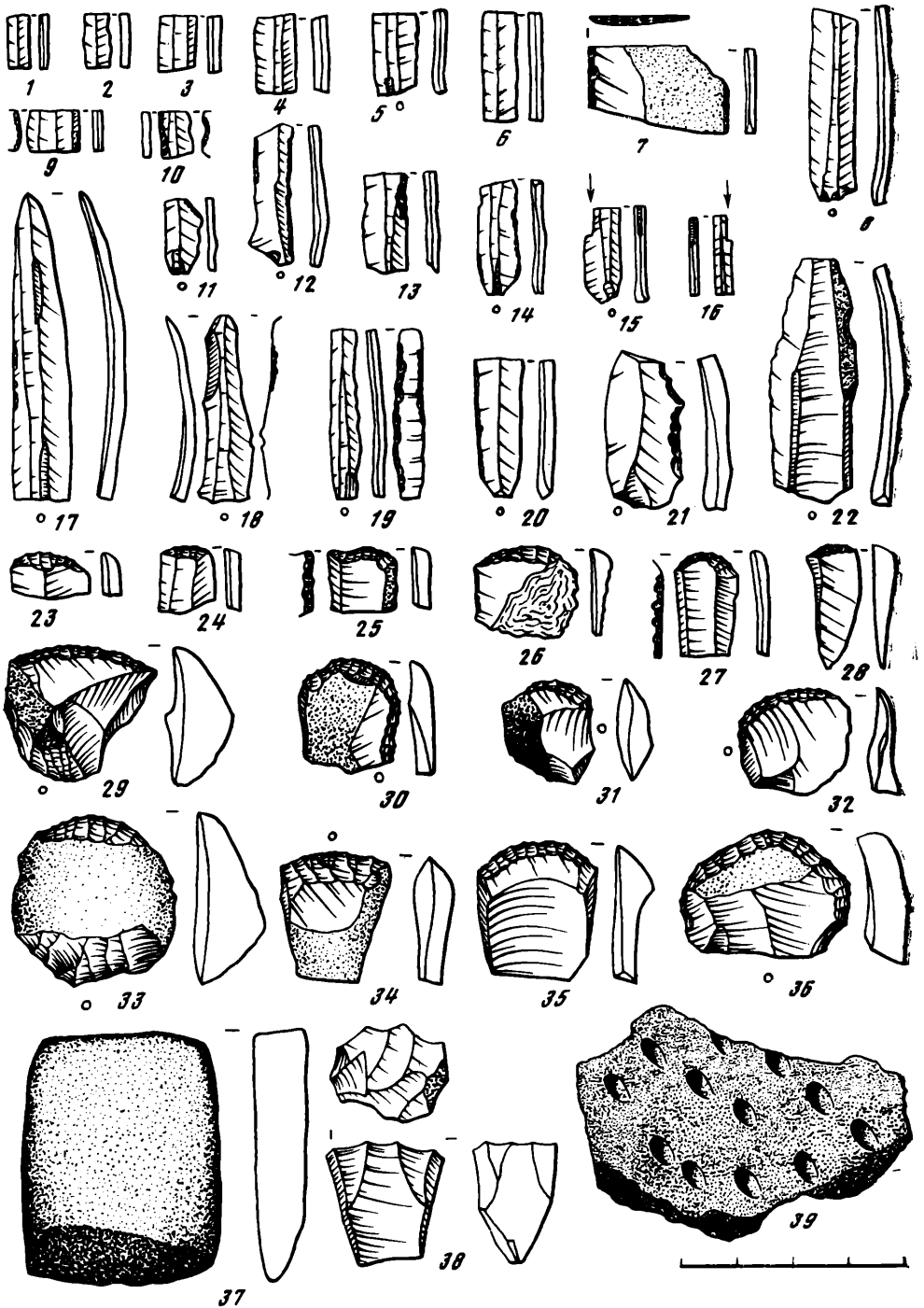

Рис. 2. Каменный инвентарь и керамика стоянки Шадрино IV (1—39)

пластин составляют 2 скобеля с неглубокими выемками по краю (рис. 2, 21, 22), два реза на углу сломанной пластинки (рис. 2, 15, 16) и 8 скребков. Все скребки на пластинках — концевые (рис. 2, 23—25, 27, 28). Лезвия их — дугообразные, у одного — слегка вогнутое с края (рис. 2, 25), обработанные крутой и полукруглой ретушью. У двух из них отмечается подработка одной из боковых сторон с брюшка (рис. 2, 25, 27).

В коллекции имеются подпрямоугольной формы тесло с подшлифованной поверхностью (рис. 2, 37) и обломок шлифованного рубящего орудия, сделанные из мягкого камня.

Таким образом, материалы стоянки Шадрино IV представляют собой практически чистый ранненеолитический комплекс кремневых изделий из отщепов и пластин, сопровождаемых незначительным количеством керамики с тычково-накольчатой орнаментацией. Преобладание кремневых изделий над керамикой с тычково-накольчатой орнаментацией отмечается и на других ранненеолитических памятниках Верхнего Поволжья, что связано, возможно, лишь с первыми опытами ее изготовления местным населением в период завершения перехода от мезолита к неолиту.

Кремневый инвентарь, находимый в комплексах с тычково-накольчатой керамикой, как на стоянке Шадрино IV, так и на других памятниках, имеет близкое сходство с изделиями позднебутовской мезолитической культуры со стоянок Ивановское III, VII, Мордовское I, Скнятино I—III, Соболево III—V, что свидетельствует о генетической связи населения памятников верхневолжской культуры с тычково-накольчатой керамикой с позднебутовским населением.

Стратиграфически более низкое залегание тычково-накольчатой керамики по отношению к верхневолжской керамике с другими видами орнамента, зафиксированное на ряде памятников (Сахтыш II, Торговище I), нахождение ее в смешанных комплексах мезолит — ранний — неолит (Жабки III, Альба I, III) и наличие стоянок с чистыми комплексами тычково-накольчатой керамики в сопровождении инвентаря позднемезолитического облика (Шадрино IV, Кухмарь III, Алексеевское I, Давыдовская и др.) позволяют считать, что первое ранненеолитическое население Верхнего Поволжья изготовляло керамику с тычково-накольчатой орнаментацией.

По-видимому, идея изготовления керамики была заимствована верхневолжским населением от более южных соседей — среднедонской и волгокамской культур, где тычково-накольчатая керамика является наиболее ранней⁴. Однако в отличие от керамики упомянутых культур, где ведущим элементом орнаментации является накол подтреугольной формы, в орнаментации керамики верхневолжской культуры абсолютно преобладает овальный накол, а подтреугольный встречается лишь на керамике ранненеолитических памятников Окско-Клязьминского междуречья.

Время появления тычково-накольчатой керамики на памятниках Верхнего Поволжья можно датировать концом первой половины V тысячелетия до н. э. Расцвет ее падает на время от середины до последней трети V тысячелетия до н. э. На это указывают даты из нижнего ранненеолитического слоя стоянки Ивановское III: 6500 ± 50 (ИГАН — 71), 6570 ± 80 (Ле—1970) лет назад, где тычково-накольчатая керамика встречена в смешанном виде с прочими ранними видами верхневолжской керамики (прочерченной, ложношнуровой, короткозубчатой), время существования которых определяется также радиоуглеродными датами по стоянкам Ивановское III и Языково I в основном последней третью V тысячелетия до н. э., а также дата по стоянке Жабки III— 6460 ± 160 (ГИН—3214) лет назад⁵, где ранненеолитический комплекс с тычковой керамикой смешан лишь с мезолитом.

Таким образом, стоянка Шадрино IV является одним из наиболее ранних памятников верхневолжской культуры, свидетельствующих о завершении перехода от мезолита к неолиту и датируемых примерно серединой V тысячелетия до н. э.

⁴ Крайнов Д. А. О работах Верхневолжской экспедиции // АО 1969 г. М., 1970.

² Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции // АО 1975 г. М., 1976; Сидоров В. В. Давыдовская стоянка на р. Яхроме // СА. 1973. № 1; Лурина Н. Н. К вопросу о раннем

неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.

³ Кравцов А. Е. Работы в юго-восточном Подмоскowie // АО 1983 г. М., 1985; Трусов А. В. Работы Московского областного краеведческого музея // АО

1979 г. М., 1980.

⁴ Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Автореф. дис. канд. ... ист. наук. М., 1971; Халиков А. Х. Этнокультурная ситуация в Среднем Поволжье и Приуралье в эпоху неолита: Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Вос-

точной Европы: (Тез. докл. обл. науч. конф.). Оренбург, 1986.

⁵ Сулержицкий Л. Д., Виноградова С. Н., Рябинин А. А., Зайчук Г. И. Радиоуглеродные даты ГИН АН СССР // БКИЧП. М., 1984. № 53; Кравцов А. Е. Работы в юго-восточном Подмоскowie // АО 1983 г. М., 1985.

Т. Б. КРЫЛОВА

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ТИНИЦА В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате интенсивных работ, проводимых с конца 50-х годов в южной части Валдайской возвышенности Верхневолжской неолитической экспедицией под руководством Н. Н. Гуриной, открыты сотни памятников мезолита и неолита¹. В числе их стоянка Тиница, исследовавшаяся в начале 70-х годов².

Памятник находится на юго-восточной окраине пос. Пено Калининской области, на первой надпойменной террасе р. Волги. Стоянка сильно повреждена траншеями военного времени, раскопками было исследовано около 50 кв. м.

Стратиграфия памятника на различных участках неоднородна: 1) почвенный слой мощностью до 0,2—0,35 м; 2) песок с обильными золистыми и углистыми включениями мощностью до 0,2 м выклинивался от края террасы к северу; 3) красновато-бурый песок мощностью от 0,2 м (в южной части раскопа под золистым песком) до 0,05—0,08 м (в северной части раскопа непосредственно под почвенным слоем), на некоторых участках не прослеживался; 4) темно-серый гумусированный песок, местами внизу имел черную окраску (в юго-восточной части раскопа — сплошной слой мощностью 0,18—0,20 м, в северной — тонкий слой залегал линзами); 5) материк — светлый мелкозернистый песок, переходящий в голубоватый алеврит. Шурфы дали близкую стратиграфию, но между слоями 2 и 3 залегал светлый мелкозернистый песок. Прослеживается увеличение мощности культурного слоя к югу, к краю террасы, видимо, там находился центр поселения. Находки начинались в почвенном слое и шли до материка.

Несмотря на незначительные размеры раскопанной площади, на ней было обнаружено около 20 ям и углублений, из которых полностью вскрыты были 2, что затрудняет их интерпретацию. В плане контуры ям прослеживались с глубины 0,25—0,45 м, длина ям обычно более 1,2 м, ширина от 0,6 до 1,0 м, глубина в основном от 0,2 до 0,4 м. Ямы заполнял темно-серый гумусированный песок, в ямах 1 и 10 в верхней части он имел красновато-бурый цвет. В заполнении ям встречались кремневые отщепы и пластины, орудия и фрагменты разновременной керамики; ям, содержащих только ранние находки, не обнаружено. Очевидно, большинство ям было вырыто в поздний период существования поселения.

Вещественный материал, полученный при раскопках Тиницкой стоянки, насчитывает около 10 200 предметов.

Керамика стоянки Тиница (1065 фрагментов плохой сохранности) неоднородна и может быть подразделена на несколько групп.

1. Накольчатая керамика, аналогичная выделенной Н. Н. Гуриной ранне-неолитической керамике типа Котчица³, представлена 189 фрагментами (17,7%) примерно от 50 сосудов (рис. 1, 2, 3, 11). Сосуды средних размеров (диаметр около 30 см) с почти вертикальными стенками толщиной 5—8 мм и прямым горизонтально срезанным или, реже,

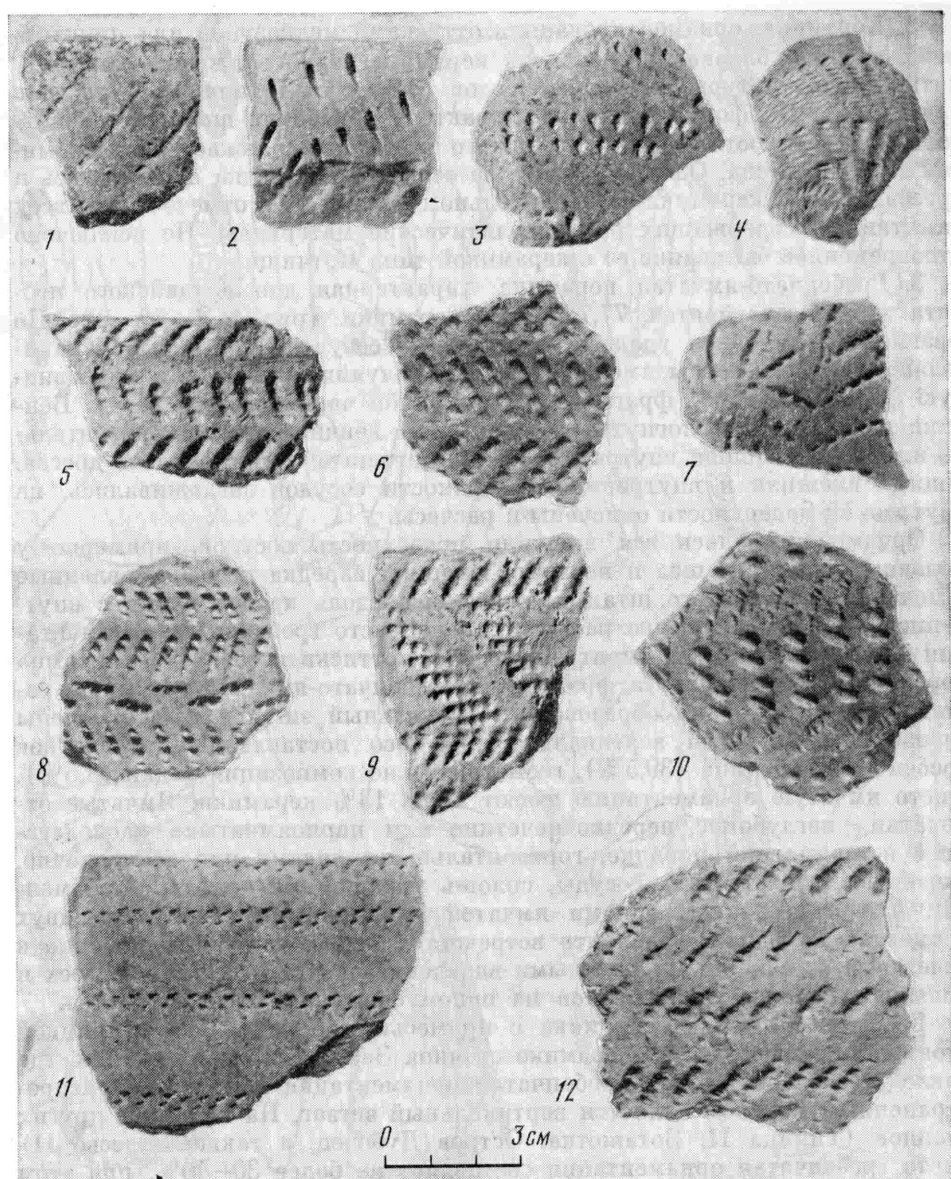

Рис. 1. Керамика стоянки Тиница (1—12)

слегка скругленным венчиком. Фрагментов днищ не найдено, по аналогии можно предполагать, что они были приостренными или шиповидными. Тесто плотное, хорошо отмученное, с примесью шамота или мелкого песка, обжиг равномерный. Внешняя поверхность сосудов хорошо заглажена, иногда подлощена, внутренняя — заглажена или покрыта расчесами. Орнамент поверхностный, разреженный, располагался в верхней и, видимо, в средней части сосуда. Срез венчика, как правило, не орнаментировался. Наиболее часто встречаются горизонтальные (нередко двойные) ряды наколов, нанесенных иногда в отступающей манере, реже они образуют наклонные ряды, иногда направленные под углом друг к другу. В редких случаях можно предполагать наличие геометрических композиций. Сочетание двух разных элементов на одном фрагменте не отмечено. Значительная часть фрагментов не орнаментирована. Такая керамика почти в чистом виде найдена на памятниках Котчище, Котчище II, Зехново, Зехново II, III.

2. Керамика, орнаментированная оттисками мелкозубой или пунктирной гребенки, близкая гребенчатой керамике верхневолжской раннеолитической культуры⁴ — 40 фрагментов (3,8%) от 10 или более сосудов (рис. 1, 1). По форме венчиков, характеру обработки внешней и внутренней поверхности, составу глиняного теста она сближается с керамикой типа Котчища. Однако в качестве отощителя изредка применялась и дресва. Такая керамика в значительном количестве отмечена на всех памятниках, содержащих раннеолитические материалы. Не исключено одновременное бытование ее с керамикой типа Котчища.

3. Гребенчато-ямчатая керамика, характерная для валдайского неолита⁵ — 828 фрагментов, 77,7% всей керамики (рис. 1, 4—10, 12). По фрагментам венчиков удалось выделить 55 сосудов, но их было значительно больше. Сосуды имели, очевидно, полуяйцевидную или митровидную форму, найден 1 фрагмент миниатюрной чашечки (рис. 1, 4). Венчики прямые, реже отогнутые наружу, край венчика срезан горизонтально или, реже, скошен внутрь. В качестве отощителя применялась дресва. Иногда внешняя и внутренняя поверхности сосудов заглаживались, на внутренней поверхности отмечены и расчесы.

Орнаментировалась вся внешняя поверхность сосудов, примерно у половины орнамент шел и по срезу венчика; изредка косо поставленные отпечатки гребенчатого штампа отмечались вдоль края венчика с внутренней стороны. Наиболее распространена чисто гребенчатая орнаментация керамики — 561 фрагмент, около 68%, оттиски гребенчатого штампа короткие или средние. На фрагментах гребенчато-ямчатой керамики, составляющих 47%, они образовали вертикальный зигзаг, реже отмечены горизонтальные ряды вертикально или косо поставленных отпечатков гребенчатого штампа (39,5%), геометрические композиции редки (8,5%). Чисто ямчатую орнаментацию имеют лишь 13% керамики. Ямчатые отпечатки — неглубокие, нередко нечеткие или парноямчатые — располагались в шахматном порядке, горизонтальными рядами или беспорядочно. Вероятно, существовали сосуды, сплошь украшенные ямчатым орнаментом или с широкими зонами ямчатой орнаментации. Сочетание двух элементов на одном фрагменте встречается редко, чаще это гребенка в сочетании с различными ямчатыми вдавлениями (6%). Сочетание трех и большего количества элементов на одном фрагменте не встречается.

Гребенчато-ямчатая керамика с примесью дресвы в тесте Тиницкой стоянки наиболее близка керамике стоянок Заболотье II, Щепочник, где также преобладает чисто гребенчатая орнаментация и наиболее распространенным мотивом является вертикальный зигзаг. На керамике других стоянок (Тиница II, Вотажетка, Остров Дубовец, а также Залесье II) чисто гребенчатая орнаментация составляет не более 30—40%, при этом преобладающими мотивами являются горизонтальные ряды вертикально или косо поставленных отпечатков, а ямчатых элементов больше. Не исключено, что различия в орнаментации отражают хронологические различия между неолитическими памятниками Валдайской возвышенности.

4. Гребенчатая керамика с органической примесью представлена всего 8 фрагментами (0,75% керамики). Форма сосудов не восстанавливается, по аналогии можно предполагать, что они были плоскодонными. Черепки рыхлые, на внутренней поверхности обычны расчесы. Орнаментация близка орнаментации гребенчато-ямчатой керамики с примесью дресвы. Совместное нахождение гребенчатой керамики с органической и неорганической примесью на стоянках Валдайской возвышенности отмечала Н. Н. Гурина⁶, однако соотношение их на различных памятниках неодинаково. Доля керамики с органической примесью колеблется от единичных фрагментов на одних памятниках (Залесье I, II, Щепочник, Тиница) до 10—30% и более на других (Заболотье II, Остров Кошешелев, Остров Дубовец, Тиница II, Вотажетка). Это, как и различия в форме сосудов, может свидетельствовать о том, что совместное залегание обеих групп керамики — результат механического смешения одновременных комплексов. Стратиграфия стоянки Тиница показывает, что ран-

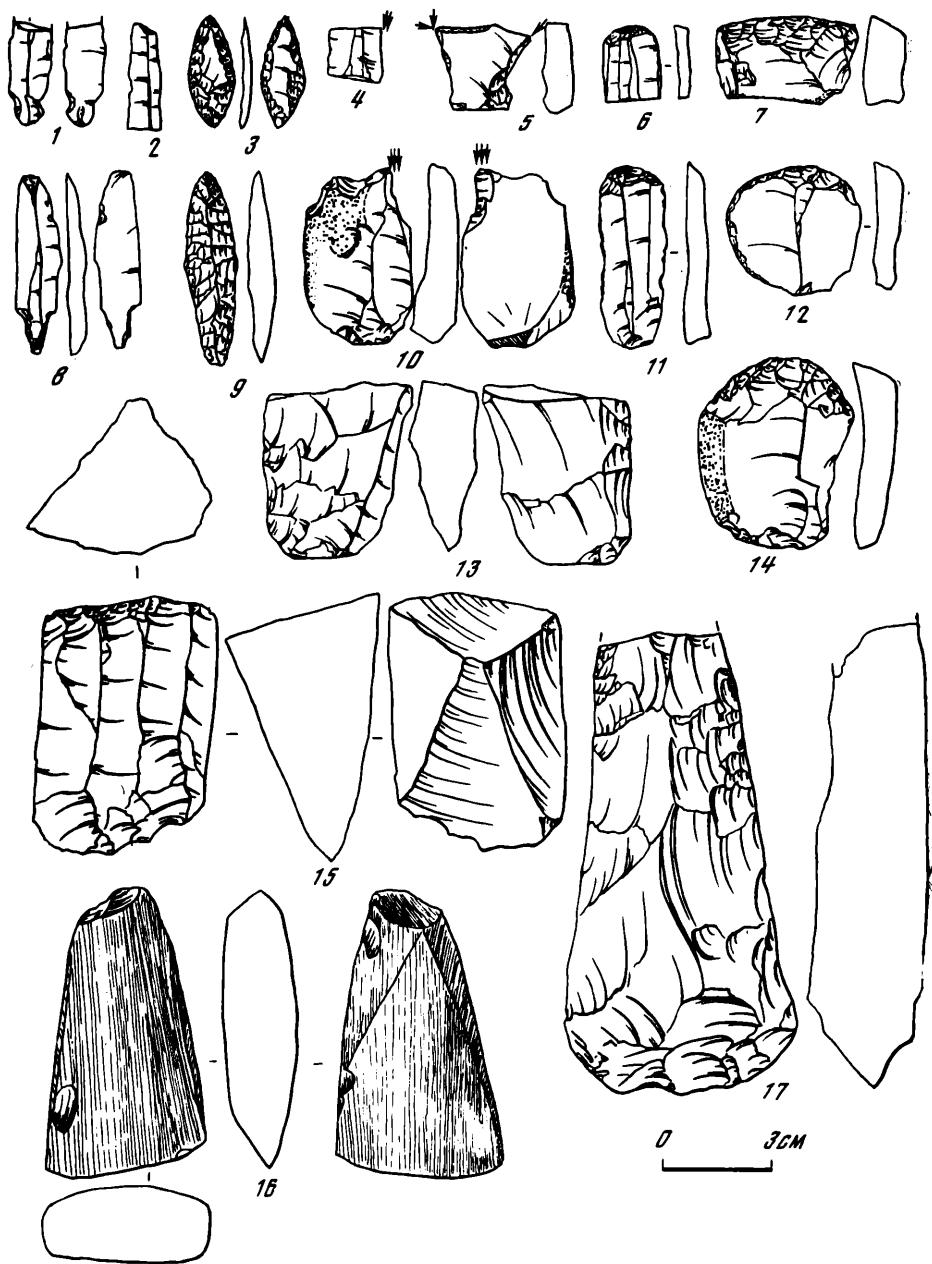

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Гнища (1—17)

неолитическая керамика чаще встречалась в нижних горизонтах памятника, в то время как фрагменты сосудов с органической примесью найдены в верхнем.

Кроме обломков посуды, был найден фрагмент неясной керамической поделки.

Каменный инвентарь насчитывает свыше 9100 предметов. Резко преобладают изделия из кремня, преимущественно серого разных оттенков, из других пород (сланец, песчаник) изготовлены единичные предметы.

Основную массу каменного инвентаря, около 80%, составляют отщепы, причем резко преобладают отходы — мелкие отщепы и чешуйки кремня. Доля пластинчатых форм довольно велика — индекс пластинчатости равен 13,5, необработанных пластин и сечений 1049 (11,5%). Преобладают пластины средних размеров, 8—18 мм шириной, но есть и

микропластины, и очень крупные экземпляры, правильные пластины составляют почти 50%. Среди сечений преобладают удлиненные и высокие формы.

Нуклеусы, 249 экз., составляют 2,7% каменного инвентаря, 70% из них — малые сработанные, крупные экземпляры редки. Около 90% нуклеусов предназначалось преимущественно для скалывания пластин. В целом преобладает односторонняя система скалывания (рис. 2, 13, 15). Наиболее распространенными были призматические (18,9%, 47 экз.) и конические (17,7%, 44 экз.) нуклеусы, клиновидных меньше (8,8%, 22 экз.). Значительная часть нуклеусов — неопределимые обломки.

Орудия, 670 экз., составляют 7,6% каменного инвентаря. Из пластин изготовлено 26,7% орудий (184 экз.), заготовкой для одного послужил нуклеус, прочие — из отщепов и кусков.

Наконечников стрел 40, 18 из них характерных для мезолита и раннего неолита типов. На пластинах — наконечники удлиненные с обработкой только острия и насада, бесчерешковые — 2, с симметричным черешком — 3 (рис. 2, 8), с асимметричным черешком — 2, листовидные с односторонней плоской ретушью, характерные для раннего неолита Валдая, — 4, листовидные с краевой обработкой — 1; на отщепах — 1 наконечник, близкий «вкладышам алтыновского типа», — форма, не характерная в целом для Валдайской возвышенности. Прочие наконечники стрел — двустороннеобработанные из отщепов: один — треугольничерешковый, два — ромбические, остальные — листовидные удлиненных и средних пропорций (рис. 2, 3, 9). Оба наконечника дротиков — также листовидные.

Скребки, 241 экз., наиболее распространенная категория орудий Тиницкого поселения, составляют 34,9%. На пластинах изготовлено только 33 скребка (13,7%), остальные — на отщепах. Преобладают скребки концевые на отщепах (100), много боковых (22), со смежными лезвиями, в том числе трапециевидные (28), небольшие округлые (13) и концевые на отщепах (16) (рис. 2, 6, 7, 11, 12, 14). Прочие типы скребков немногочисленны.

Резцы, 55 экз., составляют около 8% орудий, среди них преобладают угловые на сломе заготовки (19 на пластинах и 23 на отщепах). Прочие типы немногочисленны: двугранные угловые на отщепах (4), поперечные на пластинах (1) и отщепах (3), вогнуторетушные на пластинах (1) и отщепах (3) и один комбинированный — угловой-двугранноугловой на отщепе (рис. 2, 4, 5, 10).

В качестве ножей использовались пластины (19) и отщепы (13) с приостряющей ретушью. Скобели (122 экз., 17,7%) представлены одной и многovyемчатыми формами из пластин (50) и отщепов (72). Большинство из 17 проколов и сверл имеет подправленное или выделенное ретушью жальце. Найдены 2 пластины «с выделенной головкой» — форма, характерная для ранних валдайских памятников (рис. 2, 1), и 1 пластина со скошенным концом (рис. 2, 2). Ретушированные сечения-вкладыши немногочисленны (18).

Крупные рубящие орудия, 44 экз., представлены сериями, в основном это тесла (6,4%). Среди них преобладают треугольные средних пропорций с выпуклыми краями и лезвием, нежелобчатые, двусторонне обработанные, изредка — с пришлифовкой лезвия. Много крупных удлиненных острообушечных тесел с желобком и без него (рис. 2, 17), характерных для памятников каменного века Валдая с конца мезолита. Прочие типы единичны: 2 тесла с перехватом, треугольное шлифованное сланцевое тесло (рис. 2, 16), трапециевидный топор из нуклеуса и др.

Среди 55 (8%) комбинированных орудий преобладают скребки в сочетании со скобелями (23), ножами (10) и резцами (6). Орудия с тремя и более рабочими лезвиями разного назначения немногочисленны. Найдено 2 фрагмента шлифовальных плит или точильных камней из песчаника и 5 отбойников или ретушеров (в основном необработанные куски кремня).

Несмотря на очевидную неоднородность, каменный инвентарь труднее, чем керамика, поддается членению на разновременные группы. Достаточно уверенно с раннеолитической керамикой можно связать все типы пластинчатых наконечников стрел и асимметричный наконечник копья на отщепе, скребки — концевые и со стрельчатым лезвием на пластинах и на крупных отщепах, резца на пластинах, вкладыши, пластины со скошенным концом и «выделенной головкой» и, видимо, большую часть пластин, сечений и нуклеусов. Эти типы орудий характерны для мезолитических и таких чистых или почти чистых раннеолитических памятников, как Котчище, Котчище II, Зехново II, III и др.

С гребенчато-ямчатой керамикой связываются двустороннеобработанные наконечники стрел и дротиков, скребки трапециевидные со смежными лезвиями и треугольные одностороннеобработанные сверла и шлифованное сланцевое тесло. Прочие типы каменного инвентаря соотнести с той или иной группой керамики невозможно.

Анализ материалов Тиницкой стоянки убеждает в том, что они разновременны и стоянка является памятником многократного заселения.

Наиболее древнее поселение возникло здесь в период раннего неолита и характеризуется керамикой типа Котчища и сохранением в значительной степени неолитических традиций в каменном инвентаре. На основании аналогии это поселение предварительно можно датировать концом V тысячелетия до н. э.

Более позднее поселение характеризуется типичной для Валдайской возвышенности, начиная с развитого неолита, гребенчато-ямчатой керамикой с примесью дресвы в тесте и двустороннеобработанными формами орудий. Н. Н. Гурина предварительно датировала подобные памятники временем не ранее начала III тысячелетия до н. э.⁷ Судя по толщине и насыщенности культурного слоя, а также многочисленности ям, стоянка Тиница в это время представляла долговременное стационарное поселение.

¹ Готовятся к печати материалы ряда памятников, опорных для каменного века этого региона.

² Выражаю свою признательность начальнику экспедиции Н. Н. Гуриной, а также В. И. Тимофееву и В. Я. Шумкину, непосредственно руководившему исследованием памятника, за предоставленную возможность опубликовать эти материалы.

³ Гурина Н. Н. Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. 1973. № 172. С. 166—167; Она же. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 90—94.

⁴ Крайнов Д. А., Хогинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 54; Крайнов

Д. А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2. С. 9—10. Рис. 1, 1б, 39, 40; Урбан Ю. Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 69.

⁵ Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3. С. 40, 41; Она же. Неолитические племена... С. 167.

⁶ Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура... С. 40; Она же. Неолитические племена... С. 166—167; Она же. К вопросу о раннем неолите... С. 93.

⁷ Гурина Н. Н. Неолитические племена... С. 168.

А. В. УТКИН

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ИВАНОВСКОЕ I

Стоянка Ивановское I находится на Ивановском болоте Переславского района Ярославской области, к юго-западу от одноименного поселка.

Памятник открыт случайно летом 1954 г. при осушении болота. Тогда же в отвалах нагорного канала была собрана небольшая коллекция обломков посуды и кремневых орудий, переданная директором торфопредприятия В. М. Корольковым в Переславль-Залесский историко-художественный музей (далее ПЗИХМ) ¹.

В 1957 г. поселение осмотрел А. Л. Никитин, а через два года И. К. Цветкова провела на ней раскопки², вскрыв на южной окраине участок площадью 35 кв. м. В 1966 г. стоянку обследовали Н. А. Хотинский и А. М. Микляев, которые ограничились изучением разреза отложений торфа у восточного края суходола³.

В результате этих исследований памятник был охарактеризован как однослойное позднеяльзовское поселение и палинологически датирован концом атлантического периода⁴. Однако археологические материалы не были изданы⁵, а их просмотр в ГИМ и ПЗИХМ поставил под сомнение предложенную интерпретацию и датировку стоянки. Так, в коллекции В. М. Королькова наряду с ямочно-гребенчатой керамикой, которая составляет основную массу находок, есть около десятка фрагментов от «ложнотекстильных» и верхневолжских сосудов, среди сборов А. Л. Никитина — черепки с редкочечным узором, а из раскопок И. К. Цветковой — керамика с гребенчато-ямчатым орнаментом. В связи с этим Верхневолжская экспедиция ИА АН СССР под руководством Д. А. Крайнова провела в 1983 г. новые исследования стоянки Ивановское I⁶.

Стоянка расположена на юго-восточной оконечности островного суходола, который возвышается над уровнем сапропелей в болоте (торф выбран) на 1—1,5 м. По своему происхождению суходол является остатком размытого водой моренного холма, сложенного из песков, перекрытых слоем глины и древесно-ольховым торфом.

Площадка древнего поселения вытянута с северо-востока на юго-запад. Площадь распространения находок — около 7—9 тыс. кв. м. Основная часть поселения разрушена и завалена мощными отвалами грунта при сооружении дренажной системы.

Раскопки 1983 г. проводились в северо-восточной части стоянки⁷, где был вскрыт участок площадью 40 кв. м. Культурный слой, верхний горизонт которого поврежден, залегал на глубине 0,32—0,43 м и представлял собой темный суглинок, перекрытый светло-коричневым нарушенным при разработках торфом с редкими обломками керамики и кремнем.

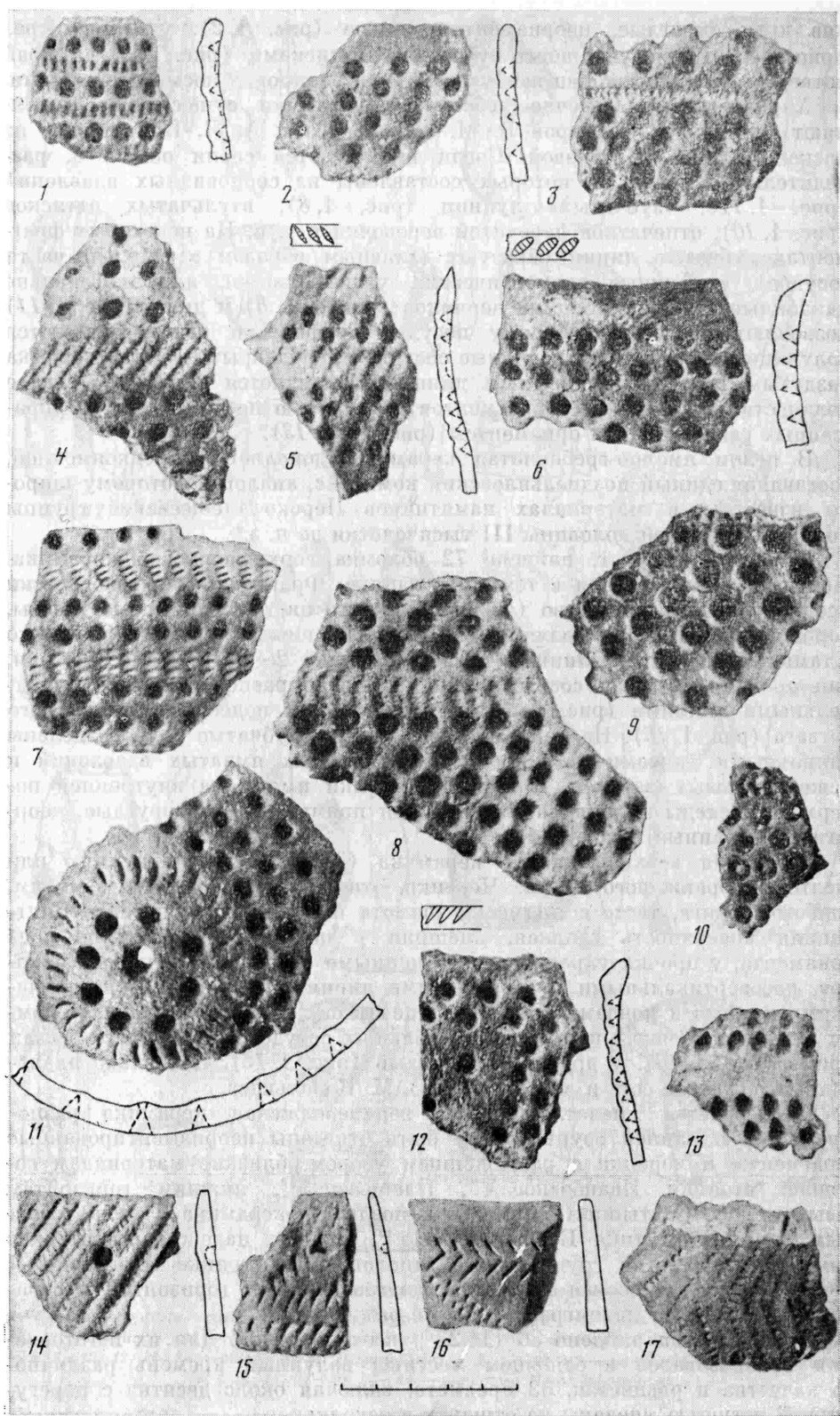
Следов кострищ, бытовых сооружений, хозяйственных конструкций в раскопе не прослежено, общее количество находок составляет 253 экз., из них 107 экз. (42,29%) приходится на обломки посуды. Керамика неоднородна, типологически распадается на ряд культурно-хронологических комплексов.

Волосовская керамика представлена одним обломком стенки сосуда с растительной примесью. Внешняя поверхность его не орнаментирована, на внутренней — следы заглаживания.

Фрагментов с гребенчато-ямчатым орнаментом (протоволосово, по Д. А. Крайнову) найдено два. Оба от одного сосуда. Черепки красновато-серого цвета, хорошего обжига, в тесте много мелких зерен дресвы. Горизонтальные пояса вертикально поставленных оттисков короткого зубчатого штампа прямоугольной формы разделены одиночными поясами неглубоких ямчатых вдавлений, не оставляющих на обороте выпуклин. Внутренняя поверхность небрежно заглажена, очевидно, зубчатым штампом. Такая же керамика была найдена в раскопе 1959 г.

Ямочно-гребенчатая керамика (32 экз.), более 2/3 которой встречено на глубине 0,3—0,4 м в слое светло-коричневого торфа, представлена обломками стенок и четырех венчиков. Черепки толщиной 5—6 мм оранжевого или темно-серого цвета, прочные, хорошо обожжены, с примесью крупной дресвы и песка в тесте. Орнаментированы однообразно — ямками или ямками и зубчатыми оттисками. Ямки округлые, конические, нанесены перпендикулярно к поверхности сосуда или с небольшим наклоном, на внутренней поверхности оставляют «жемчужины». Ямки расположены в построчном, реже в шахматном порядке. Зубчатые оттиски штампов образуют горизонтальные разделительные пояса из сплошных строчек или из косо поставленных коротких отпечатков (рис. 1, 4—5).

Все венчики в верхней части имеют слабые прогибы. У двух облом-

Рис. 1. Керамика стоянки Ивановское I

1—11 — с ямочно-ребричатым и 12, 13 — редкоямочным орнаментами; 14—17 — верхневолжская; 3, 6, 8, 9 — сборы В. М. Королькова; 1, 7, 11—13 — сборы А. Л. Никитина; 2, 4, 5, 14—17 — раскопки Д. А. Крайнова

ков края округлые, неорнаментированные (рис. 1, 2), у одного срез приострен, грани украшены зубчатыми оттисками (рис. 1, 5), а край четвертого сильно скошен вовнутрь и орнаментирован косыми нарезками.

Характеристику ямочно-гребенчатой керамики существенно дополняют материалы из сборов В. М. Королькова и А. Л. Никитина и из раскопок И. К. Цветковой. Среди них имеется серия обломков, разделительные пояса на которых составлены из серповидных вдавлений (рис. 1, 11), «зубчатых» лунниц (рис. 1, 8), втульчатых оттисков (рис. 1, 10), отпечатков перевойки веревочки и т. п. На некоторых фрагментах зубчатые линии образуют (главным образом в верхней части сосудов) несложные геометрические узоры — зигзаг или диагонально наклонные строчки. Обломки венчиков (рис. 1, 1, 6) и днищ (рис. 1, 11) позволяют представить форму посуды. Графически реконструируются полуяйцевидные или митровидные сосуды с полузакрытым устьем, слегка раздутым туловом и округлым днищем. Выделяется также небольшое количество тонкостенных фрагментов с примесью песка и дресвы, украшенных редкочастым орнаментом (рис. 1, 12, 13).

В целом ямочно-гребенчатая керамика, дополненная редкочастой, составляет единый позднеляловский комплекс, аналогии которому широко известны в материалах памятников Нерско-Плещеевской группы конца IV — первой половины III тысячелетия до н. э.⁸

В раскопе 1983 г. найдено 72 обломка верхневолжской керамики. Почти все они залегали в темном суглинке. Фрагменты морфологически неоднородны. Большинство (43 экз.) темного цвета, с примесью дресвы, хорошо обожжены, их толщина 5—7 мм. Украшены оттисками зубчатого штампа, доминирует длинный оттиск шириной 2—4 мм. Нанесены они, как правило, от края сосуда к днищу близко расположенными параллельными линиями (рис. 1, 14) или составляют подобие вертикального зигзага (рис. 1, 16). На некоторых фрагментах зубчатые поля разделены одиночными поясами из широко расставленных ямчатых вдавлений и реже тычковых наколов. Почти все черепки имеют на внутренней поверхности следы заглаживания. Венчики прямые, срезы округлые, неорнаментированные (рис. 1, 14).

Остальная верхневолжская керамика (29 экз.) грязно-желтого или желтовато-оранжевого цвета. Черепки относительно толстые, 6—8 мм, слабого обжига, тесто с примесью шамота или шамота и дресвы. Внутренняя поверхность гладкая, внешняя у половины фрагментов — без орнамента, у прочих украшена разреженными строчками тычковых наколов, косовертикальными прочерченными линиями, редкими цилиндрическими ямками и поясами коротких отпечатков зубчатого штампа. Обломки венчиков (2 экз.) прямые, от небольших сосудов, край одного срезал прямо (рис. 1, 16), у другого — округлый (рис. 1, 15). Несколько аналогичных обломков есть и в коллекции В. М. Королькова.

Складывается впечатление, что верхневолжская керамика разновременна: к ранней группе могут быть отнесены неорнаментированные фрагменты и черепки с разреженным узором, близкие материалам соседней стоянки Ивановское V⁹, Плещеево I¹⁰, нижним горизонтам Языкова I¹¹, Сахтыша II¹² и др.; к поздней — керамика с мелкозубчатым орнаментом типа Берендеево IIa¹³. Правда, надежных критериев для выделения этих групп, кроме типологии, на стоянке Ивановское I нет: ранненеолитическая керамика залегает единым горизонтом и стратиграфически или планиграфически не разделяется.

Орудий труда найдено 36 (14,22% всех находок). Для их изготовления использовался в основном местный валунный кремний различного качества и расцветок. 33 предмета, включая около десятка с нерегулярной ретушью, сделаны на отщепах и осколках.

Наибольшую по численности группу составляют скребки. Почти все они концевые, лезвия прямые или дугообразные (у одного слегка вогнутое), оформлены полукрутой ретушью, иногда заходящей на спинку заготовки (рис. 2, 5—6, 11, 14, 15, 19). Особо выделим три микроскребка,

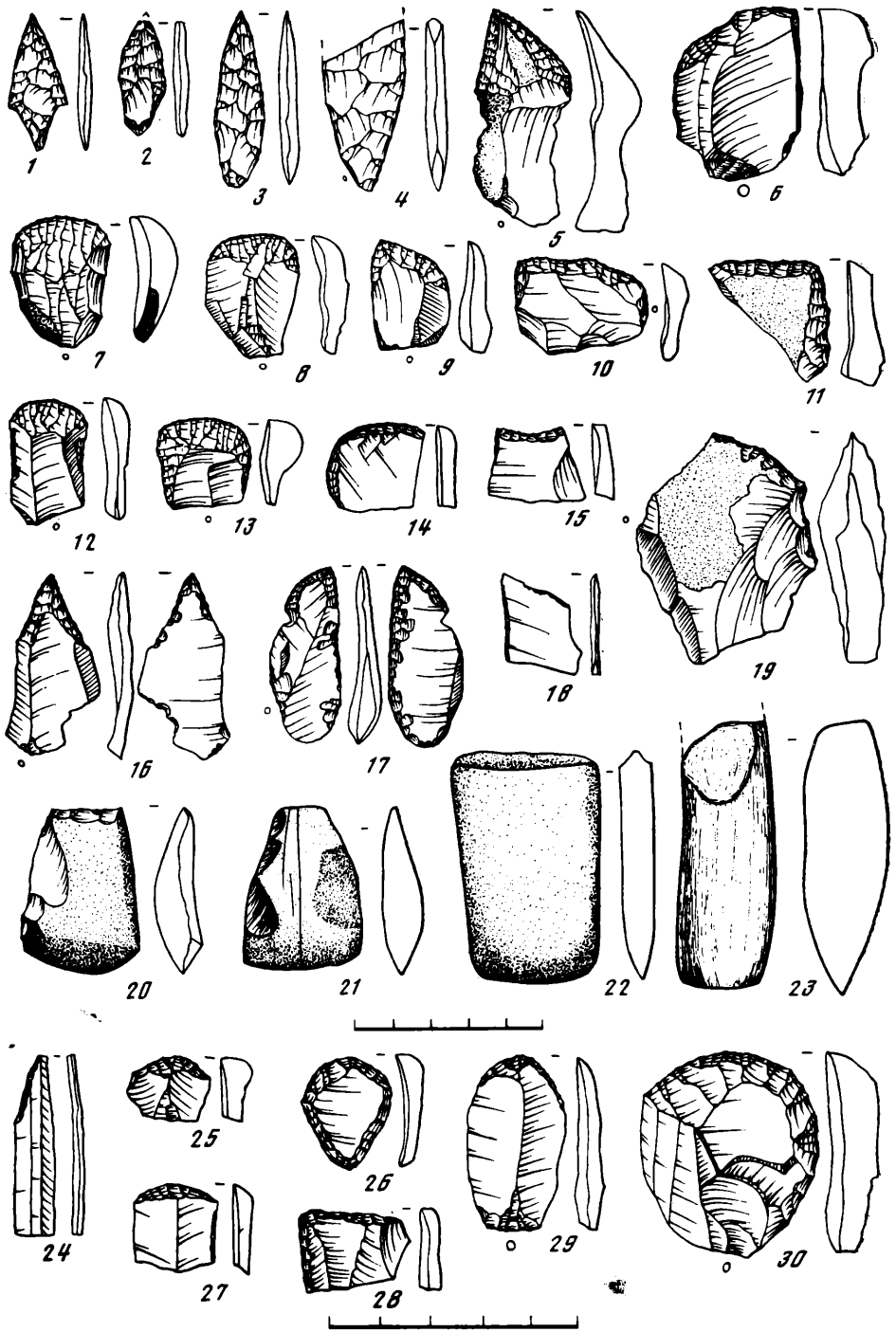

Рис. 2. Каменные и кремневые орудия

1—3 — наконечники стрел; 4 — обломок дротика; 5—15, 19, 25—30 — скребки; 16 — острие; 17, 18 — ножи; 20, 21 — топора; 22 — топор; 23 — клин; 24 — пластинка со скошенным концом. 3, 4, 8—10, 12, 23, 24 — сборы В. М. Королькова; 1, 7, 13, 21, 22 — раскопки И. К. Цветковой; 2, 5, 6, 11, 14—20, 25—30 — раскопки Д. А. Крайнова

отличающиеся тщательностью обработки рабочего края (рис. 2, 25, 26, 28), и скребок, изготовленный на конце округлого отщепе, сколотого с нуклеуса со следами отжатых пластинок (рис. 2, 30).

Три скобеля и столько же ножей. Они (исключая нож на удлиненном пластинчатом отщепе с двусторонней краевой ретушью по лезвию,

рис. 2, 17) не имеют четких форм, а вторичная подправка крайне небрежная (рис. 2, 18).

Остальные орудия единичны. Это небольшой листовидной формы наконечник стрелы с двусторонней ретушью (рис. 2, 2), обломок черешка наконечника копья с аналогичной обработкой, острие (рис. 2, 16), резчик невыразительной формы и короткое шлифованное тесло из серо-коричневой опоки (рис. 2, 20).

Орудий на пластинках три, два из них — концевые скребки (рис. 2, 27, 29) третий — сечение со следами утилизации по краям¹⁴.

В коллекциях В. М. Королькова и И. К. Цветковой орудия немногочисленны, а их набор существенно не отличается от рассмотренных выше. Преобладают скребки на отщепках (рис. 2, 7–10, 12, 13), причем некоторые изготовлены в волосовской технике. Прочие изделия единичны: листовидный и короткий треугольно-черешковый наконечники стрел (рис. 2, 1, 3), обломок дротика (рис. 2, 4), шлифованное кремневое прямолезвийное тесло (рис. 2, 21) и топорик из сланца (рис. 2, 22), обломок рогового клинка (рис. 2, 23), скошенное крутой ретушью острие (рис. 2, 24) и однофасеточный скобель на трехскатных ножевидных пластинках.

И наконец, последняя категория находок — украшения. В 1983 г. в основании культурного слоя на участке площадью 0,16 кв. м было найдено шесть подвесок — четыре из медвежьих клыков и две из резцов лося с кольцевыми нарезками для привязывания, явно от одного ожерелья. Среди сборов 1954 г. имеется обломок костяной подвески с двумя зарубками по краям (из ребра животного — ?).

Подводя итог, можно уверенно констатировать, что стоянка Ивановская I, ныне почти полностью разрушенная, являлась многослойным поселением. Его культурные остатки относятся к периоду неолита, начиная с первой половины V тысячелетия до н. э., единичные находки волосовской керамики и «ложнотекстильной» (сборы В. М. Королькова) указывают на то, что суходол посещался людьми и в энеолите, и в конце эпохи бронзы.

¹ См. заметку: *Иванова К. И.* Стоянка первобытного человека на реке Нерль // Коммунар (Переславль) (4495), 19.09.1954 г. № 112.

² *Цветкова И. К.* Отчет о работе Переславль-Залесской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р — 1. № 1914.

³ *Нейштадт М. И., Завельский Ф. С., Микляев А. М., Хогинский Н. А.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области // Голоцен. М., 1969.

⁴ Там же. С. 134; *Никитин А. Л.* Палеогеографические условия поселения человека в голоцене и «древнейшая керамика» // ИВГО. Л., 1980. Т. 112, № 4. С. 328.

⁵ Коллекция сборов В. М. Королькова и А. Л. Никитина хранится в ПЗИХМ, из раскопок И. К. Цветковой — в ГИМ, Д. А. Крайнова — в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике.

⁶ *Уткин А. В.* Исследования на юге Ярославской области // АО 1983 г. М., 1985.

⁷ Раскоп И. К. Цветковой мы не нашли,

так как южная окраина суходола сильно перекопана.

⁸ *Сидоров В. В.* Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

⁹ Раскопки Д. А. Крайнова в 1982 и 1985 гг.

¹⁰ *Никитина А. Л.* Стоянка Плещеево I // СА. 1978. № 4; *Жилин М. Г.* О датировке и культурной принадлежности стоянки Плещеево I // СА. 1982. № 3.

¹¹ *Урбан Ю. Н.* К вопросу о ранне-неолитических комплексах в Калининском Поволжье // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.

¹² *Костылева Е. Л.* Остатки ранне-неолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. 1984. Вып. 177.

¹³ *Жилин М. Г., Крайнов Д. А.* Стоянка Берендеево IIa // КСИА. 1982. Вып. 169.

¹⁴ В 1983 г. было найдено 104 осколка, чешуйки и отщепка. К категории отходов производства (41,1% от всех находок) отнесен и скол с нуклеуса с негативами слятия микропластинок.

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ЗИАРАТ В НИЗОВЬЯХ Р. БЕЛАЯ

Переходное время и становление новой эпохи является одной из наиболее сложных для изучения проблем. Не составляет в этом отношении исключения и происхождение неолита низовьев р. Белая — одного из микрорайонов Камского бассейна, где до недавнего времени было известно только два памятника позднемезолитического возраста с ограниченным количеством подтемного материала, смешанного с культурными остатками более поздних эпох¹, а неолитические стоянки определялись, в общем, как поздненеолитические — энеолитические². Не совсем ясная ситуация сложилась и по Прикамью в целом. Наиболее древним неолитическим памятником считалась стоянка Боровое озеро I в Среднем Прикамье³. Однако ее ранний облик устанавливался лишь относительно при сравнении с таким поздним памятником, как Левшино. Установление хронологического места бороовозерского комплекса в неолите затруднялось как отсутствием стратиграфии, так и недостаточной источниковедческой базой для типологических сопоставлений.

В середине 60-х годов А. Х. Халиковым была предложена периодизация волго-камской неолитической культуры, охватывающей Среднее Поволжье, Нижнее и Среднее Прикамье. Памятники типа Боровое озеро I были отнесены автором к позднему периоду, а наиболее архаичными он считал комплексы с накольчато-прочерченной керамикой, типа известных, например, Кабы-Копрынской и III Щербетской стоянок Среднего Поволжья⁴. В. П. Третьяков присоединился к мнению А. Х. Халикова о раннеолитическом возрасте данных стоянок, уточнив, что керамический комплекс их включает и гребенчатую посуду⁵. И. В. Калинина на основе типологического анализа пришла к выводу о том, что гребенчатая керамика на разных поселениях не укладывается в какой-то определенный период и ее комплексы могут относиться к разному времени⁶. Пересмотрел свою точку зрения на возраст бороовозерской стоянки и О. Н. Бадер, относя ее к развитому этапу неолита⁷. Р. С. Габяшев в работе по неолиту Нижнего Прикамья пришел к заключению о синхронности памятников с накольчато-прочерченной и гребенчатой керамикой, определяя их развитым этапом неолита⁸. На Нижней Белой к развитому этапу неолита Г. Н. Матюшин относит материалы стоянки Старая Мушта⁹. Таким образом, к концу 70-х годов выявился культурно-исторический пласт развитого неолита, представленный гребенчато-накольчатым керамическим комплексом. Памятники раннего неолита на Нижней Белой до последнего времени были неизвестны, а в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье облик их оставался не до конца ясным.

Лишь в 1981 г. Нижнекамским отрядом Средневожской экспедиции Куйбышевского педагогического института в Краснокамском районе БАССР на правом берегу реки Белая, выше ее впадения в Каму, к юго-западу от с. Саузово, на уступе второй надпойменной террасы южного берега оз. Сауз была обследована стоянка Зиарат. Памятник был открыт экспедицией О. Н. Бадера в 1955 г., в 1981 г. при ликвидации современного кладбища культурный слой стоянки был полностью разрушен. Собранная коллекция представляет определенный интерес. Всего на стоянке обнаружено 233 находки, из них 163 — кремневые изделия светло-серого цвета. Выделяется комплекс изделий, связанных с первичным расщеплением: нуклеус амфорного облика, три поперечных и семь продольных сколов с нуклеусов, две ребристые пластины, два первичных и 10 вторичных отщепов, 20 кусков и 10 осколков кремня. Эти категории инвентаря свидетельствуют о расщеплении кремня непосредственно на стоянке, в частности изготовлении полуфабрикатов (большой процент

пластин-сечений, отходы их производства, поперечные и продольные сколы, отщепы разных типов). Другую категорию изделий составляют полуфабрикаты-заготовки. Это пластины и сечения без ретуши, подразделяются на 35 правильных с параллельным ограничением и прямым профилем, и 15 неправильных, 24 срединных сечений, 15 пластин с дистальным концом, 11 — с проксимальным. Толщина их от 0,1 до 0,4 см, преобладают пластины толщиной 0,2—0,3 см, ширина — 0,5 см — 1; 0,6 — 2; 0,7 — 6; 0,8 — 10; 0,9 — 9; 1,0 — 2; 1,1 — 7; 1,2 — 6; 1,3 — 6; 1,4 — 2; 1,5 см — 2 экземпляра. По ширине выделяются две группы: 0,5 — 1 и 1,1—1,5 см.

По количеству обе группы примерно равны, однако больше всего пластин шириной в пределах 0,7—0,9 см (25 экз.), а крупных мало. Таким образом, преобладают микрозаготовки, средняя ширина пластин равна 1 см; длина пластин от 1 до 4,6 см, но в основном 1—2,1 см. Средняя длина пластин равна 1,7 см.

Отщепы (37 экз.) небольшие, размеры до 3 см в поперечнике, толщина 0,3 см. Пластины по отношению к отщепам составляют 57%. Даже если в группу отщепов включить пластинчатые отщепы, процент пластин сохранится высокий, равный 45.

Орудия (20 экз.) составляют немногим более 12% от общего количества каменных изделий. Резцы на углу сломанной пластинки (5 экз.) изготовлены на пластинках второй группы шириной 1,1—1,2 см. Резцовые сколы узкие, длинные, занимающие около половины продольной грани орудия (рис. 1, 24—26, 29); один резец двойной, однокраевой, три пластины шириной 1,1—1,2 см с однокраевой мелкой пологой ретушью по спинке (рис. 1, 27, 28). Скребки изготовлены на аморфном куске кремния, отщепе, продольном сколе и пластине. Три из них относятся к типу концевых, а один — подокруглой формы (рис. 1, 20—23). Единичными экземплярами представлены нож и двойное орудие скребок-острие (рис. 1, 19). У последнего отчетливо видно снятие части рабочего участка скребка, очевидно, при последующем оформлении острия. Существенно наличие шлифованных орудий (шесть очень мелких осколков).

Отметим наиболее важные признаки, характеризующие каменный инвентарь Зиярата: значительный процент пластин вообще, большой удельный вес микропластин (первой группы), наличие орудий из пластин, формы которых уходят в мезолитическую эпоху. Однако расчленить индустрию Зиярата на два комплекса — мезолитический (микропластины) и неолитический (пластины второй группы и орудия) нельзя. Этому противоречит прежде всего единообразие сырья, а также, что особенно важно, техника первичного раскалывания, предусматривающая пластинчатые заготовки, различающиеся лишь размерами, единая гамма распределения пластин-заготовок по ширине, при которой ширина не может являться критерием разделения их по эпохам. К тому же почти на всех стоянках Нижнего Прикамья и низовьев р. Белая, относящихся к разным периодам неолита и вплоть до энеолита, присутствуют те или иные архаические формы орудий и микропластинки¹⁰. В Зиярате же весь комплекс индустрии взаимосвязан и несет все признаки раннего времени. Впрочем, вопрос о возможности типологического расчленения кремневого инвентаря в неолите всего Урало-Сибирского региона уже неоднократно рассматривался в литературе и получил достаточно определенное решение¹¹. Высокий процент пластин, наличие архаических типов орудий присущи раннеолитическим культурам и других территорий, в том числе лесной зоны¹². Все это говорит в пользу единства индустрии Зиярата и позволяет рассматривать сочетание архаических форм с собственно неолитическими как специфический признак раннего времени.

В полном соответствии с каменной индустрией находится керамика Зиярата. Обнаружено 70 фрагментов различных сосудов светло-коричневого цвета, с примесью шамота и песка. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов несут следы заглаженности мягким предметом. Толщина фрагментов от 0,6 до 1,2 см, преобладают стенки толщиной 0,7—0,9 см,

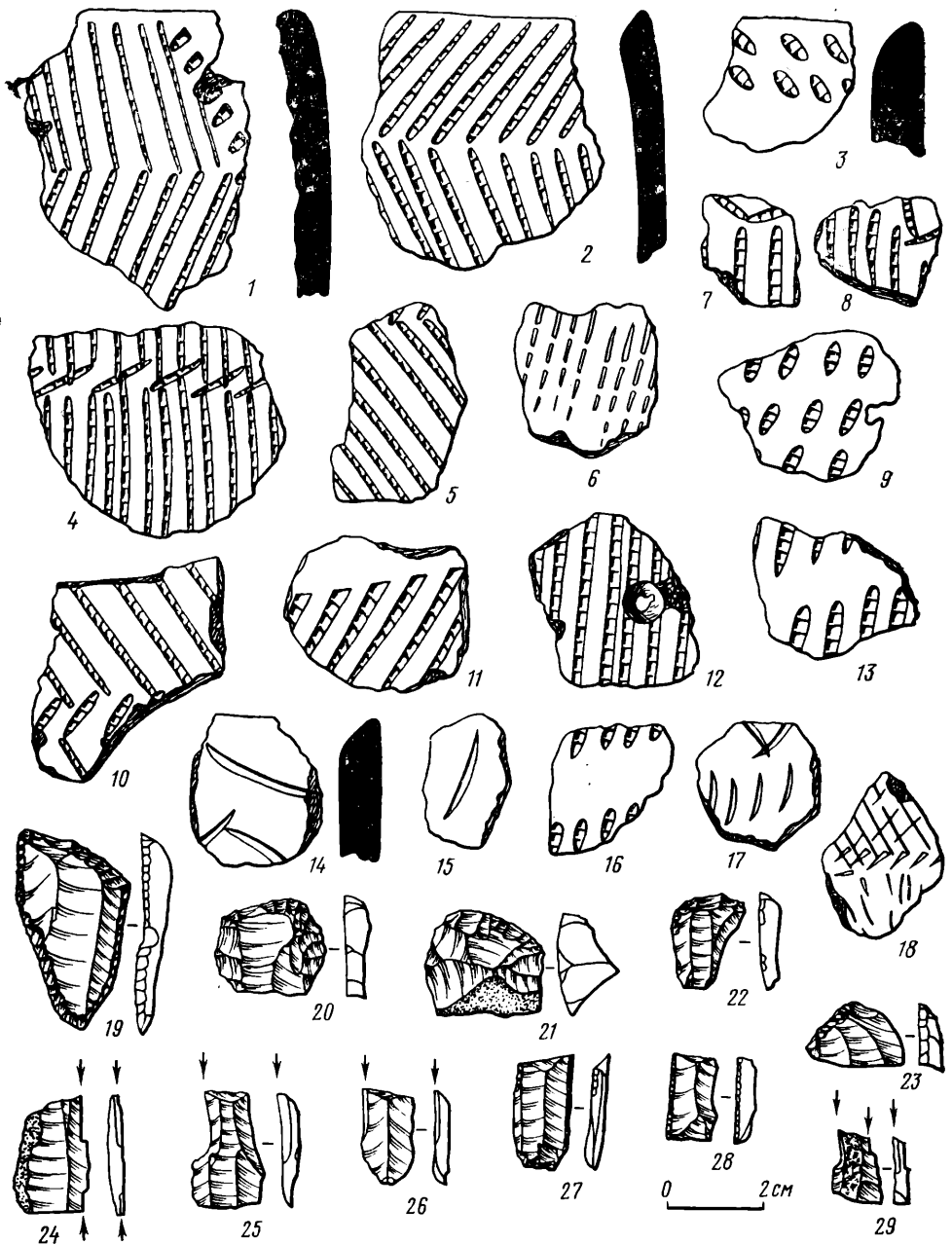

Рис. 1. Инвентарь раннеолитической стоянки Зиярат

1—18 — керамика; 19, 29 — кремневые орудия

среднее значение — 0,9 см. Керамика сильно фрагментирована, и восстановить форму сосудов невозможно. Венчиков всего восемь с округлым либо плоскоскошенным срезом (рис. 1, 1—3, 14). Сосуды, видимо, были прямостенны, толщина венчиков равна толщине стенок. Пять венчиков и 56 стенок орнаментированы зубчатым штампом, три венчика и шесть стенок — ногтевидными насечками. Для нанесения узоров в большинстве случаев использовался мелкозубчатый штамп (шириной не более 0,15 м), порой напоминающий пунктир (рис. 1, 1, 2, 4—6). В единичных случаях встречены среднезубчатые оттиски и отпечатки крупного трехзубого штампа (рис. 1, 3, 7—9). Орнамент густо покрывает всю наружную поверхность. Узоры несложны: ряды прямо поставленных и

наклонных под углом друг к другу оттисков (рис. 1, 11—13, 16), вертикальный зигзаг (рис. 1, 10), прямопоставленные оттиски, разделенные короткими наклонными отпечатками (рис. 1, 4). Композиции на фрагментах с ногтевидными насечками также просты (рис. 1, 14, 15, 17, 18). По сумме технолого-типологических признаков вышеописанный гребенчатый комплекс находит очень близкие аналогии в материалах стоянок Кабы-Копрынская на Средней Волге¹³, Подлесное III на р. Суре¹⁴, Имерка Ia на р. Вид¹⁵. Интересно, что определенная близость, выраженная в сочетании гребенчатой керамики с керамикой, украшенной негребенчатыми элементами — насечками, прочерком, наколами и ямочными вдавлениями, наблюдается и с раннеолитическими памятниками отдаленных территорий, как, например, каргопольской и верхневолжской культур¹⁶, что, на наш взгляд, является признаком хронологического (а не этнокультурного) порядка. Это еще раз косвенно подтверждает сосуществование гребенчатой и прочерченной посуды на нашей стоянке. Признаком раннего возраста стоянки можно считать также небольшое количество находок, что уже отмечалось в литературе¹⁷.

Таким образом, ранний неолит нижнебельского правобережья характеризует каменная индустрия с известной долей микролитойности, присутствие архаических форм орудий в комплексе с собственно неолитическими и керамика, сочетающая гребенчатые и негребенчатые (насечки) мотивы орнаментации с решительным преобладанием первых. В дальнейшем, во всяком случае в памятниках Нижнего Прикамья, обе орнаментальные традиции продолжают сосуществование на всех этапах неолита, вплоть до энеолита включительно¹⁸, причем остается примат гребенчатой керамики. Однако по ряду существенных показателей (толщина фрагментов, форма венчиков, отсутствие напыла на них внутренней стороне, характер штампа, простота узоров) керамика Зиарата отлична от керамики, представленной на стоянках развитого и позднего неолита — Лебединской II, Саузе I, Боровом озере I и др.

В целом гребенчато-прочерченная посуда в сочетании с кремневым инвентарем архаичного постмезолитического облика вообще характеризует ранний неолит Русской равнины от Верхней Волги до Среднего Поволжья¹⁹. Таким образом, комплекс стоянки Зиарат удачно вписывается в общую картину раннего неолита широкой территории. Вместе с тем, учитывая близкие параллели с вышеуказанными стоянками Среднего Поволжья, можно констатировать наличие на правобережье низовьев р. Белая раннеолитического населения волго-камского происхождения.

¹ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века в низовьях р. Белой // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. М., 1972. Вып. 1. С. 57—59, 65—67; Косменко М. Г. Итоги раскопок Татарско-Азиевской IV стоянки // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 20.

² Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 86; Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА. 1970. № 166. С. 167.

³ Бадер О. Н. Стоянки Нижнеадижеская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. 1951. № 22. С. 32; Он же. Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. 1973. № 172. С. 102, 103.

⁴ Халиков А. Х. Древняя история... С. 49—60.

⁵ Третьяков В. П. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 47—50.

⁶ Калинина И. В. Гребенчатая керамика неолитических поселений Прикамья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 18.

⁷ Бадер О. Н. Хронологические рамки неолита Прикамья и методы их установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 72.

⁸ Габяшев Р. С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.

⁹ Матюшин Г. Н. Памятники каменного века... С. 63.

¹⁰ Габяшев Р. С. Второе Татарско-Азиевское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 65.

¹¹ Крижевская Л. Я. Неолит и эпоха ранней бронзы в Южном Зауралье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1979.

¹² Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура // СА. 1977. № 3. С. 42—68; Неп-

- рина В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976. С. 123—136; Гурина Н. Н. К вопросу о раннем неолите Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 86—94; Логинова Э. С. Ранний неолит на Средней Вычегде // КСИА. 1979. Вып. 157. С. 48—52.
- ¹³ Третьякова В. П. Раннеолитические памятники... С. 51. Рис. 13, 1—14.
- ¹⁴ Третьяков В. П. Раннеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 74. Рис. 1, 15—27. С. 76—78.
- ¹⁵ Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976. С. 31, 32.
- ¹⁶ Буров Г. М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура... С. 42—68.
- ¹⁷ Третьяков В. П. Раннеолитические стоянки... С. 76.
- ¹⁸ Калинина И. В. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20. С. 5. Табл. 1; Она же. Керамика с «насечками» поселения Сауз I // Проблемы эпохи энеолита степной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980. С. 13, 14.
- ¹⁹ Гурина Н. Н. К вопросу... С. 86—94; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура... С. 42—68; Третьяков В. П. Раннеолитические стоянки... С. 73—78.

С. В. ОШИБКИНА

СТОЯНКА ТИХМАНГА

Среди древностей Севера Европейской части СССР стоянка Тихманга занимает особое место, так как именно здесь в 1873 г. И. С. Поляков провел первые рекогносцировочные раскопки. До этого известны только сборы случайных находок в Карелии и Олонецкой губернии¹. Стоянка в устье р. Тихманги, впадающей с запада в озеро Лача, была открыта И. С. Поляковым во время его поездки по югу Олонецкой губернии, в частности в окрестностях г. Каргополя. На размытых участках стоянки и в шурфах тогда же была установлена стратиграфия, описан характер почвы, собраны «горшечные обломки», каменные орудия и кости животных. Среди костей были представлены главным образом крупные млекопитающие — лось, северный олень, а также бобр и, что особенно интересно, тюлень², который теперь в северных ледниковых озерах не водится. Шурфы или «пробы» были сделаны также в устье ручья Студеница у г. Каргополя, в других местах просто собраны находки. В дальнейшем на стоянке Тихманга раскопок не проводилось.

В 1978 г. Северная экспедиция ИА АН СССР проводила осмотр и учет археологических памятников, подлежащих охранному раскопкам. Прежде всего наше внимание привлекла стоянка Тихманга. Как выяснилось, значительная часть ее территории была перепахана. На ней местным краеведом Ю. Н. Турандиным и школьниками собрана большая коллекция каменных орудий, часть из них передана в Архангельский музей³.

Стоянка находится на левом берегу р. Тихманги недалеко от берега озера Лача и занимает низкую надпойменную террасу⁴. В этом месте изгиб реки образует мыс, на котором культурный слой сохранился достаточно хорошо, и здесь заложен раскоп площадью 60 кв. м. Стоянка имеет два одновременных культурных слоя. Под дерном в 0,20—0,25 м находится слой мелкой супеси коричневого цвета с остатками стоянки эпохи бронзы. У края террасы этот слой небольшой мощности и местами выклинивается, в северной части он достигает 0,20—0,25 м и содержит много находок. Сразу под ним залегает культурный слой неолитической стоянки — комковатая почва темной окраски мощностью 0,15—0,20 м. Ниже по всей площади отмечен тонкий слой глины с песком и далее материковый песок. Культурный слой неолитической стоянки распространяется в южном направлении, в сторону реки. Таким образом, стоянки эпохи неолита и бронзы имели разную территорию и только на краю

надпойменной террасы их слои наложались один на другой. Подобная картина закономерна для многих стоянок, известных по берегам озер Севера.

В культурном слое эпохи бронзы найдено много керамики. Вся она имеет сетчатую поверхность, круглое дно, слегка выпуклые стенки и сложное, прикрытое у края горло. Сосуды по плечикам и горлу иногда заглажены под орнамент, но чаще он нанесен прямо по сетчатой поверхности. Орнамент представляет собой довольно сложный узор, выполненный тонкой гребенкой и неглубокими ямками. Керамическое тесто содержит примесь песка и в ряде случаев мелкой раковины, хотя обычно керамика подобного типа этой примеси не имеет.

Среди орудий преобладают изделия из кремня, но есть также орудия из сланца, например, короткий топор с овальным сечением и слегка приподнятой спинкой. Представляет интерес топор из гранитовидной породы, у которого намечена рукоять и поверхность обработана точечной ретушью. Он относится к топорам-пальштабам, известным в культурах боевых топоров, что позволяет определить возраст верхнего слоя стоянки Тихманга. Эту хронологию подтверждают кремневые наконечники стрел с черешком и выделенными жальцами (3 экз.), а также «лунница» — изделие полулунной формы, сделанное из светло-желтого кремня, обработанное двусторонней ретушью и затем полированное. Кроме того, найдены наконечники стрел с прямым основанием и выемкой в основании, наконечники копий или дротика (4 экз.), у которых удлиненная и узкая форма сочетается со срезанным и грубообработанным основанием, приспособленным для укрепления в древке. Из бытовых орудий назовем нож треугольной формы, скобели на отщепках, большое число скребков, среди которых преобладают изделия на массивных продолговатых отщепках, но есть также небольшие скребки прямоугольных форм.

Хотя на всех стоянках в бассейне озера Лача сохраняется кость и изделия из нее, в слоях эпохи бронзы костяные орудия достаточно редки. Вероятно, их предпочитали делать из камня или металла. В верхнем культурном слое Тихманги найдено несколько обломков орудий и хорошо сохранившийся костяной кинжал. Он сделан из расколотой длинной кости, имеет длину 23 см, ширину 3,5 см. Его боевой конец слегка скошен, рукоять выделена, ее конец закруглен и, вероятно, имел обмотку из какого-то мягкого материала.

Неолитический слой стоянки оказался менее насыщенным, а находки состояли главным образом из фрагментированной керамики обычного для памятников каргопольской культуры вида. Посуда содержит примесь крупного песка, преобладают большие круглодонные сосуды с прямым венчиком и граненым срезом. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов и состоит из ямок круглой и ромбической формы, венчик оформлен отсками гребенки.

Другая часть керамики из нижнего слоя резко отличается по составу теста и орнаментации. В керамическом тесте содержатся песок и органическая примесь, а в ряде случаев — большое количество раковины. Тесто светлого цвета очень рыхлое. Орнамент чаще всего выполнен гладким овальным штампом или короткой овальной гребенкой, встречается отступающий штамп овальной или подквадратной формы. Орнаментальные композиции довольно разнообразны. Представлен елочный узор, косые полосы, спускающиеся от венчика, горизонтальные полосы в комбинации с косыми полосами оттисков. О форме сосудов этой группы можно судить по найденному в яме с органическими остатками раздавленному сосуду. Он имеет плоское дно, сравнительно тонкие стенки, широкий срез венчика, содержит примесь раковины; его диаметр 40—45 см. Подобная керамика известна в верхнем слое стоянки Модлона⁵ и на других стоянках в бассейнах озер Воже и Лача. Керамику подобного типа и некоторые характерные кремневые орудия принято связывать с распространением памятников типа Модлона II⁶.

Поскольку керамика каргопольской неолитической культуры и типа

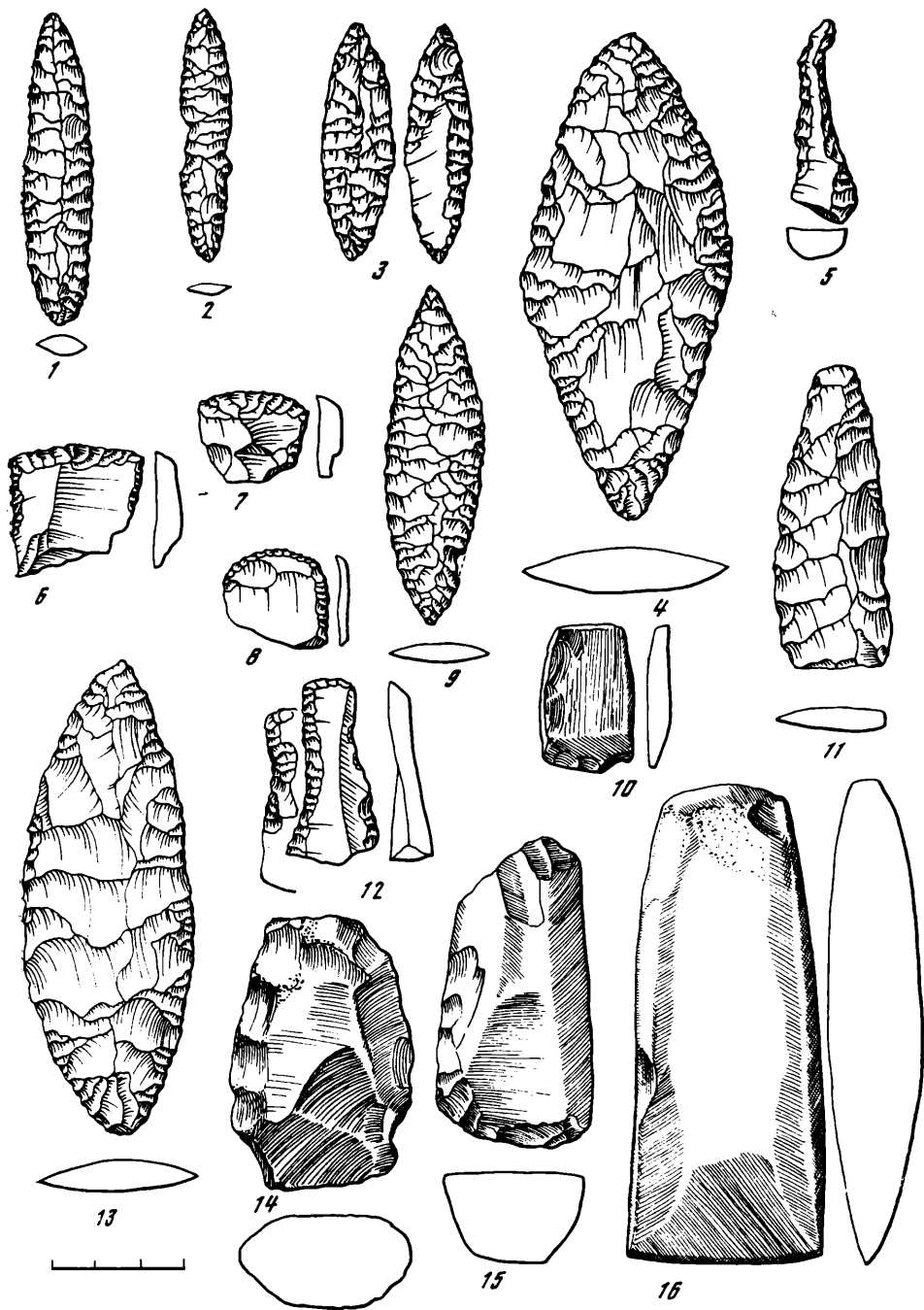

Рис. 1. Стоянка Тихманга, неолитический слой

1—16 — каменные орудия

Модлона II часто встречается в одном культурном слое, была сделана попытка проследить распространение обломков сосудов двух типов по площади стоянки. Выяснилось что пористая керамика (типа Модлона II) была сосредоточена в углублении продолговатой формы в южной части раскопа. Оно имело размеры 210×50 см, четкие очертания и почти вертикальные стенки. Яма отличалась по цвету и фактуре от неолитического слоя и углублялась в материковую почву на 10—15 см. Очевидно, яма была вырыта в культурном слое неолитической стоянки в более позднее время. Кроме развала сосуда и обломков пористой керамики

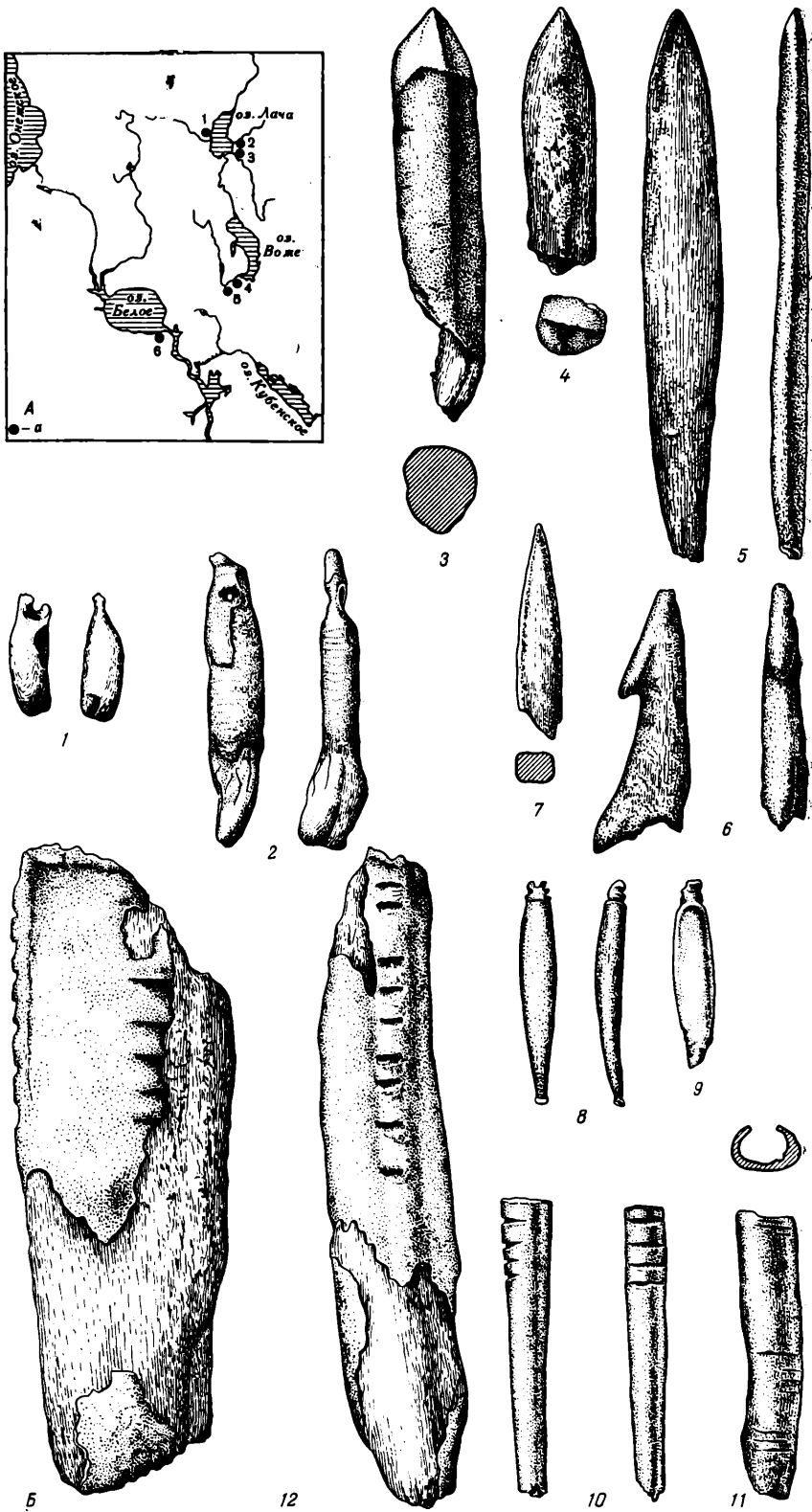
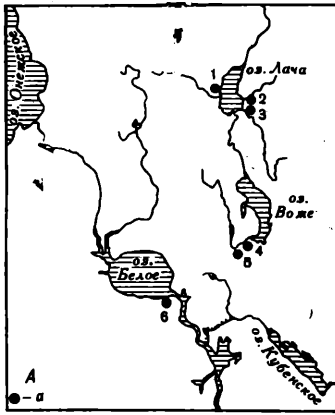

Рис. 2.

А — Карта распространения стоянок с пористой керамикой (типа Модлона II)
 а — стоянка; 1 — Тихманга; 2 — Кивема; 3 — Сухое; 4 — Модлона; 5 — Погостище II; 6 —
 могильник Каргулино; Б — стоянка Тихманга, неолитический слой. 1—12 — изделия из кости

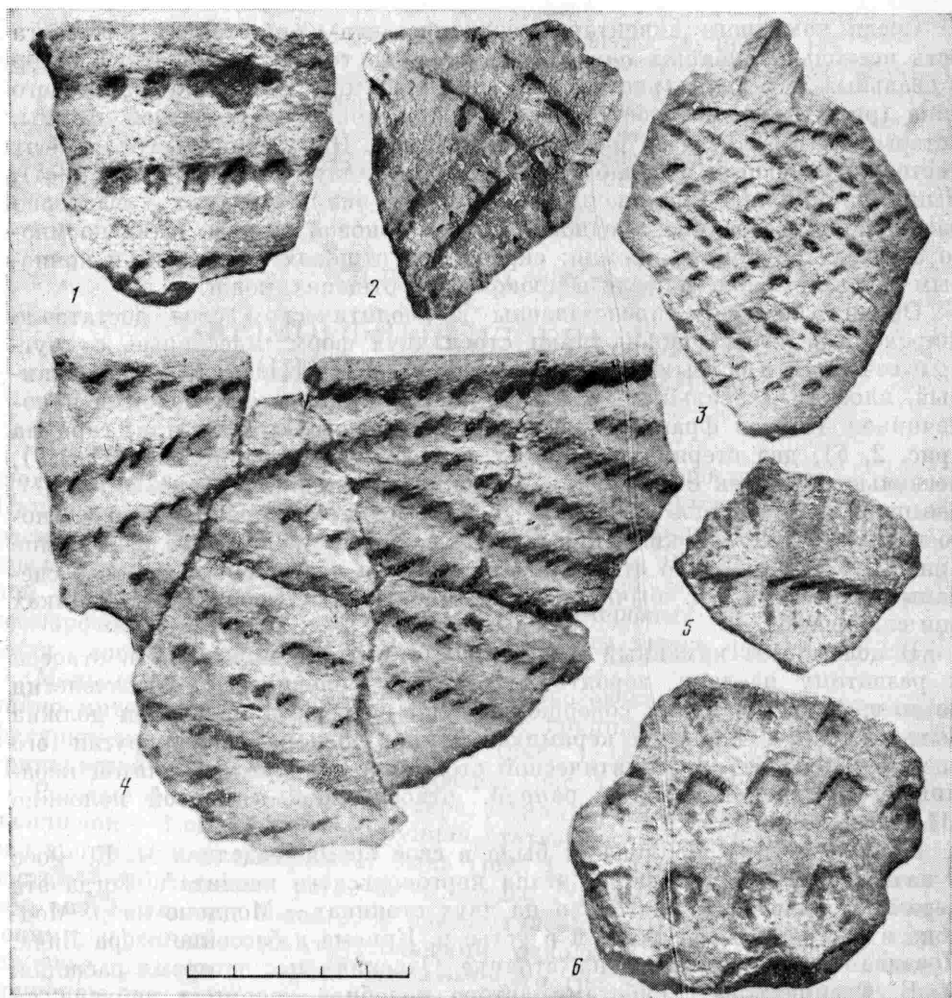

Рис. 3. Пористая керамика со стоянки Тихманга (1—6)

в ней найдены фрагменты костяного и кремневого наконечников стрел и скобель на тонком отщепе. Рядом с ямой обнаружен наконечник копья из светло-розового кремня. Он имеет листовидную форму и прекрасную двустороннюю ретушь (рис. 1, 14). Точно такой же наконечник найден в слое в восточной части раскопа (рис. 1, 4). Таким образом, в данном случае нет оснований связывать с пористой керамикой какие-то определенные типы орудий.

В неолитическом слое, в западной части раскопа, выявлены остатки небольшого сооружения. Оно имело почти квадратную форму, размеры $1,45 \times 1,10$ м, в двух углах зафиксированы опорные вертикальные столбики диаметром 0,10, 0,12 и 0,15 м. Два последних столбика стояли рядом, один — у восточной стенки, другой — у южной. Прослежены очертания стен и пристройка у западной стенки. Все сооружение похоже на хозяйственное строение с навесом. Оно было наземным, опорами служили угловые столбы, стены могли быть сделаны из горизонтальных жердей. Внутри найдены три кремневых скребка и развал сосуда у северной стенки. Снаружи у этой же стенки найден развал второго сосуда. Один из них орнаментирован по всей поверхности глубокими ямками, другой имеет ромбический орнамент. В 0,60 м к востоку от сооружения находился очаг с остатками костей животных и углями, его диаметр 0,40 м.

Среди каменного инвентаря неолитического слоя стоянки Тихманга есть несколько рубящих орудий из сланца, в том числе короткий топор с овальным сечением (рис. 1, 14), небольшое орудие русско-карельского типа (рис. 1, 15) и хорошо шлифованный топор классической формы, который не имеет следов работы (рис. 1, 16). Наконечники стрел имеют листовидную форму и обработаны ретушью с двух сторон (рис. 1, 1-3). Выше упоминались наконечники копий (2 экз.), для них характерно расширение в середине, у одного намечен боковой выступ. Найдено много бытовых орудий из кремня: скребки на отщепах с боковым и концевым рабочим краем, скобели и проколки на отщепах, ножи.

Орудия из кости представлены в неолитическом слое достаточно широко. Среди них наконечники стрел двух форм: массивные, с круглым сечением и острым, заточенным концом (2 экз., рис. 2, 3, 4) и длинный, плоский, с овальным сечением (рис. 2, 5). Есть еще обломки наконечников. Найден фрагмент массивного зубчатого острия или гарпуна (рис. 2, 6), два стержня составных рыболовных крюков (рис. 2, 8, 9), несколько трубочек с нарезками, похожих на игольники (рис. 2, 10-11), две подвески из резцов лося (рис. 2, 1-2) и роговой предмет неизвестного назначения с глубокими нарезками на плоскости, на ребре и на конце (рис. 2, 12). Интересно отметить, что стержни рыболовных крючков сделаны из кости, хотя обычно на неолитических каргопольских стоянках они сланцевые.

В целом весь каменный и костяной инвентарь может быть отнесен к развитому неолиту, вероятно ко второй половине III тысячелетия до н. э. В то же время совершенно ясно, что часть инвентаря должна быть связана с пористой керамикой (типа Модлона II), а другая его часть происходит из неолитической стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой по времени более ранней, относящейся к первой половине III тысячелетия до н. э.

Керамика типа Модлона II была в свое время выделена М. Е. Фосс в качестве хронологического этапа каргопольского неолита⁷. Тогда эта керамика была найдена только на двух стоянках — Модлоне на р. Модлона в бассейне озера Воже и в устье р. Кинема в бассейне озера Лача. Позднее она обнаружена на стоянке Ольский мыс во время раскопок О. В. Свьянникова⁸. Работами автора подобная керамика найдена на окраинах могильника в Каргулино на Белом озере, в Погостище II на р. Модлона и на стоянке Сухое на р. Ковжа в бассейне озера Лача⁹. В последнем случае она находилась в культурном слое, аналогичном слою Тихманги, где неолит с ямочно-гребенчатой керамикой и с керамикой типа Модлона II стратиграфически не разделяются. Несмотря на это, есть факты, подтверждающие предположение, что пористая керамика типа Модлона II и соответствующие ей каменные орудия оставлены населением, которое сменило каргопольскую неолитическую культуру на отдельных территориях Восточного Прионежья примерно в середине III тысячелетия до н. э. Иными словами, памятники с пористой керамикой могут рассматриваться как самостоятельная культура развитого неолита, которую следует назвать, по-видимому, модлонской. Вопрос о причинах частой перемешанности культурных слоев с каргопольской и пористой керамикой еще требует уточнения. Однако известны стоянки, где представлен слой с одной пористой керамикой, например, стоянки Модлона, Погостище II, могильник Каргулино.

Верхний слой стоянки Тихманга, где представлены керамика и орудия эпохи бронзы, может быть датирован примерно XVIII—XVI вв. до н. э.

⁷ Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. 1952. № 29. С. 20.

⁸ Поляков И. С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги //

ЗРГО. Отд. этнографии. СПб., 1882. Т. IX. С. 7, 8.

⁹ Куратов А. А. Археологические памятники Архангельской области. Архангельск, 1978. С. 30.

⁴ Ошибкина С. В. О работе в зоне пе-

- реброски северных рек // АО 1978 г. М., 1979. С. 27.
- ⁵ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чаро-зерском районе Вологодской области // МИА. 1951. № 20. С. 33.
- ⁶ Ошибкина С. В. Неолит Восточного

- Прионежья. М., 1978. С. 129.
- ⁷ Фосс М. Е. Древнейшая история... С. 85. Рис. 68.
- ⁸ Коллекция Архангельского музея.
- ⁹ Ошибкина С. В. Отчет о работе Северной экспедиции в 1985 г. // Архив ИА АН СССР.

В. И. БАЛАБИНА, И. П. ГИРНЫК

ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ ЧИЧИРКОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Поселение Чичирковка начала позднего триполья входит в томашовско-сушковскую группу памятников Днепро-Бугского междуречья. Памятник известен очень давно, хотя и не подвергался систематическим раскопкам¹. За несколько лет наблюдений в Чичирковке собрана представительная коллекция пластики, в которой, помимо антропоморфной скульптуры (более 70 экз.), есть зооморфные фигурки (8 экз.), зооморфные детали сосудов (7 экз.). Найдены также фрагменты керамики с зооморфной росписью (2 экз.).

Мелкая зооморфная скульптура Чичирковского поселения чрезвычайно интересна. В ней выделяются две группы изображений: рогатые фигурки нескольких разновидностей (рис. 1, 1—5) и весьма редкие в трипольской пластике фигурки медведей (рис. 1, 6—8).

Рогатые фигурки разного размера. Длина самой большой 11 см, самой маленькой — 3 см. Наиболее крупная статуэтка, тщательно моделированная и отделанная, изображает быка (рис. 1, 1). Она сохранилась не полностью — отбиты ноги, рога, часть морды. Голова большая — даже оббитая, она составляет более 30% длины туловища. Глаза обозначены глубокими вертикальными треугольными наколами. Междурожье прямое, широкое, сделанное в виде выступающего гребня. Рога отвалились и прилепаем, на которых заметны следы поперечных скреп. У основания рогов есть и характерные защипы, соединявшие отдельно вылепленные детали. Шея фигурки короткая горизонтально поставленная. Подгрудка нет. Холка низкая. Ширина в плечах и крестце одинаковая. Спина прямая, бока уплощенные, линия позвоночника не обозначена. Крестец наклонный с выступающими мотлоками, зад прямой. Короткий хвост прижат. Брюхо подтянутое, пенис показан защипом. Ноги попарно сомкнуты. Фигурка окрашена в светло-оранжевый цвет и расписана коричневой краской. Полосами разной ширины (от 2 до 4 мм) нарисованы соединенные между собой попоны и налобник. Три поперечных ремня изображены на лбу, затылке и холке. Следы двух тонких ремешков сохранились на морде под глазами. По бокам под рогами все три поперечных ремня соединяются. Затылочный ремень в средней части прикреплен к ремню на холке двумя узкими ремешками. Ремень на холке, видимо, является частью попоны. Форма попоны не совсем ясна, похоже, что ее задняя часть закруглена. На спине и крестце сохранились плохо видные линии (то ли детали попоны, то ли узоры на ней). По бокам от места соединения ремней под рогами вдоль передних ног (до обломов) спускаются широкие дугообразные полосы — края попоны или висящий повод. Роспись фигурки вряд ли воспроизводит упряжь, поскольку при бычьей запряжке шлеи, налобники, намордники не нужны. Их нет и на известных древних изображениях бычьих упряжек². Скорее, представлено украшенное животное на поводу (тогда возможен налобник-намордник). Фигурки с похожей росписью известны на памятниках Юго-Восточной Европы и Средиземноморья³. Бытование их охватывает период неолита—бронзы. Возможно, устойчивая орнаментация зооморфных

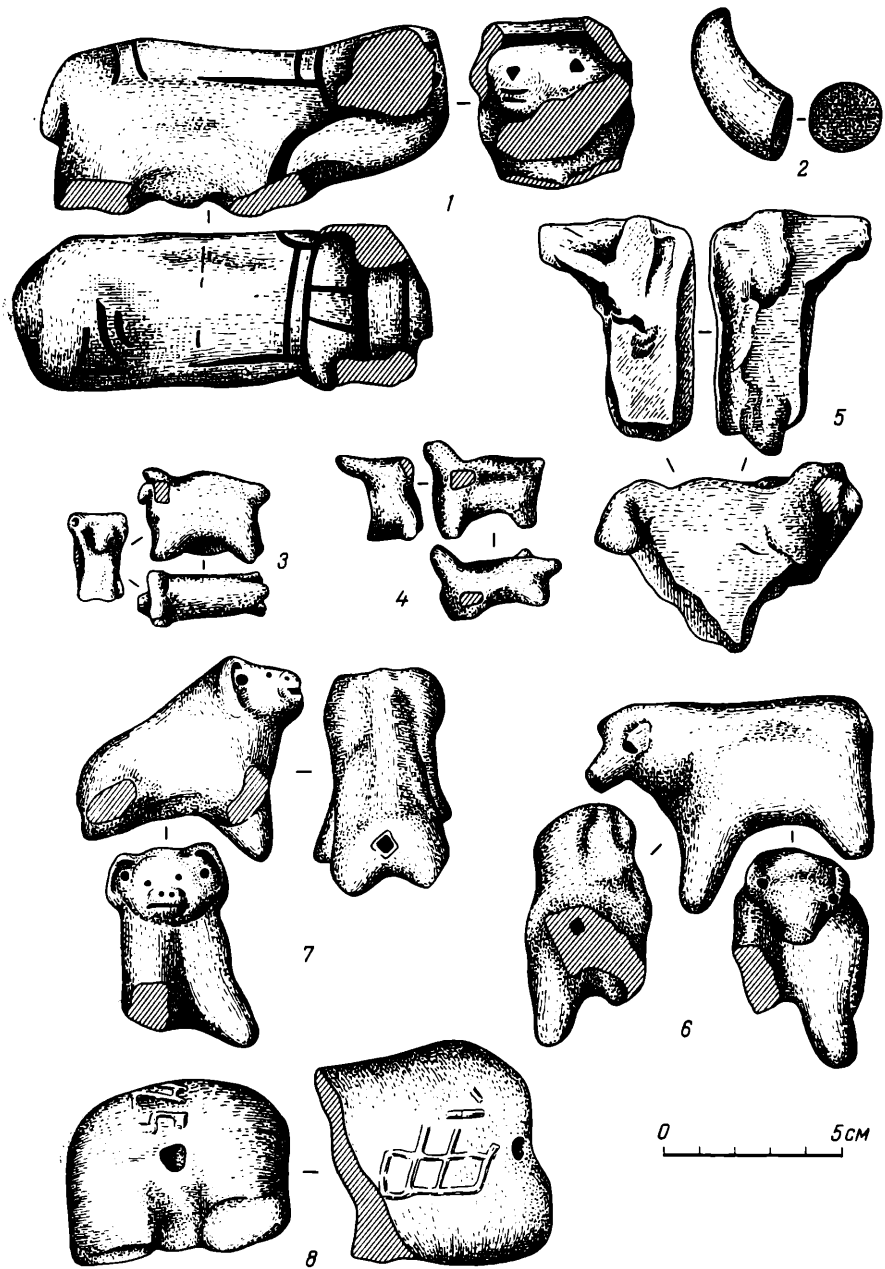

Рис. 1. Зооморфные фигурки с Чичиркововского поселения (1—8)

статуэток повторяет долго существовавшую систему украшения животных.

Чичирковка — пока единственный памятник в Побужье, где встречается расписная фигурка быка⁴. В Поднепровье же они есть в нескольких пунктах. Семь экземпляров происходит из Кошиловцев. С некоторыми из них статуэтку из Чичирковки сближает, помимо росписи, еще и стилистика. Одна фигурка найдена в Незвиско. Стратиграфической привязки она, к сожалению, не имеет.

В коллекции есть рог с сохранившейся плоской площадочкой прилепа. Он принадлежал фигуре примерно такого размера, как вышеописанная. Рог короткий, загнутый, круглого сечения (рис. 1, 2).

Следующая фигурка миниатюрная. Она представляет собой довольно

схематичное изображение быка или барана с «накладными» рогами из жгута, укрепленного над лбом (рис. 1, 3). Голова короткая, узкая; детали морды не проработаны. Междурожье прямое; обломанные рога повернуты вперед. Шей нет (морда чуть выступает относительно плоскости груди — передних ног). Туловище статуэтки чрезвычайно узкое, уплощенное. Спина выпуклая. Зад узкий, подтреугольный, равен по ширине хвосту-защипу. Брюхо подтянутое, пенис изображен защипом. Ноги леплены попарно, в самом низу разделены. Такие уплощенные статуэтки были ранее выделены среди пластики Поливанова Яра II, в Немирове, во Владимировке⁵, но они есть и в Незвиско III, Магале, Коновке, Тальянках, Майданецком⁶. Таким образом, на многих памятниках конца среднего — начала позднего триполья и в Поднестровье, и в Побужье присутствует эта разновидность рогатых фигурок. Отметим, что почти всюду она сочетается с другими рогатыми фигурками.

Еще одна миниатюрная фигурка в достаточной мере условно изображает рогатое существо без морды (рис. 1, 4). Прямые расставленные в стороны рожки вылеплены одновременно с туловищем и ногами методом вытягивания. Туловище сделано небрежно, несколькими движениями пальцев. Спина прямая, один бок вдавлен, другой прямой. Зад, конически сужаясь, переходит в маленький отставленный хвост. Брюхо подтянутое, без признаков пола. Ноги вылеплены попарно. Подобные рогатые фигурки без морды имеют довольно широкий хронологический диапазон. Они есть в кришском слое Периеи. На трипольских памятниках появляются в первой половине среднего триполья в Поднестровье (Поливанов Яр III, Друцы). В конце среднего триполья — первой половине позднего фигурки без морды встречаются и в Поднестровье, и в Побужье (Брынзены IV, Немирова, Сухостав)⁷. Последняя рогатая фигурка очень плохой сохранности. Возможно, она также является изображением без морды, но более крупным (рис. 1, 5).

Все разновидности рогатых фигурок, найденных на Чичиркозовском поселении, встречаются и на других памятниках. Фигурок, характерных только для этого поселения, не оказалось. Обращает на себя внимание широкое географическое распространение каждой из встреченных в Чичиркозовке разновидностей рогатых фигурок, а также то, что периоды бытования у них разные. Возможно, это отражает закономерности, близкие прослеженным для антропоморфной пластики⁸.

Изображений медведей в Чичиркозовке три. Два из них целые, одно фрагментированное. Целые фигурки имеют ряд сходных черт, но есть в их моделировке и отличия. Размеры обеих довольно близки. Первая фигурка (рис. 1, 6) длиной 8 см, с довольно крупной и широкой головой, высоким выпуклым лбом, длинным, широким, уплощенным на конце носом. Нос прилеплен, видны следы примазки. Округлые небольшие уши подчеркнуты четырехгранными вдавлениями. Короткая толстая шея и спина образуют одну наклонную линию. Ширина фигурки в плечах и крестце одинакова. Спина прямая, округлая; бока уплощенные; зад округлый, хвоста нет. Четырехгранным вдавлением показан анус. Брюхо подтянутое. Ноги раздельны, вылеплены вытягиванием.

Вторая фигурка медведя немного меньше, ее длина 7 см (рис. 1, 7). Голова крупная, широкая, но морда короче, чем у предыдущей статуэтки. На уплощенном кончике носа наколами обозначены поздри. Пасть прорисована. Близко посаженные глаза показаны наколами. Внутренняя сторона округлых ушей проработана плоским инструментом. Ушные раковины, так же как у первой фигурки, подчеркнуты широкими вдавлениями. Затылочный гребень, позвоночник и подгрудок сделаны в виде невысоких валиков. Короткая толстая шея составляет со спиной одну наклонную линию (крестец находится значительно ниже, чем плечи). Ширина в груди несколько больше, чем в крестце. Спина прямая, бока округлые. Зад небольшой, округлый, хвоста нет. Так же как у первой фигурки, глубоким четырехгранным вдавлением показан анус. Брюхо подтянутое. Ноги раздельны, вылеплены вытягиванием. Концы лап закруглены.

Поскольку изображения медведей в пластике Юго-Восточной Европы весьма редки, все они признаются таковыми с определенной долей сомнения. Оба зверя из Чичиркозовки имеют в сложении характерные для медведя признаки. Это широкие, крупные головы, небольшие уши; выпуклый лоб и длинный нос одного зверя, близко посаженные глаза другого; высота в плечах больше высоты в крестце, округлые зады и отсутствие хвостов. В стилистике фигурок есть сходство с некоторыми другими изображениями медведей. Моделировка морды медведя с коротким носом (рис. 1, 7) близка медведю из Томашовки⁹ и в определенной мере бродокрещтурскому медведю-крышке из окрестностей Тиссафюреда¹⁰, у которого проработаны детали морды и затылочный гребень изображен в виде валика. Более крупная фигурка медведя (рис. 1, 6) напоминает медведя из Майданецкого¹¹.

Некоторые особенности фигурок — отсутствие признаков пола и подчеркнутые анусы, — возможно, указывают на то, что звери из Чичиркозовки изображают медведиц. Третья округлозадая половина фигурки также имеет анус в виде глубокого четырехгранного отверстия (рис. 1, 8). Она, видимо, изображала подобного, но более крупного зверя. На спине статуэтки сохранился нечеткий прочерченный орнамент из пересекающихся под прямым углом неглубоких, широких линий.

Отметим, что почти все трипольские фигурки медведей сосредоточены в одном районе, на близких по времени памятниках сушковско-томашовской группы (Майданецкое, Чичиркозовка, Томашовка). Вне этой территории лишь в Кошиловцах есть два сомнительных фрагмента статуэток (голова и лапа), которые могли бы принадлежать медведям¹². В других районах распространения трипольской культуры фигурок медведей нет. Не встречаются они и в более широком ареале. Только на старчевских и винчанских памятниках бывают прямостоящие зооантропоморфные фигурки с цилиндрическим туловищем, разведенными в стороны руками и звериными головами, напоминающими медвежьи. Такие статуэтки представлены в Породине, Павловаце, Винче¹³. Они заметно отличаются от трипольских. Помимо крышек с головой медведя, одна из которых уже упоминалась, известны сосуды закрытого типа в форме стоящего медведя с отверстием на спине. Они встречаются на позднееолитических — энеолитических памятниках от Адриатики до Поднепровья. Один такой сосуд происходит из Смильча (данило). Два экземпляра есть в Абрахаме (ранний лендбел). Найдены сосуды-медведи и на двух памятниках культуры кукутень — триполье: в Извоаре (кукутень А) и в Шипенцах, где предмет не имеет стратиграфической привязки, но возможно близкое или более позднее время¹⁴. Широкое распространение этих особых и весьма редких сосудов указывает на определенную общность представлений в пределах большого ареала. Фигурки медведей в Днепро-Бугском междуречье, хотя и изображают тот же вид животного, отличались от сосудов-медведей не только функционально, но, возможно, и семантически. Тогда их присутствие на памятниках сушковско-томашовской группы свидетельствует о некоторой специфике в символике образа медведя.

Зооморфных деталей сосудов на поселении собрано 7 экз. Среди них есть фрагменты закрытых кухонных сосудов (3 экз.), небольших открытых облицованных и расписных сосудов (3 экз.) и один фрагмент териоморфного сосуда.

На кухонных сосудах зооморфные детали (налепы) расположены в верхней части плечиков, чуть выше места наибольшего расширения сосуда. Первый из них (рис. 2, 1), возможно, выполнял функцию ручки. Постановка налепа горизонтальная, ширина больше высоты. Сверху он выглядит как короткая прямоугольная ручка. Изображена подтреугольная головка рогатого животного. Морда не детализирована. Оббитые и окатанные рога не были длинными.

На следующем фрагменте кухонного сосуда (рис. 2, 2) максимальное расширение отмечено ямкой, над которой прилеплена маленькая рогатая головка на относительно узкой шее. Высота налепа равна его ширине.

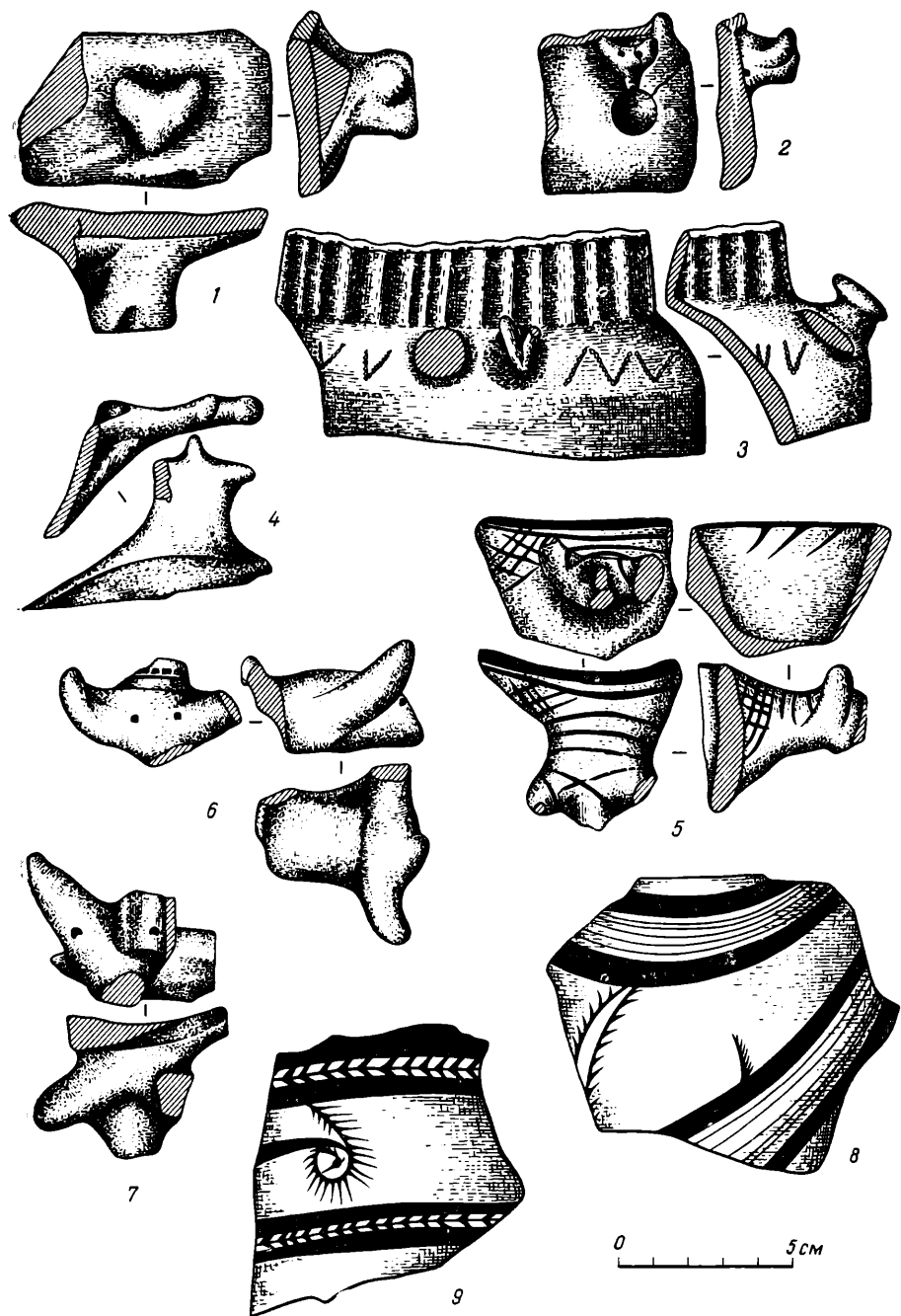

Рис. 2. Зооморфные изображения на посуде Чичиркозовского поселения (1—9)

Постановка горизонтальная. Он не мог служить ручкой из-за своей миниатюрности. В фас головка серпообразна: морда уплощена, межрожье широкое, прямое, загнутые рога подняты вверх. Глаза показаны наколами, складка на шее — защипом. Справа от налепа сохранились элементы зигзагообразного орнамента, выполненного гребенчатым штампом.

Третий фрагмент кухонного сосуда представляет собой часть стенки с венчиком. Край его оформлен волнистыми защипами. По венчику — вертикальные расчесы, на тулове расчесы ориентированы в разных направлениях. Плечики украшены зигзагом, выполненным отпечатками шнура. В разрыве орнамента помещены две налепные головки с рогами, одна из которых отбита (рис. 2, 3). Головки животных поставлены под

острым углом относительно оси сосуда (как бы приподняты). Эти налепы также, видимо, не функциональны. Сохранившаяся голова узкая, длинная, с вильчатыми рогами. Морда не детализирована. Высота налепа несколько больше его ширины.

Кухонные сосуды с функциональными и нефункциональными наделами в виде рогатых головок в верхней части плечиков не редкость на памятниках конца развитого — начала позднего триполья. Особенно их много в Побужье. Специального внимания заслуживает последний из описанных фрагментов с двумя головками. Таких изображений мало. На нескольких известных парных налехах представлены головы крупного рогатого скота, которые ассоциировались исследователями с бычьими упряжками. Данное животное не особенно похоже на быка. По форме рога больше напоминают козья. Однако возможны образы, не имеющие реального соответствия в фауне. Отметим, что в трипольской пластике головы с вильчатыми рогами есть. Это каменная голова из кургана II—2 в Усатове, головки-налепы из Поливанова Яра II, Луки-Врублевецкой¹⁵, головы ряда териоморфных сосудов, один из которых найден в Чичирковке (рис. 2, 7).

Два фрагмента с зооморфными деталями принадлежат маленьким открытым сосудам диаметром 10—11 см. Первый — неглубокий, тонкостенный из светлой глины. На нем с двух сторон сохранились следы окраски в красноватый цвет. Вровень с заостренным краем венчика начинается горизонтальная плоская ручка, довольно короткая, со слабо обозначенным перехватом. Конец ее имеет стилизованное зооморфное оформление (рис. 2, 4). На краю ручки вертикальным расчленением сделаны нос и рога (отогнутые в стороны и слегка приподнятые вверх).

Второй фрагмент принадлежит более толстостенному сосуду с заостренным венчиком и почти вертикальными стенками. Цвет глины светло-оранжевый. Сосуд окрашен снаружи и изнутри в красноватый цвет и расписан коричнево-черной краской. Горизонтальный налел расположен чуть ниже края сосуда (рис. 2, 5). Стилистически он напоминает предыдущий. Рогатая головка моделирована расчленением края на три части, после чего рога были загнуты вверх. Шея отмечена перехватом. Сверху она уплощена, снизу — округлая. По краю сосуда проведена горизонтальная полоса, другая, более узкая — снаружи, чуть ниже края. Изнутри вдоль края нанесены короткие косые полоски. На налеле сохранились тонкие полоски сверху поперек шеи, крест-накрест на затылке и вокруг рогов. Справа от налепа — косая сетка из тонких линий. Налел, видимо, служил ручкой, но рогатые головки, выполненные в такой манере, бывают и на передках саночек¹⁶.

Третий фрагмент открытого сосуда представляет собой налел с небольшим участком края. Профиль и диаметр сосуда не восстанавливаются (рис. 2, 6). Налел является горизонтальной ручкой, расположенной чуть ниже края сосуда. Головка рогатого животного крепится на длинной рельефно проработанной шее с перехватом. Голова очень широкая, в фас серповидная. Междурожье вышуклое, широкое. Рога короткие, загнутые, подняты вверх. Глаза обозначены наколами, нижняя часть морды отбита. Это изображение напоминает одну из головок на кухонном сосуде (рис. 2, 2).

Фрагмент териоморфного сосуда — голова рогатого животного, прикрепленная к краю и выступающая над ним, является частью небольшого открытого сосуда на четырех ножках. Обычно такие сосуды овальные или круглые в плане с выступающей над краем головой и иногда небольшим хвостиком с противоположной стороны (рис. 2, 7). Данный сосуд вылеплен из светлой глины. Снаружи и внутри сохранились следы окраски в красноватый цвет. Морда коническая с отбитым носом. Рога вильчатые, круглого сечения, поставлены вертикально. Широко расставленные глаза обозначены наколами. Открытые териоморфные сосуды на ножках весьма многочисленны на памятниках конца развитого — начала позднего триполья. В Побужье встречены на многих поселениях.

Присутствие в Чичиркововке нескольких вариантов рогатых налепов (и для кухонных, и для расписных сосудов), а также повторяемость их на этом и на других памятниках представляются интересными. Такие стилистические совпадения, возможно, отражают существование нескольких «рогатых» образов, фигурировавших в виде налепов на сосудах и не всегда изображавших реальных животных.

Фрагменты керамики с элементами зооморфной росписи принадлежат сосудам из довольно светлой глины, окрашенным снаружи в красноватый цвет. Роспись выполнена темно-коричневой, почти черной краской. На первом фрагменте (рис. 2, 8) между лентами, заполненными тонкими полосами, помещены два хвоста, длинный и короткий, поставленные вверх.

На втором фрагменте между горизонтальными лентами, внутри которых орнамент в виде стилизованного колоска, сохранилась часть изображения, видимо, фантастического зверя (рис. 2, 9). Будучи перевернутым, оно напоминает утиный хвост.

Рассмотрение небольшой коллекции зооморфных изображений с Чичиркововского поселения затрагивает ряд вопросов, связанных с изучением стилистики образов, воплощенных в мелкой фигурной пластике и знаках на посуде трипольской культуры.

- ¹ Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений // МИА. 1949. № 10. Рис. 1 (карта основных трипольских поселений); Круц В. О., Рижов С. М. Фаза розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи // Археологія. Київ, 1985. № 51. С. 45—56.
- ² Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 169—183.
- ³ Theoharis D. and others. Neolithic Greece. Athens, 1973. Fig. 99; Bossert, Helmut Th. Altkreta Kunst und Handwerk in Griechenland, Kreta und auf den Kykladen Während der Bronzezeit. Berlin, 1923. Fig. 116; Cehak H. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. Swiatowit. Warszawa, 1933. T. XIV. Tabl. X, 2, 3, XI, 4.
- ⁴ Отметим, что на более ранней фигурке быка из Сушовки попона изображена прочерченными линиями: Трипольська культура на Україні. Київ, 1926. Вип. I. С. 58.
- ⁵ Попова Т. А. Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 8—15.
- ⁶ Черныш Е. К. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье // МИА. 1962. № 102. Рис. 27, 9; приносим благодарность В. А. Крупу, С. Н. Рыжову, Н. М. Шмаглю за возможность ознакомиться с материалами коллекций из Тальянков, Майданецкого, Коновки.
- ⁷ Petrescu-Dimbovița M. Sondajul stratigrafic de la Perieni: Materiale si cercetări arheologice. București, 1957. Vol. III, fig. 8, 6. Попова Т. А. Зооморфная пластика... Рис. 2, 1; благодарим Н. В. Рындицу за возможность ознакомиться с коллекцией из Друц, Маркевич В. И. Поздне трипольские племена Северной Молдавии. Кишинев, 1981. Рис. 12, 3.
- ⁸ Погожева А. П. Антропоморфная пластика триполья. Новосибирск, 1983. С. 132—134.
- ⁹ Известия ВУАН за 1925 г. Київ, 1926. Рис. VIII. I. 1a.
- ¹⁰ Kalicz N. Clay Gods. Budapest, 1970. Fig. 56, 57.
- ¹¹ Шмаглюй Н. М., Зиньковский К. В., Шумова В. А. Отчет о раскопках трипольского поселения Майданецкое за 1973 г. // Архив ИА АН УССР. 1973/5. Альбом.
- ¹² Маевський К. К. Трипільська пластика в Західних областях України. Архив ИА АН УССР. Ф. 12. № 155. Табл. XVII, 203; XXII, 286.
- ¹³ Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe. London, 1974, Fig. 186, 187; Höckmann O. Die Menschengestaltige Figuralplastik der südosteuropäischen Jungsteinzeit und Steinkupferzeit. Munch. 1968. Teil 2. Taf. 16, 446; Васич М. Винча III. Београд, 1936. Ст. 584, 599.
- ¹⁴ Gimbutas M. The Gods and Goddesses... Fig. 80, 81; Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava, 1970. Tabl. XXXVII; Dumitrescu V. Arta culturii Cucuteni. București, 1979. Fig. 186; Child V. Gordon. Schipenitz: a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina // JRAI. L., 1923. Vol. LIII. Fig. 23.
- ¹⁵ Пагокова Э. Ф. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова // МАСП. Одесса, 1957. Вып. I. С. 36. Табл. 2, 2; Попова Т. А. Зооморфная пластика... Рис. 2, 8; Бибиков С. Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38. Табл. 113, 2, 2.
- ¹⁶ Шмаглюй Н. М., Зиньковский К. В., Шумова В. А. Отчет о раскопках... Альбом.

ДВА ПОГРЕБЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КИСЛОВОДСКА

В ходе земляных работ в Кисловодской котловине непосредственно у г. Кисловодска открыты два новых комплекса майкопской культуры. Археологическая полнота сведений о них, к сожалению, не достигает желаемого объема по объективным обстоятельствам, но сами находки могут рассматриваться как информативные археологические источники эпохи ранней бронзы на Кавминводах.

В окрестностях г. Кисловодска на восток от Лермонтовской скалы распашкой систематически разрушался небольшой курган диаметром 20 м, пока в центре не показались камни каменного завала. В архиве Кисловодского краеведческого музея сохранились сведения о раскопках этого гибнущего захоронения¹. Погребение в каменном ящике находилось под грудой камней диаметром 3,4 м, высотой до 0,9—0,95 м. Каменный ящик размером 1,6×1,4 м, глубиной 0,9 м был перекрыт каменной плитой и наполовину уходил в материк. На дне ящика лежал скелет плохой сохранности, скорченно на боку, головой на запад (юго-запад?). У тазовых костей скелета находился сосуд без орнамента высотой 15 см (распался). Второй сосуд высотой 7,4 м стоял у черепа (рис. 1, 1; 2, 1). Цвет внешней поверхности второго сосуда серый. Верхняя часть его покрыта прорезным орнаментом из пересекающихся линий и точечных наколов. Сосуд пока не имеет аналогии среди керамики эпохи средней бронзы на Кавминводах. Очертания горшка наиболее близки сосуду из погребения в Соломенском кургане у г. Нальчика, а также другим сосудам майкопской культуры такого рода². Сотрудница кабинета керамики Института археологии И. А. Гей установила, что горшок был изготовлен из смеси двух глин — слабожелезненной и ожезненной. В формовочную массу добавлена большая примесь дресвы в концентрации 1:2, внешняя поверхность сосуда обмазана слоем ожезненной глины. Сосуд сделан при помощи гончарного круга типа РФК-3 по номенклатуре А. А. Бобринского³ и не имел следов вторичного пламени. Наличие производства майкопской керамики на гончарном круге было установлено А. А. Бобринским и Р. М. Мунчаевым⁴. Новые данные позволяют уточнить, что майкопские гончары не только использовали приспособление в виде поворотного столика типа РФК-1,2, обтачивая и заглаживая поверхность сосудов, но и могли моделировать на гончарном круге венчик сосуда.

Второй комплекс майкопской культуры был зафиксирован в кургане у Автозаправки, на левом берегу р. Подкумок при въезде в г. Кисловодск. В 1981 г. курган был разрушен в ходе строительных работ, находки поступили в Кисловодский краеведческий музей. Место было осмотрено научным сотрудником музея Я. Б. Березиным⁵. В результате установлено, что курган находился на естественной возвышенности, имел диаметр около 20 м. Погребальная конструкция была перекрыта каменным навалом и плитами. Под плитами перекрытия строителями были открыты крупные каменные блоки, «стоящие торчком» и имеющие пазы для стыковки. Погребальная конструкция была поставлена в яму, в каменном сооружении лежал скелет. В музей из этой могилы были переданы бронзовый котел и керамический сосуд.

Бронзовый котел яйцевидной формы (рис. 1, 2; 2, 2), высотой 49 см, с уплощенным и слегка вогнутым внутрь донцем, изготовлен из единого листа металла. Толщина листа меди на тулове 1 мм, у венчика 3 мм. Возможный способ изготовления котла, как и у всей металлической посуды майкопской культуры, связан с методом давления листа металла по модели-заготовке, о чем мы уже писали⁶. Кисловодский котел представляет собой типичную форму посуды майкопской культуры, ранее извест-

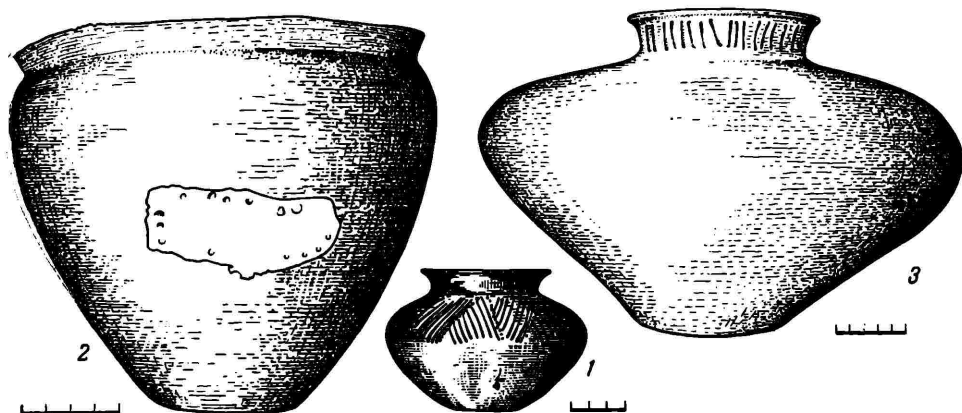
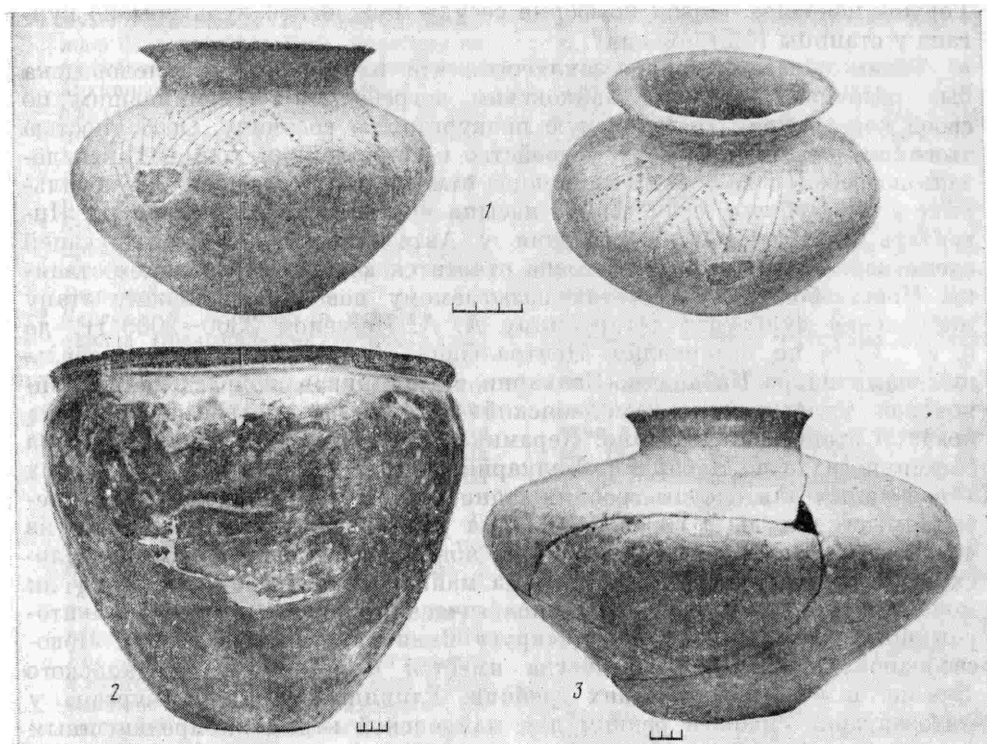

Рис. 1,2. Сосуды и бронзовый котел

1 — погребение у Лермонтовской скалы; 2, 3 — курган близ Автозаправки

ную по находкам из Нальчикской подкурганной гробницы, Кишпекского кургана, аула Кубина ⁷. На центральнопредкавказских котлах нет орнаментальных шишечек. По размерам ему близок только нальчикский котел.

Глиняный сосуд (рис. 1, 3; 2, 3) имеет высоту 28 см, охристую поверхность и такой же в изломе черепок. Поверхность сосуда ангобирована и залощена до блеска. На шейке нанесены вертикально пролощенные линии темно-охристого цвета. Сосуд, вероятно, изготовлен на гончарном круге. На тулове под горлом имеется горизонтальная бороздка. Очевидно, венчик и горло были сделаны отдельно и присоединены к тулову. Присеки в глине неразличимы на глаз. Сосуд не несет следов вторичного пламени, но на передней части имеется темное пятно (черная краска?).

Горшок наиболее близок по форме сосуду майкопской культуры из кургана у станицы Костромская⁸.

Таким образом, можно заключить, что на окраине г. Кисловодска был разрушен курган с майкопским погребением, напоминавшим по своей конструкции Нальчикскую подкурганную гробницу. Особенностью этого захоронения было его устройство в естественном холме. Такая деталь погребального обряда майкопцев отмечается на Псекупском могильнике в Прикубанье, если только насыпи курганов не размывались⁹. Инвентарь кисловодского погребения у Автозаправки по существующей схеме периодизации А. А. Иессена относится к кругу памятников станицы Новосвободной, или к так называемому новосвободненскому этапу майкопской культуры, датируемому А. А. Иессеном 2300—2000 гг. до н. э.¹⁰ Судя по материалам Центрального Предкавказья из погребальных памятников Кабардино-Балкарии и Кавминвод, подразделение майкопской культуры на «майкопский» ранний и «новосвободненский» поздний этапы дискуссионно. Керамика из майкопских погребений на Кавминводах и из Кабардино-Балкарии не несет в формах и орнаментах характерных для посуды гробниц станицы Новосвободной черт. В погребениях нет посуды с горизонтальными рядами выпуклин¹¹, поясков из «елочек», особенно специфичных для новосвободненской керамики. Плоскодонность погребальной посуды из майкопских захоронений вряд ли может сама по себе служить хронологическим признаком или индикатором принадлежности сосуда к «кругу памятников Майкопа или Новосвободной». Плоскодонная посуда имеется в комплексе Майкопского кургана и новосвободненских гробниц. Глиняный сосуд из кургана у Автозаправки снабжен редким для майкопской керамики пролощенным орнаментом. Орнамент такого рода уже был отмечен на керамике из кургана пос. Иноземцево, а также кургана у с. Красногвардейское в Прикубанье¹². А. А. Нехаев датирует последний комплекс по аналогии гематитовой цилиндрической печати началом III тысячелетия до н. э. Совпадение стиля орнаментации горшка из погребения у Автозаправки и погребения в кургане у с. Красногвардейское позволяет рассматривать их в качестве принадлежности какой-то специфической традиции майкопцев и дает возможность датировать в рамках одного хронологического диапазона, определяемого, по крайней мере, рамками, протописьменного, раннединастического периодов, судя по аналогиям майкопским материалам в памятниках Передней Азии. Уже не раз отмечалось, что металлические изделия майкопской культуры не являются основанием для подразделения ее на этапы¹³. Вероятно, этот вывод следует распространить и на лощеную майкопскую керамику. В захоронении у Автозаправки отмечено сочетание в комплексе котла «новосвободненских форм» и сосуда из глины без видимых на глаз примесей с лощеной поверхностью. А. Д. Столяр видел в лощеной керамике из хорошо отмученной глины из Мешоко признаки близости к комплексам Майкопского кургана¹⁴. Новый материал не подтверждает этого. Высококачественная керамика с лощеной поверхностью встречается с вещами, которые традиционно можно относить к «новосвободненским». Присутствие лощеной керамики в могилах майкопцев, видимо, следует связывать не с хронологическими особенностями производства посуды, а с особенностями самого погребального обряда майкопского общества, согласно которому в могилу по каким-то причинам ставилась высококачественная по тесту и выделке посуда.

Оба вновь открытых памятника майкопской культуры в Кисловодской котловине представлены захоронениями в каменных ящиках. Они позволяют предполагать появление этой формы погребального сооружения здесь и на Кавминводах в период майкопской культуры. Позже тип погребения в каменном ящике стал доминирующей чертой погребального обряда населения кавминводской группы¹⁵ местного населения в эпоху средней бронзы.

- ¹ Фонды Кисловодского краеведческого музея. Архивы А. П. Рунича. Выражаю благодарность Я. Б. Березину за любезное разрешение использования архивных и отчетных данных.
- ² *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. 1941. № 3. Табл. XI, 1, 4.
- ³ *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 34—36.
- ⁴ *Бобринский А. А., Мунчаев Р. М.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. 1966. Вып. 108. С. 14—22.
- ⁵ *Березин Я. Б.* Отчет о работах 4-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского государственного университета совместно с Кисловодским филиалом Ставропольского краеведческого музея на территории Предгорного района Ставропольского края // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9383.
- ⁶ *Корневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. 1982. № 2. С. 110, 111.
- ⁷ *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973. Рис. 31; *Он же.* Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у села Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. Рис. 6, 1; *Биджиев Х. Х.* Большой курган у аула Кубина в Карачаево-Черкесии // Северный Кавказ... Рис. 7, 1.
- ⁸ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 259. Рис. 57, 13.
- ⁹ *Лонпаче Н. Г.* Могильник в устье реки Пеекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 17.
- ¹⁰ *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей культуре меди на Кавказе // ИГАИМК. 1936. Вып. 120; *Он же.* К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII; *Он же.* Майкопская культура и ее датировка // Тез. докл. на за-
- седаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962. С. 19—22.
- ¹¹ Таковы материалы подкурганых захоронений Кабардино-Балкарии. *Березов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Вып. 1; *Мизиев И. М.* Два кургана у селений Кишпек и Кызбури III. Там же; *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым; Там же. *Чеченов И. М.* Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II. Там же; *Чеченов И. М.* О локальных различиях в памятниках майкопской культуры // IV Крупновские чтения: Тез. докл. Орджоникидзе, 1974. С. 60—62; *Березов Р. Ж.* К древнейшей истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982. С. 70—74.
- ¹² *Корневский С. Н., Петренко В. Г.* Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево. С. 107; *Незаев А. А.* Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. 1986. № 1. С. 244—248. Рис. 2, 1, 2, 6.
- ¹³ *Иессен А. А.* К хронологии больших кубанских курганов... С. 175; *Корневский С. Н.* Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. 1984. № 1. С. 278.
- ¹⁴ *Столяр А. Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. С. 88.
- ¹⁵ *Корневский С. Н.* Раскопки курганов бронзового века на Кавминводах // XIII Крупновские чтения: Тез. докл. Майкоп, 1984. С. 41—43; *Он же.* Раскопки курганов у Кисловодска в 1983—1984 гг. // XIV Крупновские чтения: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 37, 38.

А. В. КОНДРАШОВ, А. Д. РЕЗЕПКИН

НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОВОЗКОЙ

В 1985 г. археологическая экспедиция Краснодарского краевого краеведческого музея под руководством В. А. Тарабанова проводила раскопки курганного могильника под станицей Старокорсунской Динского р-на Краснодарского края. В статье рассматривается группа погребений из кургана 2. В этом кургане пятиметровой высоты было найдено 28 погребений различных эпох, нас же будут интересовать шесть погребений — 12, 18, 19, 25—27 по полевой нумерации.

Погребение 2 (рис. 1, 1) расположено на глубине 4,98 м от вершины кургана, форма могильной ямы не прослежена. Погребенный — взрослый, лежал скорченно, на левом боку, головой на восток—северо-восток, кости рук сохранились плохо, вероятно, кисти рук находились перед лицом. Скелет лежал на тонком слое органики темного цвета и был неравномер-

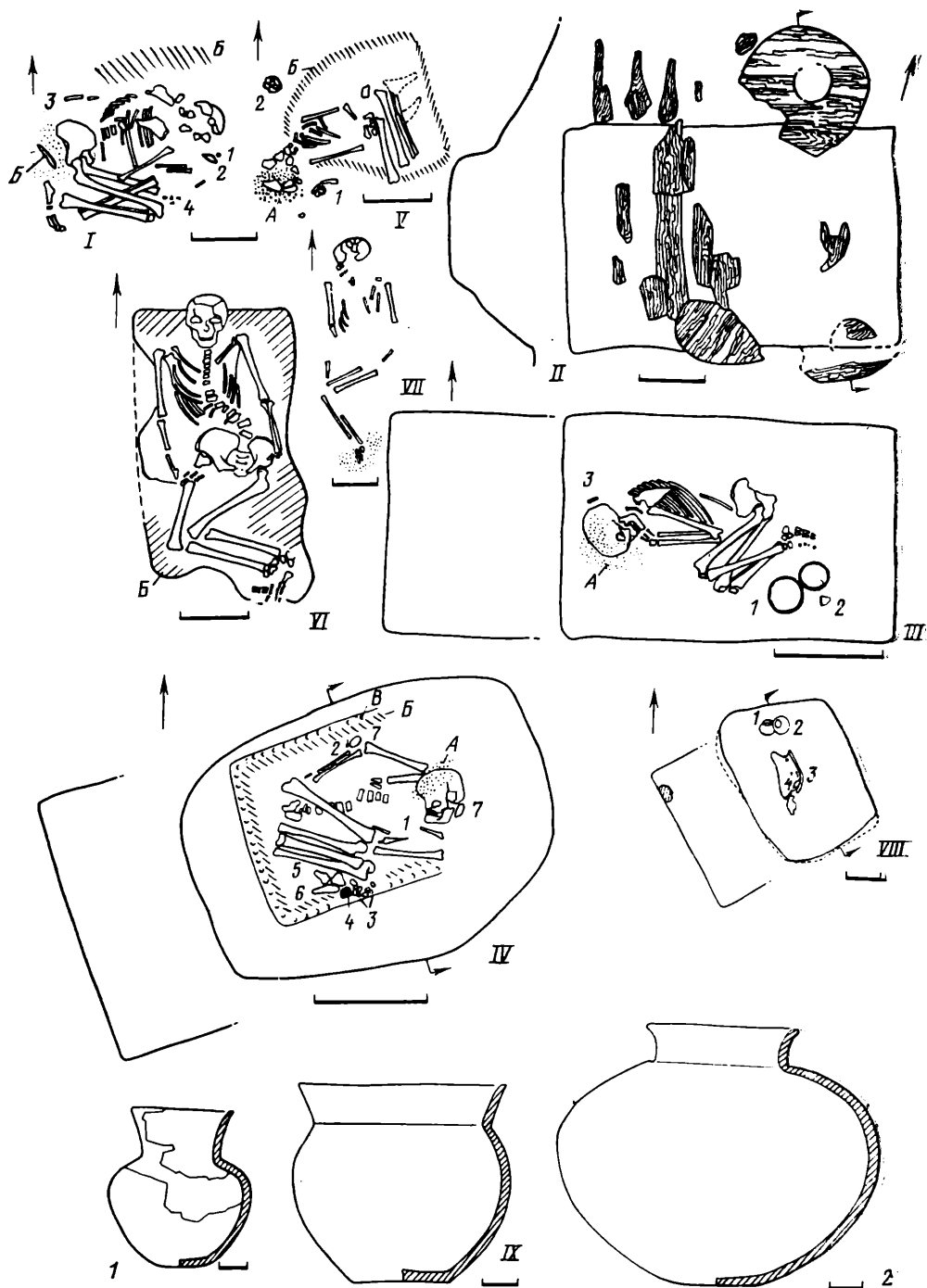

Рис. 1. Планы погребений и керамика

I — погребение 12: 1 — кремневый отщеп, 2 — бронзовый нож, 3 — рог животного, 4 — пронызки из зубов оленя, 5 — кремневый нож; II — погребение 18: остатки деревянной повозки; III — погребение 18: 1 — сосуды, 2 — обломок керамики, 3 — угли; IV — погребение 19: 1 — бронзовый нож, 2 — кремневая пластина, 3 — кремневые наконечники стрел, 4 — костяные палочки, 5 — кремневые желваки, 6 — «пест»; 7 — вещество желтого цвета; V — погребение 25; 1, 2 — сосуды; VI — погребение 26; VII — погребение 27; VIII — курган 24, погребение 6: 1, 2 — сосуды; 3, 4 — кремневые наконечники стрел; IX — сосуд из кромлеха

но окрашен охрой. Перед лицом погребенного находились кремневый отщеп и нож из бронзы. Нож неправильной формы, длиной 9 см, в сечении линзовидный, конец клинка не сохранился, плечики слабо выделены, черешок широкий, подтреугольной формы, расширяющийся к клинку (рис. 2, 1). В районе груди и колен лежало более 20 пронизок из зубов оленя и их имитаций, выполненных из рога (рис. 2, 11). За тазовыми костями лежал обработанный кремневый нож длиной 13,5 см (рис. 2, 5); за спиной на уровне таза — заполированный рог животного длиной 16,5 см, его заостренный конец обломан (рис. 2, 4).

Погребение 18. На глубине 3,4 м от вершины кургана обнаружена яма прямоугольной формы с остатками двух колес на северо-восточном и юго-восточном ее углах. Над ямой и по ее сторонам прослежены остатки дерева, куски которого располагались поперек длинной оси ямы. Были ли это остатки перекрытия или части повозки, неясно. Колеса также были плохой сохранности, диаметр наиболее сохранившегося северо-восточного колеса 60 см, диаметр его ступицы 18 см (рис. 1, 11). В заполнении было найдено четырехгранное в сечении бронзовое шило длиной 5,3 см. Могила прямоугольной формы, длинной осью ориентирована почти на запад, ее размеры 1,5×1,00×0,7 м. На дне лежал подросток, скорченно, на правом боку, кисти рук перед лицом, головой почти на запад. У затылка находилось несколько кусочков угля, череп был окрашен охрой. Глубина от вершины кургана до дна могилы 4,16 м. У ног погребенного стояли два сосуда и лежал небольшой обломок от третьего (рис. 1, 111). Первый сосуд — чернолощеный кубок с небольшим плоским дном, приземистым корпусом, широким и довольно высоким, раструбом, горлом. Высота кубка 18 см, диаметр венчика 13,4 см (рис. 2, 8). От второго сосуда, чернолощенного, сохранилось только тулово, горло было отбито еще в древности, диаметр плоского дна 5 см, наибольший диаметр тулова 12,3 см (рис. 2, 9), как и у первого сосуда, среднего обжига, с включениями мелко толченого известняка.

Погребение 19 (рис. 1, 1V) расположено на глубине 4,23 м от вершины круга. Яма прямоугольной формы с сильно скругленными углами, длинной осью ориентирована по линии северо-восток — юго-запад, ее размеры 1,65×1,25 м. На дне лежал сильно скорченный скелет взрослого человека, на левом боку, головой на северо-восток. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте под острым углом. Скелет лежал на подстилке прямоугольной формы из темной органики, посыпанной мелом, размером 0,9×0,8 м. В юго-западном углу подстилки находились кусочки углей. У черепа, окрашенного охрой, и локтя правой руки найдены кусочки вещества желтого цвета, рядом с ним лежала кремневая пластина длиной 6 см (рис. 2, 6). Перед грудью обнаружен бронзовый нож с довольно крутыми плечиками и длинным черенком и линзовидным в сечении клинком (рис. 2, 3). Длина ножа 16,5 см. У колен лежало более 10 кремневых наконечников стрел «флаковидного» типа (рис. 2, 7). Рядом найдено также более десятка костяных палочек плоско-выпуклой в сечении формы длиной 4—5 см (рис. 2, 10), два кремневых желвака и продолговатой формы камень типа песта.

Погребение 25 (рис. 1, V) находилось на глубине 5,4 м от вершины кургана, могильная яма не прослежена. Погребенный подросток лежал скорченно, на правом боку, головой на запад — юго-запад, положение правой руки проследить не удалось, левая согнута в локте почти под прямым углом. Скелет лежал на органической подстилке темного цвета, череп был окрашен охрой. Перед лицевой частью черепа находились кремневый отщеп и сосуд, за спиной погребенного — еще один сосуд. Первый — кубок чернолощеный, форма, состав теста и степень обжига аналогичны вышеописанному. Его высота, как и диаметр венчика, 9 см (рис. 2, 15). Второй — сосуд баночной формы со слегка раздутым туловом и плоским широким дном (рис. 2, 13). Его высота 5,5 см, диаметр венчика 5,5 см.

Погребение 26 (рис. 1, VI). Обнаружено на глубине 5,56 м от верши-

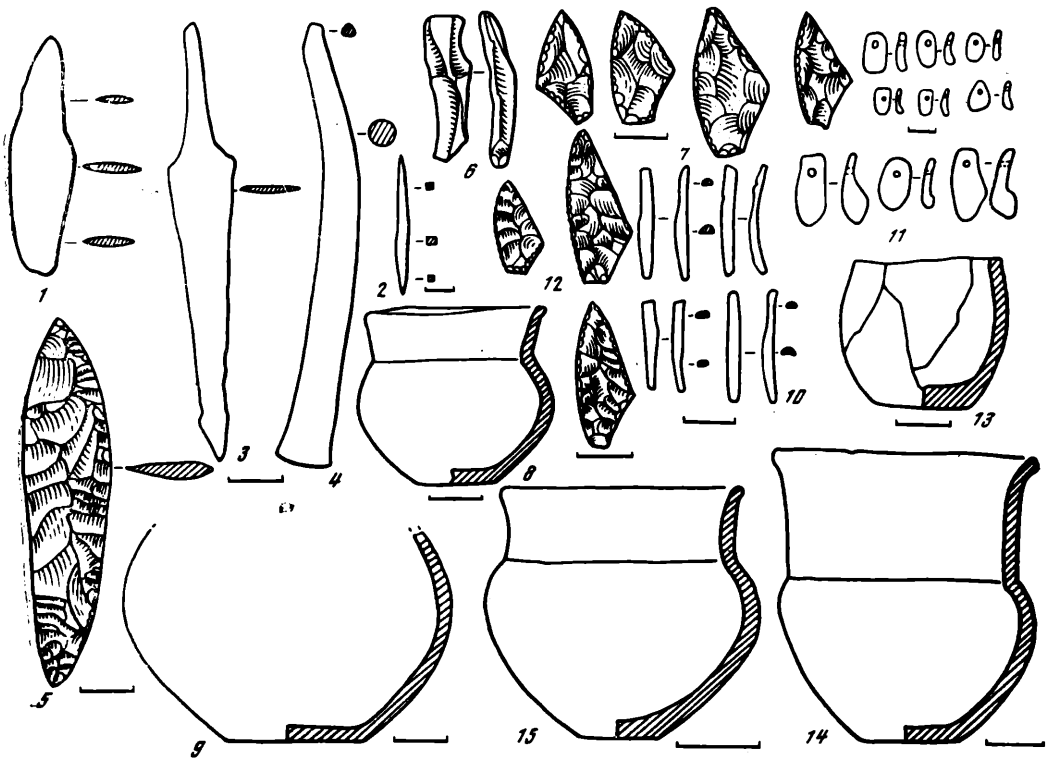

Рис. 2. Предметы из погребений кургана 2 (1—15) и 24 (12)

1, 5 — ножи; 4 — рог животного; 11 — подвески из зубов оленя — погребение 12; 3 — нож; 6 — пластина; 7 — наконечники стрел; 10 — палочки, погр. 19; 8, 9 — сосуды; 2 — шило, погребение 18; 13, 15 — сосуды — погребение 25; 14 — сосуд из насыпи кургана 2; 12 — наконечники из погребения 6 кургана 24. 1, 3 — бронза; 4—7, 12 — кремь; 8, 9, 13—15 — глина; 10, 11 — кость

ны кургана. Форма могильной ямы не прослежена, но, судя по прямоугольной подстилке из органики темно-коричневого цвета, яма также была прямоугольной. На подстилке лежал скелет взрослого человека, скорченно на спине, головой на север, кисти рук находились на тазовых костях. Костяк был сплошь засыпан охрой.

Погребение 27 (рис. 1, VII). Обнаружено на глубине 6,3 м от вершины кургана, форма могильной ямы не прослежена. Скелет плохой сохранности, но расположение сохранившихся костей позволяет считать, что поза погребенного была аналогична позе скелета из могилы 26. Умерший также был ориентирован головой на север, но охрой были окрашены только стопы ног. В насыпи кургана был найден еще один чернolощенный кубок с небольшим плоским дном, коротким туловом, высоким цилиндрическим горлом с расширяющимся наружу венчиком (рис. 2, 14). Его высота 10,5 см, диаметр венчика 9,7 см. Тесто по составу и обжигу аналогично вышеописанным кубкам.

По погребальному обряду могилы делятся на два типа. Тип первый — погребения скорченные на боку, ориентация на восток или запад, с инвентарем; к нему относятся первые четыре погребения. Тип второй — скорченные на спине, кисти рук на тазовых костях, ориентация на север. Это погребения 26, 27.

Прямых стратиграфических данных относительно основного погребения в этом кургане мы не имеем, но ряд косвенных признаков, таких, как центральное положение могил второго типа в кургане, глубина их залегания в материке, а также то, что практически все погребения первого типа были впущены в насыпь, свидетельствует в пользу того, что погребения второго типа были основными. В пользу этого говорит и по-

гребальный обряд, который характерен для самых ранних подкурганых захоронений. Например, известное погребение со скипетром из кургана 27 архаринского курганного могильника было впускным, а погребенные в основной могиле мужчина и женщина лежали на спине, скорченно, кисти рук на костях таза, головами ориентированы на север¹.

Погребения первого типа по набору инвентаря и ориентировке захороненных можно разбить на две группы: погребенные в могилах 18 и 25 ориентированы почти точно на запад, в каждом находилось по два сосуда. Погребения 12 и 19 сосудов не содержали, но в каждом из них было найдено по бронзовому ножу, наконечники стрел и дротика, подвески из оленьих зубов и т. д. По ассортименту и по набору инвентаря эти могилы были более богатыми, и захороненные в них головами ориентированы были на восток. Аналогии инвентарю двух последних погребений мы находим в основной могиле кургана майкопской культуры, раскопанном у пос. Иноземцево Железноводского р-на Ставропольского края². Там были найдены такие же кремневые наконечники стрел и дротика, роговые палочки и даже заготовки из кремня и каменные предметы³, как и в погребении 19. Подвески из зубов оленя также достаточно типичны для погребений новосвободненской группы памятников⁴. Ближайшие аналогии кубкам находятся в курганном могильнике «Клады» под станицей Новосвободной в Майкопском р-не Адыгейской АО в основном погребении 6 кургана 24 (раскопки Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1980 г.). Первые пять могил в этом кургане были протомеотскими. Под земляной насыпью диаметром 31 м, высотой 0,51 м находился кромлех из речных булыжников диаметром 12 м. В западной части кургана, у внутренней стенки кромлеха были обнаружены развалы одного крупного плоскодонного чернолощеного сосуда и двух кубков.

Погребение 6 было расположено в центре кургана и представляло собой яму неправильной прямоугольной формы со скругленными углами, длинной осью ориентированную по линии северо-запад — юго-восток (рис. 1, VIII). Ее размеры: 2,38×1,72×1,3 м. На дне ямы скорченно, на правом боку, головой на юго-восток, на тлене черного цвета толщиной 1—1,5 см лежал скелет плохой сохранности. В ногах погребенного стояли два сосуда. Один из них — типа высокогорлого кубка с отогнутым венчиком, высотой около 17 см, диаметр венчика 11,5 см, толщина стенок 0,9 см, слабого обжига, тесто красноватого цвета с примесью толченого известняка (рис. 1, I). Сверху сосуд покрыт черным хорошо залощенным ангобом. Второй сосуд высотой 22 см, светло-серого цвета, с туловом шаровидной формы и уплощенным дном. Шейка и венчик плавно отгибаются наружу, диаметр венчика 13,3 см, тулова — 26,5 см. Обжиг хороший, тесто серого цвета, хорошо отмученное, без примесей, толщина стенок 0,7 см (рис. 1, 2). У тазовых костей лежали три крупных кремневых наконечника стрел «флажковидного» типа с обломанными основаниями, которые лежали здесь же (рис. 2, 12). По-видимому, здесь мы имеем дело с ритуалом, когда ломали оружие умершего, в данном случае стрелы. Поскольку наконечники были привязаны к древкам, то привязанные к ним части обломались и остались на древках, которые истлели. Из трех сосудов из кромлеха полностью удалось собрать профиль только одного плоскодонного кубка. Его высота 11,5 см, диаметр венчика 12 см. Тесто среднего обжига, со следами выгоревших примесей, поверхность черная, хорошо лощеная (рис. 1, IX). Сосуд по форме аналогичен кубкам из погребений 18 и 25 кургана 2.

Все раскопанные в «Кладах» погребения эпохи ранней бронзы принадлежат к новосвободненской группе памятников, к ней же относится и могила 6 кургана 24. На этом могильнике обнаружена целая серия погребений с кубками, и они образуют самый ранний стратиграфический горизонт. Следующие в стратиграфической колонке — погребения в срубках, или в деревянных рамах из брусьев (т. е. «сруб» в один венец), по конструкции аналогичные тем, что раскопаны в Кабардино-Балка-

рии⁵. В одном случае зафиксировано перекрытие такого сруба двухкамерной мегалитической гробницей (курган 30).

Таким образом, опираясь на стратиграфическую колонку «Кладов» и конкретно на инвентарь погребения 6, мы можем отнести могилы 18 и 25 к новосвободненской группе памятников, раннему ее этапу. Туда же, мы полагаем, можно включить и погребения 12 и 19. То, что аналогии им в кремневом инвентаре находятся уже в более позднем погребении майкопской культуры, не является странным, поскольку кремневые изделия относятся к категориям инвентаря, существование которых во времени продолжительно. Такие же кремневые наконечники стрел, как и в могиле 19, есть и в погребении 6. Различия же в наборе инвентаря и ориентировке могил 18 и 25 и 12 и 19 кургана 2 могут иметь и не временное значение. В первой паре могил погребены взрослые, а во второй — подростки, может быть, тем и объясняются установленные отличия.

В связи с вышеизложенным чрезвычайно важной представляется находка повозки в погребении 18. В майкопской культуре, новосвободненской группе памятников, это первое хорошо документированное погребение с повозкой.

В эпоху ранней и средней бронзы они довольно широко распространены в Юго-Восточной Европе и на Кавказе. Только в степном Прикубанье их насчитывается более 50. Стратиграфически самые ранние погребения с повозкой относятся к ямной культуре и новотитаровской культурной группе на Северном Кавказе⁶ и к довольно аморфно выделенной группе, занимающей ареал от Нижнего Поднепровья до низовьев Кубани, именуемой «памятники старосельского типа»⁷. Самые ранние погребения этого типа относятся ко времени Михайловка II⁸, а ранние погребения новотитаровской группы, вероятно, сосуществуют с заключительным этапом развития майкопской культуры⁹. Новая находка позволяет констатировать факт, что люди, оставившие памятники новосвободненской культурной группы, были знакомы с повозками с самого начала своего появления на Северо-Западном Кавказе, т. е. еще до того времени, когда появились новосвободненские гробницы и сформировался новосвободненский этап майкопской культуры. В результате почти полного исследования курганного могильника «Клады» под станцией Новосвободной стало очевидным, что новосвободненская группа памятников не является дальнейшим развитием майкопской, а имеет иное происхождение¹⁰. В рамках относительной хронологии этих двух групп памятников, составляющих майкопскую культуру, сейчас имеются новые данные, позволяющие считать их одновременными. Это два погребения, раскопанные в Адыгейской АО в устье р. Псекупс. В одном погребении вместе с бронзовой мотыгой типа той, что найдена в погребении майкопского кургана, и круглодонной раннемайкопской керамикой был найден типично новосвободненский сосуд реповидной формы с плоским дном, короткой вертикальной шейкой и чернолощенный плоскодонный кубок с высокой шейкой. Второй комплекс также носил смешанный характер, где с металлом новосвободненского облика и кремневыми наконечниками стрел флажковидного типа были два круглодонных сосуда «раннемайкопского» облика¹¹.

По абсолютной хронологии также появились новые данные, которые, на наш взгляд, существенно подкрепляют имеющуюся тенденцию удренения майкопской культуры¹². При раскопках А. Пальмиери многослойного телля Арслантепе (Мататия) в одной из комнат дворца был найден комплекс бронзовых вещей, состоящих из 12 наконечников копий с четырехгранным насадом и девяти кинжалов или коротких мечей. По стратиграфической ситуации и находкам керамики эти предметы датируются временем поздний Урук — Джемдет-Наср, т. е. рубежом IV—III вв. до н. э. Серия радиоуглеродных дат из этого же слоя дает даты в пределах 3450—3230, 3140—2930 гг. до н. э.¹³ Ближайшая аналогия копьям с четырехгранным насадом имеется в погребении новосвободненской культурной группы близ станицы Псебайской¹⁴.

В собственно майкопской группе памятников, имеющих определенно южное происхождение¹⁵, повозки не встречены. Следовательно, о закавказско-передневокавказском проникновении повозок на Северный Кавказ и в южнорусские степи на основании имеющихся данных говорить не приходится. Самые ранние погребения с повозками в Закавказье найдены в погребениях алазано-беденской культуры¹⁶. Вопросы ее хронологии пока еще не разрешены, но, судя по металлу, который встречается в погребальных комплексах этой культуры, она в целом синхронна северокавказской культуре с возможным заходом в последнюю четверть III тысячелетия до н. э. О сосуществовании этих двух культур, в частности, свидетельствует находка в основном погребении кургана алазано-беденской культуры, раскопанного кахетской археологической экспедицией в 1981 г., проушного бронзового топора¹⁷, ближайшая аналогия которому имеется в погребении 33 могильника северокавказской культуры «Гатын-Кале» в Чечено-Ингушетии¹⁸. В. И. Марковин датировал это погребение вторым этапом северокавказской культуры, т. е. второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁹

Все вышеизложенное, очевидно, позволяет считать погребение 18 с повозкой из кургана 2 как древнейшее в Европе, а новосвободненскую культурную группу памятников как имеющую на данном этапе исследования временной приоритет в использовании средств передвижения этого типа.

- ¹ Симицын И. В., Эрднеев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966. Вып. 2. С. 94, 95. Рис. 62. Табл. 34, 1.
- ² Кореневский С. Н., Петренко В. Г. Курганы майкопской культуры у поселка Иновземцево // СА. 1982. № 2. С. 104. Рис. 8, 4. С. 107. Рис. 11.
- ³ Там же. С. 104. Рис. 4. С. 107. Рис. 1. С. 106. Рис. 10.
- ⁴ Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963. С. 19. Рис. 8.
- ⁵ Бегрзов Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1984. Т. I. С. 39, 40. Рис. 9; Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования... С. 92. Рис. 4, 1. С. 94, 94; Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования... С. 174—176. Рис. 12. С. 181—183. Рис. 16. С. 185, 186. С. 187. Рис. 20.
- ⁶ Трифонов В. А. Погребения с повозками эпохи палеометалла в степном Прикубанье // Тез. докл. к Всесоюзному совещанию «Археология в XI пятилетке». Л., 1983. С. 27, 28; Шилов Ю. А. Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982. С. 105.
- ⁷ Шилов Ю. А. Памятники старосельского типа... С. 106; Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. 1973. Вып. 134. С. 60—67.
- ⁸ Шилов Ю. А. Памятники старосельского типа... С. 107, 114.
- ⁹ Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: (Периодизация и культурно-историческая характеристика): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 17.
- ¹⁰ Резепкин А. Д. Результаты работ майкопского отряда Кубанской экспедиции в окрестностях станицы Новосвободной в 1979—1983 гг. // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. доклад. Майкоп, 1984. С. 9, 10.
- ¹¹ Лонгаче Г. Н. Могильник в устье р. Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 31—34. Табл. II—V.
- ¹² Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 274—278.
- ¹³ Palmieri Excavations at Arslan-tepe (Malatya) // AS. London. 1981. В. 31. P. 101, 107. Fig. 3; P. 108. Fig. 4.
- ¹⁴ Кореневский С. Н. Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у станицы Псебайской // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 69. Рис. 1, 1.
- ¹⁵ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 328, 329; Андреева М. В. К вопросу о южных связях... С. 274—278.
- ¹⁶ Дедабришвили Ш. Ш. Курганы алазанской долины: Тр. Кахетской археол. экспедиции. Тбилиси, 1979. С. 22, 40. Табл. XXXVII—XXXX.
- ¹⁷ Джапаридзе О., Авалишвили Г., Церетели А. Отчеты работы Кахетской (майкопской) археологической экспедиции за 1980—1981 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1986. Вып. VIII. С. 33. Рис. 4.
- ¹⁸ Марковин В. И. Новый памятник эпохи бронзы в Горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 95. Рис. 29, 6.
- ¹⁹ Там же. С. 133.

НОВЫЙ КАРАСУКСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ БАШКИРИИ

В 1981 г. в Музей археологии и этнографии Башкирии (г. Уфа) поступил бронзовый кинжал, найденный в д. Абдулманбетово Абзелиловского р-на Башкирской АССР на огороде. Кинжал был доставлен в музей местным учителем. Точнее об условиях его находки ничего не известно¹.

Кинжал имеет наверху — грибовидную шляпку, петельки под ней нет; ручка — овальная в сечении, несколько расширенная к перекрестью, орнамента на ней нет. На одной стороне ручки — щель, перехваченная одной перемычкой. Перекрестье представляет собой хорошо выраженные «шипы» и значительно превышает по ширине клинок. Клинок в форме длинного узкого треугольника, линзовидный в сечении. Конец клинка обломан, и в верхней части ручки имеется поперечная трещина. Кинжал был измерен по программе, по которой измерялись все карасукские кинжалы. Результаты измерений приведены в таблице.

По форме, размерам и пропорциям публикуемый кинжал типично карасукский. Это третий из найденных в Башкирии карасукских кинжалов, которые удалось измерить. Все они найдены на востоке Башкирии, в Башкирском Зауралье. Два предыдущих кинжала, из деревень Сулейменево и Ильчигулово, найдены в Учалинском районе Башкирии, в нескольких десятках километров к северо-востоку от Абдулманбетово².

Из всех известных карасукских кинжалов кинжал из Абдулманбетово ближе всего именно к башкирским кинжалам из Сулейменево и Ильчигулово: к кинжалу из Сулейменево он очень близок по абсолютным размерам и пропорциям (см. табл.) к кинжалу из Ильчигулово — по наличию и ширине щели в ручке и отсутствию петельки под навершием. От обоих ранее известных кинжалов кинжал из Абдулманбетово отличается хорошо выраженным перекрестьем — шипами, чуть опущенными вниз; такие встречаются эпизодически на разных территориях: в Восточной Европе, Восточном Казахстане, даже в Забайкалье и Ордосе³.

В общем же карасукские кинжалы из Башкирии образуют компактную группу и территориально, и по своим размерам и пропорциям. Если же включить их в одну из больших групп карасукских кинжалов, то и по форме, и по пропорциям они вполне укладываются в группу уральско-восточноевропейских кинжалов (абсолютные размеры кинжалов этой группы дают значительный разброс)⁴. Из 9 отличительных признаков уральско-восточноевропейской группы⁵ новый кинжал из Абдулманбетово имеет 7: у него отсутствует срединная жилка, ручка имеет щель с перемычкой, клинок — вытянутый

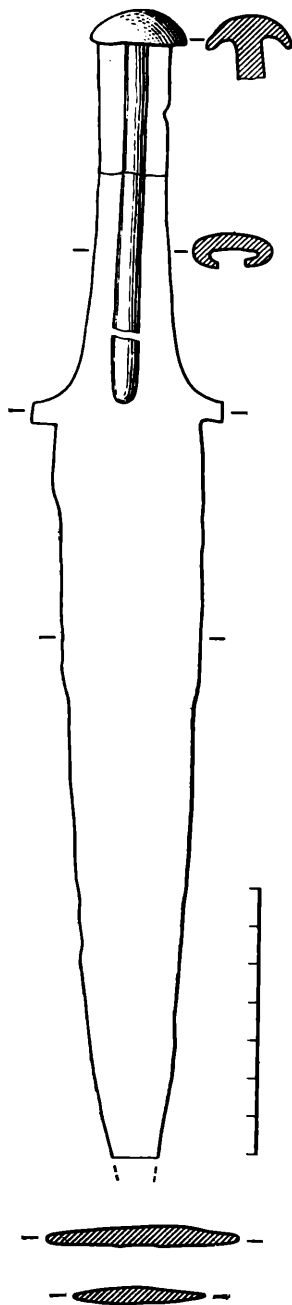

Рис. 1. Карасукский кинжал

треугольник, ручка без орнамента, сечение ручки овальное, навершие — шляпка, сечение клинка линзовидное.

Из других больших групп кинжал из Абдулманбетово по сумме отличительных признаков ближе всего к группе казахстанских кинжалов (у них 6 общих признаков). Казахские карасукские кинжалы вообще достаточно разнообразны; среди них есть экземпляры с навершием-шляпкой, овальной в сечении неорнаментированной ручкой (часто со щелью с перемычками), небольшими шипами-перекрестьем и треугольным клинком, — именно они обнаруживают близость к башкирским кинжалам. Однако у казахских кинжалов достаточно часто встречается срединная жилка (хотя не у всех), а для башкирских кинжалов (и всех вообще уральско-восточноевропейских) она не характерна. К сожалению, абсолютные размеры и точные пропорции большинства карасукских казахских кинжалов мне неизвестны, так как я знаю их лишь по публикациям. Создается, однако, впечатление, что они близки и по пропорциям, только ручка у казахских кинжалов в нижней части расширяется сильнее и клинок (по крайней мере у некоторых кинжалов) несколько шире⁶.

При издании предыдущих карасукских кинжалов из Башкирского Зауралья уже обращалось внимание на то, что они очень далеки по своим признакам от территориально соседних с ними западносибирских кинжалов⁷. Было высказано предположение, что карасукские кинжалы из Башкирского Зауралья происходят из Казахстана. Новый кинжал из Абдулманбетово во всяком случае никак не противоречит этому предположению. Поскольку казахские карасукские кинжалы почти все происходят из Прииртышья, можно думать, что они попали в Зауралье по тому самому иртышскому пути, который играл столь важную роль в эпоху поздней бронзы и раннего железа для осуществления связей между Алтаем—Восточным Казахстаном, с одной стороны, и Зауральем—Уралом—Прикамьем — с другой⁸.

Немаловажную роль в вопросах классификации и происхождения карасукских кинжалов из Башкирии должен сыграть анализ их металла. К сожалению, пока анализу был подвергнут лишь один из них (кинжал из Сулейменево). По заключению Т. В. Барцевой (Кабинет спектрально-

Таблица

Индивидуальные измерения кинжала из Абдулманбетово и других карасукских кинжалов из Башкирии

№ пп	Длина кинжала, см.	Ширина клинка макс., см	Длина клинка, см	Длина ручки с перекрестьем, см	Указатель строгости	Указатель клинка	Указатель ручки	Ширина щели в ручке, см
1	31,6	3,9	21,0	10,6	12,3	18,5	33	0,7
2	31,7	4,3	20,0	11,7	13,6	21,5	39,4	—
3	19,1	3,3	8,8	10,3	17,2	37,5	32,0	0,7

Толщина клинка в сечении, мм	Ширина перекрестья, см	Ширина ручки макс., см	Ширина ручки мин., см	Равность ширины перекрестья и макс. ширины ручки, см	Равность ширины ручки макс. и мин., см	Толщина ручки обшай, мм	Место находки
5	5,0	3,5	1,8	1,5	1,7	9	Абдулманбетово
6	4,6	3,0	1,5	1,6	1,5	10	Сулейменево
5	3,3	2,2	1,5	1,1	0,7	9	Ильчигулово

го анализа ИА), написанному для данной статьи, кинжал из Сулейменевско-го отлит из сложного оловянно-мышьяковистого сплава на медной основе. В химическом составе имеются микропримеси висмута, серебра, сурьмы. По химико-металлургическим характеристикам металл сулейменевского кинжала близок к кругу казахстанско-алтайских изделий эпохи бронзы и раннего железа (ирменской культуры Северного Алтая, тасмолинской и сакской культур Казахстана)⁹ и не противоречит, таким образом, предположению о казахстанском происхождении башкирских карасукских кинжалов.

¹ Рисунок кинжала в натуральную величину был прислан мне Р. Б. Исмагиловым в письме от 6.10.1981 г. Благодарю за этот рисунок и за сведения о месте его находки Р. Б. Исмагилова и В. А. Иванова, также сообщившего об этом кинжале в письме от 12.2.1981 г.

² Членова Н. Л. Карасукские находки на Урале и в Восточной Европе // СА 1973. № 2. С. 191—193; *Она же*. Карасукские кинжалы. М., 1976. С. 50—52, сл. табл. 9, 1, 2.

³ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы... Табл. 9, 5; 8, 6; 7, 14; 10, 1.

⁴ Там же. С. 80. Табл. В; 9.

⁵ Там же. С. 82. Табл. Д, признак 1—9.

⁶ Там же. Табл. Д, признак 2—6, 8; табл. 8.

⁷ Членова Н. Л. Карасукские находки... С. 193; *Она же*. Карасукские кинжалы... С. 52, 53.

⁸ Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 4—36. Особенно с. 17—20. Рис. 7.

⁹ Шифр Кабинета спектрального анализа ИА: КСИА, № 32.273—32.275. Благодарю Т. Б. Барцеву за заключение о металле сулейменевского кинжала.

ХРОНИКА

Б. Г. ТИХОНОВ

РАБОТА ОТДЕЛА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1985—1986 ГГ.

Сотрудники Отдела, как и ранее, продолжали разработку индивидуальных тем по различным проблемам истории первобытного общества и этногенезу древнейшего населения на территории Советского Союза. Значительное внимание уделялось подготовке к изданию отдельных томов «Археологии СССР», связанных с проблематикой Отдела, т. е. с периодами мезолита, неолита и бронзы. Некоторые сотрудники принимали участие в написании отдельных разделов для томов более поздних периодов.

В составе Отдела работают 24 научных сотрудника и один консультант, доктор исторических наук Д. А. Крайнов. Из состава Отдела выбыли лаборант Е. П. Голубева, старшие научные сотрудники Е. К. Черныш, Е. Е. Кузьмина. Всего же с середины 70-х годов по различным причинам Отдел уменьшился, из его состава выбыло девять сотрудников. Зачислены в состав Отдела младшие научные сотрудники М. Г. Жилин, защитивший канд. дисс. «Технико-функциональное исследование мезолитических каменных изделий Волго-Окского бассейна», и А. В. Куйбышев.

За два года Отделом проведено 61 заседание: заслушано 40 докладов сотрудников Отдела, по 20 докладов сотрудников других подразделений института и представителей различных научных организаций. Обсуждены 17 докладов аспирантов и соискателей по диссертациям, отдельным разделам диссертационных работ и проведенным ими полевым исследованиям.

Сотрудники Отдела завершили в 1985—1986 гг. ряд плановых тем. В 1985 г. — М. П. Зимина «Каменный век бассейна реки Мсты». «Древней-

шие земледельцы Северной Месопотамии» и Е. К. Черныш «Поселение Флорешты». Все монографии посвящены публикации материалов конкретных памятников с обоснованием их периодизации, относительной и абсолютной хронологии, а также определением их культурной принадлежности. Статьи подготовили Д. А. Крайнов («Волосовская культура Волго-Окского междуречья») и В. В. Бжания («Неолит Кавказа»).

В 1986 г. выполнили плановые темы еще несколько сотрудников. Работа М. А. Дэвлет «Петроглифы правобережья реки Чинге» посвящена многолетним исследованиям наскальных изображений эпохи бронзы и железа в зоне затопления Саяно-Шушенской гидростанции. Ю. А. Смирнов в монографии «Мустьерские погребения» рассмотрел все известные в настоящее время погребения Евразии указанного периода. Это первая сводка ранних погребений с хронологическим и стратиграфическим их определением и рассмотрением в целом важнейшей проблемы возникновения древнейших преднамеренных захоронений.

Ю. С. Гришин в монографии «Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа Прибайкалья и Байкала» систематизировал материалы слабоизученных ранее памятников указанной территории, представил их в историческом развитии с обоснованием относительной и абсолютной хронологии, а также рассмотрел вопросы происхождения и хозяйственной деятельности населения этой территории в указанные периоды.

Две плановых работы выполнены В. И. Марковиным: для «Истории Адыгейской автономной области» им написана глава «Патриархально-родовая община и ее разложение: Первые этапы военной демократии. (Население бассейна реки Кубани в эпоху поздней бронзы и раннего железа)», а также «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время» для «Археологии СССР» (Отдел скифо-сарматской археологии).

Сверх плана сотрудниками Отдела Н. Я. Мерпертом и В. С. Титовым совместно с Л. И. Авиловой и болгарскими авторами написана на болгарском языке монография «Плоская могила у с. Юнаците», в которой представлены результаты раскопок верхних слоев памятника, относящихся к концу II и I тысячелетиям до н. э.

Большое внимание Отдел уделяет подготовке к изданию очередных томов «Археологии СССР», обсуждению которых он посвятил несколько заседаний. Подготовлены к сдаче в издательство тома «Мезолит СССР» (ответственный редактор Л. В. Кольцов) и «Бронзовый век Средней Азии и Кавказа» (ответственные редакторы В. И. Марковин, В. И. Саррианиди и К. Х. Кушнарева).

За два года Отделом обсуждены и рекомендованы к защите докторская диссертация Г. Н. Матюшина «Каменный век Южного Урала. Предуралье. Проблема становления производящего хозяйства», кандидатские диссертации В. И. Логвина «Неолит и энеолит степного Притоболья», Е. Л. Костылевой «Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры»; О. Н. Корочковой «Эпоха поздней бронзы Нижнего Притоболья»; Т. С. Малютиной «Федоровская культура казахстанских степей», А. С. Смирнова «Неолит Верхней и Средней Десны», А. Ф. Шорина «Среднее Зауралье в эпоху развитой и средней бронзы» и Я. Н. Нерсесова «Раннеземледельческие культуры Северной и Северо-Западной Мексики».

За этот же период, кроме упомянутой диссертации М. Г. Жилина, защищены кандидатские диссертации аспирантами А. Ф. Гореликом «Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья», В. В. Геннигом «Погребальный обряд населения Северного Поднепровья в эпоху неолита-бронзы», В. И. Мельником «Степное Поволжье в эпоху средней бронзы» и В. В. Сидоровым «Западный вариант льяловской культуры».

Диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук «Мезолит Юго-Восточного Прионежья и бассейна реки Сухоны» защитила старший научный сотрудник Отдела С. В. Ошибкина.

Сотрудник Отдела В. Ф. Старков представил монографию, которая выходит за рамки проблематики Отдела и рассмотрена Отделом славяно-

русской археологии. В монографии «Освоение Шпицбергена и общие проблемы русского арктического мореплавания» на материале, полученном в результате работ Шпицбергенской экспедиции ИА АН СССР и Мангазейской экспедиции Арктического и Антарктического НИИ и ИА АН СССР, с привлечением письменных источников раскрыта история освоения Арктики русскими в XVI—XVIII вв. Автор показал основные этапы проникновения поморов далеко на север и доказал существование двух основных русских арктических магистралей: Мангазейского морского пути, ориентированного на восток, и Хода грумландского, ведущего на северо-запад в сторону Шпицбергена.

Сотрудники Отдела опубликовали ряд монографических работ. Т. М. Потемкина в работе «Бронзовый век лесостепного Притоболья» (М., 1985) дала характеристику поселений и могильников, раскопки которых проведены в последние 15 лет. Большое внимание уделено периодизации и культурной принадлежности памятников. Привлечение данных естественных наук позволило выявить картину хозяйственной жизни населения Притоболья во II — начале I тысячелетия до н. э.

В. И. Сарияниди в издательстве «Аврора» опубликован альбом «Золото Бактрии» (Ленинград, 1985) на немецком, французском и английском языках. Им же издана монография «Древнее искусство Афганистана» (Лейпциг, 1986), где изложены результаты исследования памятников, находок произведений искусства II тысячелетия до н. э. в Афганистане.

Вышла в свет «Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.» (М., 1986), редактором и автором ряда разделов которой был В. С. Титов.

История развития русской археологической науки посвящена книга А. Л. Формозова «Страницы истории русской археологии» (М., 1986).

Х. А. Амирханов опубликовал монографию «Верхний палеолит Прикубанья» (М., 1986), где обобщены все известные в настоящее время материалы по верхнему палеолиту Прикубанья, рассмотрены вопросы развития материальной культуры и природного окружения насельников Северо-Западного Кавказа в эпоху верхнего палеолита.

Кроме указанных работ, под редакцией В. И. Марковина вышел из печати сборник «Новое в археологии Северного Кавказа» (М., 1986). Им же опубликована научно-популярная книга «Испун — дома карликов» (Краснодар, 1985), где изложена история изучения дольменов, представлен материал, полученный при раскопках, рассмотрены вопросы происхождения, назначения и датировки дольменных памятников.

А. П. Погожева посвятила работу трипольской пластике, ее происхождению, исторической значимости как предметов культового назначения (Die Statuetten der Tripolie-Kultur. München. 1985).

Кроме монографий, сотрудники Отдела в различных изданиях опубликовали около 120 статей, заметок, рецензий и тезисов, 13 из них опубликованы в зарубежных изданиях.

Большая работа сотрудниками Отдела ведется по редактированию и рецензированию монографий, диссертаций, сборников, различных статей и полевых отчетов. Так, было отредактировано 14 монографий и сборников, три статьи, отрецензировано 32 монографии и сборника, около 90 статей и около 240 полевых отчетов. Сотрудники Отдела выступили оппонентами на защитах 15 докторских и кандидатских диссертаций.

Почти все сотрудники Отдела принимали участие в различных конференциях и симпозиумах. На сессии Института археологии АН СССР в г. Баку с докладом выступил Х. А. Амирханов, в работе сессии приняли участие В. И. Марковин и Т. М. Потемкина.

В. Ф. Старков принимал участие в подготовке IX Уральского археологического совещания в г. Тобольске, в его работе — М. Ф. Косарев, С. В. Ошибкина и Т. П. Потемкина. М. Ф. Косарев принял участие в семинаре «Переходное время от бронзового века к железному» в г. Тюмени и в заседании Координационного совета по археологии и этнографии Западной Сибири в г. Новосибирске.

В. Я. Сергин участвовал в Конференции по четвертичной геологии и археологии Южной Сибири в г. Улан-Удэ и в Ефименковских чтениях в г. Ленинграде с докладом о сезонности палеолитических поселений.

Д. А. Крайнов, Н. Я. Мерперт и Б. Г. Тихонов выезжали в г. Оренбург на зональную Конференцию по проблемам неолита. Д. А. Крайнов сделал доклад «Абсолютная хронология культур Верхней Волги» на конференции по проблеме «Хронология четвертичного периода» в г. Москве, в советско-финском симпозиуме по проблеме этногенеза финнов в г. Ленинграде, вместе с С. В. Ошибкиной участвовал в конференции по проблемам балтов в г. Риге. Она же выступила с докладом на VII Всесоюзном симпозиуме по истории озер в г. Ленинграде.

Прочитали доклады: М. Г. Жилин на конференции молодых ученых Института археологии в г. Москве — «Технология обработки камня в бутовской культуре», Л. В. Кольцов на конференции Калининского областного музея — «О мезолите и неолите Верхнего Поволжья».

В конференции «Палеолит Кавказа и сопредельных территорий» участвовал Х. А. Амирханов. В. В. Бжания сделал доклад об исследовании памятников неолита и бронзы в Абхазии на юбилейной конференции Абхазского института в г. Сухуми. В. И. Марковин на XIV Крупновских чтениях в г. Орджоникидзе сделал доклад «Вопросы изучения средневековых петроглифов Северного Кавказа» и на II Всесоюзном симпозиуме в г. Телави «Кавказ в системе евразийских культур эпохи раннего металла», доклад «Курган Псенако I и дольменные памятники Западного Кавказа». В этом же симпозиуме участвовал Н. Я. Мерперт.

М. А. Дэвлет на I Всемирном симпозиуме по наскальному искусству на Кубе выступила с докладом «Петроглифы Северной, Средней и Центральной Азии» и в Институте истории Кубы — «Достижения советской археологии». На Советско-Американском симпозиуме в США Н. Я. Мерперт выступил с докладом о Циркумпонтийской зоне в IV—III тысячелетиях до н. э., в работе XXXI национальной конференции в г. Велико-Тырново в Болгарии участвовал В. С. Титов, на Всемирном археологическом конгрессе в Великобритании Х. А. Амирханов сделал доклад о палеолитических памятниках, исследованных им в Йемене.

В. В. Волков на ученом совете Института истории МНР выступил с докладом «Основные итоги полевых работ Советско-Монгольской экспедиции» и на эту же тему с докладом на заседании Советско-Монгольской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук.

В. Ф. Старков прочитал на Шпицбергене лекции «Русские открытия в Арктике» для норвежских, польских и голландских специалистов, а на кафедре этнографии Шведского университета и в г. Турку в Финляндии — «Русское арктическое мореплавание в XVI в.».

Н. Я. Мерперт участвовал в археолого-лингвистической конференции по индоевропейской проблеме, выступив с докладом об этнокультурной ситуации в Восточной Европе и Передней Азии в IV—III тыс. до н. э.

Отделом проведено четыре заседания методологического семинара. Выступили М. Г. Жилин, М. А. Дэвлет, М. Ф. Косарев и Н. Я. Мерперт.

В Советско-Йеменской экспедиции Х. А. Амирханов исследовал доашельскую пещеру Аль-Гузы и многослойные пещерные стоянки Шаркабиль и Аль-Амира.

Н. Я. Мерперт в Советской экспедиции в Ираке работал на многослойном поселении Шейх-Хомси, где исследовал слои ассирийской (I тысячелетие до н. э.), урукской (IV тысячелетие до н. э.) и убейдской (V—IV тысячелетия до н. э.) культур. Он же руководил работами Советско-Болгарской экспедиции на теле Плоская могила у с. Юнаците Пазарджикского округа, где на широкой площади исследовались энеолитические и раннебронзовые слои (IV—III тысячелетия до н. э.). На поселении вскрыты большие дома и оборонительные сооружения.

В. В. Волков руководил раскопками Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, которая изучала наскальные рисунки и плиточные могилы на западе Монголии.

В. Ф. Старков продолжал изучение памятников поморов на Шпицбергене. Были раскопаны поселение Имербукта на острове Западный Шпицберген и Кингхамны на острове Принца Карла, где вскрыты две жилищно-хозяйственные постройки и получены находки XVII—XVIII вв. н. э. Большой интерес представляет находка остатков русского судна, проливающая новый свет на историю русского полярного кораблестроения в XVI—XVII вв. Судно предназначалось для плавания в условиях открытых ледовых морей.

Северо-западная экспедиция под руководством М. П. Зиминой продолжала исследование на поселении и могильнике Репище, за два сезона были расчищены еще 79 погребений с богатым янтарным инвентарем.

Северная экспедиция С. В. Ошибкиной продолжала раскопки на стоке Нижнее Веретье, на мезолитической стоянке Сухое и могильниках Попово и Песчаница. Сохранились деревянные и костяные орудия, наличие которых по-новому рисует картину деятельности древнего населения.

Верхневолжская экспедиция Д. А. Крайнова вела исследования на стоянках Сахтыш II, Ивановское III, IV и V и Вапутинская. На стоянках сделаны находки от мезолита до железного века включительно.

Самая крупная экспедиция отдела — Калининская, работает под руководством Л. В. Кольцова в зоне строительства Ржевского водохранилища, исследуя памятники от мезолита до русского средневековья. В составе экспедиции работает М. Г. Жилин. 10 отрядов вели работы на 40 памятниках. Интерес представляют находки на Благовещенском могильнике ожерелья из восьми серебряных бляшек, а на селище — железодельной мастерской, византийских и сирийских бус и стила для письма на бересте.

Горьковский отряд под руководством М. Г. Жилина проводил изучение Жуковской стоянки. Воронежская экспедиция под руководством Б. Г. Тихонова совместно с экспедицией Воронежского университета под руководством Ю. П. Матвеева исследовала пять курганов в Панинском и Ново-Усманском районах (катакомбная, абашевская и срубная культуры).

Гонцовский отряд В. Я. Сергина продолжал исследования жилищно-хозяйственного комплекса в Гонцах. В 1986 г. отряд исследовал Сростинское палеолитическое поселение на Алтае и совместно с Куйбышевским университетом — палеолитическую стоянку Челюскинец II.

В Абхазии продолжала исследования Причерноморская экспедиция В. В. Бжания на Тамышловском и Сомбаровском поселениях колхидской культуры, обнаружены жилища в нижнем слое — мустьерский острокопечник (?).

Прикаспийская экспедиция В. И. Марковина при участии Х. А. Амирханова исследовала стоянки у сел Аймало и Уйтаг, наскальные рисунки в предгорьях Дагестана, произведен обмер Датунского храма. На восточном побережье Каспия работала Волго-Уральская экспедиция Л. Л. Галкина. Раскопаны 4 кургана, поселение и 2 святилища эпохи бронзы.

В Туркмении Маргианской экспедицией В. И. Сарияниди завершены работы по вскрытию протозороастрийского храма Тоголок 21, относящегося к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Т. М. Потемкина в Пенджикентской экспедиции руководила раскопками могильника алакульского облика XIII—XII вв. до н. э.

На Алтае горноалтайская экспедиция А. П. Погожевой исследовала курганы эпохи ранней бронзы. Отряд по изучению тетроглифов под руководством М. А. Дэвлет в Тувинской АССР доисследовал памятники, подлежащие затоплению, в долине р. Чинге найдены наскальные рисунки.

На средства Владимирского музея Ю. А. Смирнов возобновил раскопки палеолитической стоянки Сунгирь.

Все сотрудники участвовали в пропаганде археологических знаний.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Н. Н. Гурина.</i> О некоторых методах обработки неолитической керамики	3
<i>В. Я. Шумкин.</i> К вопросу о формировании хозяйственно-культурных типов у древнего населения Кольского полуострова	9
<i>Н. Ф. Лисицын.</i> К вопросу о неолите Хакасии	15
<i>М. Д. Хлобыстина.</i> Биритуальные погребения Евразийской степи в бронзовом веке	20
<i>В. Л. Державин.</i> К вопросу о погребениях в ямах с уступами в степном Ставрополе в эпоху бронзы	27
<i>Э. В. Сайко.</i> Техничко-технологические факторы в развитии раннеземледельческого общества	32
<i>А. П. Журавлев.</i> Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии	38
Список сокращений	45

Полевые исследования

<i>В. В. Пигулько.</i> Новые стоянки с каменным инвентарем на крайнем северо-востоке Европейской части СССР	46
<i>И. В. Гаврилова, О. В. Овсянников.</i> Археологические исследования на полуострове Канин	51
<i>Д. А. Крайнов, Е. Л. Костылева.</i> Раннеолитическая стоянка Шадрино IV в бассейне р. Лух	56
<i>Т. Б. Крылова.</i> Неолитическая стоянка Тиница в Калининской области	60
<i>А. В. Уткин.</i> Неолитическая стоянка Ивановское I	65
<i>А. А. Выборнов, Л. Я. Крижевская.</i> Раннеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая	71
<i>С. В. Ошибкина.</i> Стоянка Тихманга	75
<i>В. И. Балабина, И. П. Гирнык.</i> Зооморфные изображения из Чичиркозовского поселения	81
<i>С. Н. Корневский.</i> Два погребения майкопской культуры из Кисловодска	88
<i>А. В. Кондрашов, А. Д. Резепкин.</i> Новосвободненская возка	
<i>Н. Л. Членова.</i> Новый карасукский кинжал и	

Хроника

Б. Г. Тихонов. Работа отдела неолита и бронзы